

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Монография

Под общ. ред. д-ра экон. наук А.Н. Пилипенко

Днепр
НГУ
2017

УДК 330.341:330.837
ББК 65.01
С 64

Рекомендовано до друку вченою радою ДВНЗ «Національний гірничий університет» (протокол № 15 від 20.12. 2016).

Рецензенти:

А.О. Задоя, д-р екон. наук, проф., завідувач кафедри міжнародних економічних відносин та економічної теорії ПВНЗ «Дніпропетровський університет ім. Альфреда Нобеля»;

О.В. Горняк, д-р екон. наук, проф., завідувач кафедри економічної теорії та історії економічної думки Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова;

В.Д. Якубенко, д-р екон. наук, проф., професор кафедри політичної економії обліково-економічних факультетів ДВНЗ «Київський національний економічний університет ім. Вадима Гетьмана».

Автори: Н.І. Литвиненко (розділи 3.2, 4.2), В.В. Липов (розділи 1.1, 1.2), В.Е. Ксензова (розділи 2.3, 4.3), С.В. Ксензов (розділи 2.3, 4.3), О.В. Крижановська (розділ 4.3), Г.М. Пилипенко (вступ, розділи 2.1, 2.2, 3.1, 4.2, висновки, загальна редакція), Ю.І. Пилипенко (розділи 3.2, 4.1).

Социокультурные факторы экономического развития: монография / под общ. ред. А.Н. Пилипенко; М-во образования и науки Украины, Нац. горн. ун-т. – Днепр : НГУ, 2017. – 182 с.

ISBN 978-966-350-625-8

Исследовано влияние социокультурных факторов на экономическое развитие национальных экономик. Показано, как исторические условия развития восточнославянских народов определили ментальные черты российского, украинского и белорусского населения. На основе результатов национальных опросов по методике Г. Хофстеда выявлены те специфические черты экономической ментальности россиян, белорусов и украинцев, которые оказали влияние на характер современного социально-экономического развития России, Украины и Беларуси.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами влияния культуры на социально-экономическое развитие.

УДК 330.341:330.837
ББК 65.01

ISBN 978-966-350-625-8

© Державний ВНЗ «НГУ», 2017
© Г.М. Пилипенко (заг. ред.)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	8
1.1. Культура как основание хозяйственной деятельности человека.....	8
1.2. Институциональная архитектоника как элемент культуры хозяйствования.....	29
Глава 2. ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ	39
2.1. Исторические условия формирования западноевропейских и восточнославянских хозяйственных ценностей	39
2.2. Геополитический фактор в становлении украинской ментальности.....	57
2.3. Этносоциум Беларуси сквозь призму теории базисных институциональных матриц.....	72
Глава 3. КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	95
3.1. Историческая ретроспектива исследований влияния культуры на экономику.....	95
3.2. Современные подходы к измерению культур.....	106
Глава 4. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	125
4.1. Украина, Россия, Беларусь на ментальной карте мира.....	125
4.2. Региональная карта ментальности Украины по Г. Хофстеду	138
4.3. Особенности белорусской ментальности.....	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
ЛИТЕРАТУРА	172

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития государств постсоветского пространства отмечен весьма сложными политическими и экономическими преобразованиями, требующими своего осмысления как с теоретической, так и с практической точек зрения. Трансформационные процессы, которые начались в 90-е гг. XX века, коренным образом изменили геополитическую карту мира – на месте просуществовавшего почти 70 лет СССР и так называемого «социалистического лагеря» образовались новые независимые государства, которые стали формировать свои политические и социально-экономические системы на принципиально новых основаниях. Имея перед собой наглядный пример функционирования достаточно эффективной и процветающей экономики западных стран, большинство постсоветских государств избрало либеральный путь развития, сведя все преобразования экономической системы до трансформации ее централизованно-плановой модели в рыночную.

Однако практика либеральных реформ показала, что снятие административных преград на пути развития частной инициативы отнюдь не приводит к автоматическому возникновению эффективной рыночной экономики, способной обеспечить бурный экономический рост, богатство и процветание нации. Постепенно пришло осознание того, что любые социальные трансформации не могут осуществляться без учета исторических особенностей развития каждой конкретной страны, ее национально-культурных традиций, господствующих мировоззренческих систем и доминирующих неформальных институтов.

Подытоживая результативность процессов либерализации в Восточной Европе американский экономист, лауреат Нобелевской премии Дж. Тобин заметил: «К сожалению, профессиональные западные советники по управлению переходом посткоммунистических государств к рыночному капитализму – экономисты, финансисты, руководители бизнеса, политики – способствовали появлению ложных ожиданий... Они упускали из вида, что весьма сложные структуры законов, институтов и обычаев, которые веками формировались в капиталистических странах, суть важнейшие устои современных рыночных систем» [121, с.75]. Время показало, что успех социальных трансформаций напрямую зависит от способности людей воспринимать перемены и следовать новым нормам и правилам. Последние как выражение сути социальных институтов могут быть эффективными только тогда, когда будут отвечать глубинным ценностным установкам субъектов.

Как известно, социокультурные ценности являются продуктом длительного исторического развития общества, которое происходит под влиянием географических, демографических, экономических, социальных и культурологических условий жизни народов. Источником ценностей является культура, общение и совместная деятельность людей. Ценности как важнейший элемент общественного сознания формируют субъективное отношение людей к

труду, богатству, власти, свободе и др., оказывают влияние на их мысли и чувства, обуславливают экономическое поведение и, тем самым, определяют направления деятельности. Последние, в свою очередь, либо содействуют развитию общества, либо превращаются в его тормоз.

Именно в силу этих причин возникает необходимость учета влияния культуры на социально-экономическое развитие – только зная, как думают и действуют люди, каковы их ценности, какие неформальные институты доминируют в обществе, можно избрать такие рычаги воздействия на экономику, которые будут соответствовать «духу» народа, аккумулировать его энергию и направлять на построение новой реальности.

В мировой экономической науке проблемам влияния культуры на экономику уделяли внимание такие выдающиеся теоретики, как П. Артур, М. Вебер, Т. Веблен, П. Дэвид, В. Зомбарт, Д. Норт, К. Поланьи, А. Тоинби, Д. Троссби, Ф. Фукуяма. Эти и ряд других ученых пытались отыскать взаимосвязь между отдельными социокультурными факторами и характером социально-экономического развития отдельных стран и даже цивилизаций.

С конца XX века культура стала подвергаться количественному измерению – Г. Хофстед, Р. Инглхарт, Ф. Тромнаарс, Ч. Хемпден-Тернер, Г. Триандис, М. Бонд, К. Леунг, Ш. Шварц и другие ученые предложили методологические подходы, позволяющие эмпирически выявить и зафиксировать влияние культуры на различные аспекты экономической деятельности людей. Эти и ряд других исследований существенно расширили наше понимание взаимосвязи культуры и экономики, в контексте которой стали оцениваться последствия институциональных реформ в ряде государств.

В экономической науке, которая развивалась в постсоветских государствах, интерес к данной проблематике возник довольно поздно. Это было связано с большой инерционностью мышления подавляющего большинства теоретиков, воспитанных на марксистско-ленинской идеологии о первичности бытия и вторичности сознания. Соответственно, научные исследования сосредотачивались преимущественно на материальных (ресурсных, технико-технологических, организационных) факторах социально-экономического развития, неэкономическим же источникам последнего внимания уделялось мало. Сказалось и отсутствие необходимой литературы – живя долгие годы «за железным занавесом» ученые далеко не всегда имели возможность узнавать о передовых научных достижениях Запада.

Необходимость переосмысления опыта трансформационных процессов и поиск новых путей модернизации, все большая открытость национальных экономик в рамках мирового хозяйства заставили постсоветских теоретиков-экономистов выйти за предметные рамки традиционного анализа и сосредоточить свое внимание на исследовании проблем развития социально-экономических систем в междисциплинарной плоскости.

Среди работ, специально посвященных исследованию влияния особенностей национальных культур на экономическое развитие, необходимо выделить труды Т. Гайдай, А. Задой, Г. Задорожного, С. Кирдиной, Н. и Ю. Латовых, Н. Лебедевой, П. Лемещенко, Р. Нуреева, В. Тарасевича, А. Татарко,

В. Якубенко, Е. Ясина и некоторых других ученых. Отдельным аспектам взаимосвязи культуры и организационных структур в Украине уделяли внимание О. Горняк, Н. Костюченко, В. Кукоба, Ю. Петрушенко.

Процессу вовлеченности в предметное поле экономической науки постсоветских государств неэкономических факторов, в том числе и культуры, активно способствовало общественное движение – деятельность Международной ассоциации институциональных исследований. Последняя была создана В. Дементьевым и Р. Нуреевым как объединение институционалистов России, Украины и Беларуси. В рамках данной организации происходило общение единомышленников, занимающихся развитием институциональной теории и ее адаптацией к реалиям постсоветской экономики, осуществлялись совместные научные исследования, публиковались научные достижения. Именно активное участие авторов данной монографии в деятельности этой организации позволило обосновать на теоретическом уровне формы взаимодействия национальной культуры и экономики, а также измерить эту связь эмпирически на основе результатов проведенных самостоятельно социологических опросов национального масштаба в Украине и Беларуси по методике Г. Хофстеда.

Книга, которую вы держите в руках, является результатом многолетней совместной работы ученых Национального горного университета (г. Днепр), Харьковского национального экономического университета им. С. Кузнецца и Белорусского государственного экономического университета (г. Минск). В ней на глубоком теоретическом уровне раскрыты базовые элементы культуры, которые делают ее основанием хозяйственной деятельности человека и определяют характер социально-экономического развития. Механизм этих элементов рассматривается и в исторической плоскости – авторы пытаются показать, как природно-географические, геополитические, социальные, экономические и культурологические условия развития восточнославянских народов определили ментальные черты российского, украинского и белорусского населения. Прделанный исторический экскурс позволяет понять, в каких формах и в какой степени проявляется для исследуемых народов характер их «зависимости от предшествовавшего развития».

Понимание сущности процесса влияния культуры на экономику не является, однако, достаточным для его применения на практике. Для того, чтобы учесть национальную специфику, необходимо оперировать хотя бы какими-то количественными показателями. Как отметила Н. Лебедева, невзирая на то, что культура – явление трудноосознаемое, которое можно почувствовать, сложно понять, а еще сложнее измерить и загнать в формализованные рамки математической статистики и моделирования, ее все-таки можно и нужно измерять [69, с. 3]. Поэтому авторы данной монографии уделили особое внимание вопросу принципиальной возможности измерения культуры, предоставив читателю информацию о становлении и развитии в исторической плоскости конкретных методов и инструментов, с помощью которых можно выявить влияние культуры на экономику.

Итогом теоретических исследований взаимосвязи культуры и экономики стало представление в работе данных о ментальности восточнославянских народов, которые базируются на результатах национальных опросов по методике Г. Хофстеда, проведенных в Украине и Беларуси в 2009–2011 гг. непосредственно авторами монографии. Данные по России были взяты из работ Н. и Ю. Латовых, которые презентовали результаты аналогичных опросов по своей стране.

На основе индикаторов Г. Хофстеда, полученных по трем странам, были выявлены те специфические черты экономической ментальности россиян, белорусов и украинцев, которые оказали наибольшее влияние на характер современного социально-экономического развития России, Украины и Беларуси. В итоге был сделан вывод о том, что ни для одного из восточнославянских государств не подходит в чистом виде западный либеральный тип развития. Поэтому, как справедливо утверждает Е. Ясин, – мы сами должны стать другими, чтобы сделать свои страны процветающими (*добавим – в смысле западного процветания*) [135, с.4]. А если мы хотим избрать другой путь, то нам необходимо адаптировать чужой опыт к своей культурной среде, сформировать такие институты, которые бы не входили в диссонанс с неформальными элементами институциональной структуры общества.

Авторы выражают надежду, что эта книга станет полезной для научных работников, преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами влияния культуры на социально-экономическое развитие.

Глава 1. КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

1.1. Культура как основание хозяйственной деятельности человека

Разрушительные последствия трансформационных преобразований на постсоветском пространстве со всей наглядностью продемонстрировали ограниченность и ущербность неоклассической концепции человека экономического. Расширяется спектр методов, используемых в ходе изучения процессов экономического развития. Получает развитие институциональное направление экономических исследований. Все активнее привлекаются достижения других наук, формируется целый ряд смежных научных дисциплин. К изучению особенностей экономического поведения привлекаются достижения таких наук как философия хозяйства, социальная экономика, экономическая социология, институциональная экономика, экономическая психология, поведенческая экономика. Существенным потенциалом выявления и исследования факторов, стимулирующих либо тормозящих экономическое развитие, располагает культурологический подход. Отправным моментом представляется выявление места культуры в организации хозяйственной деятельности человека, уточнение культурологического контекста соотношения понятий «хозяйствование» и «экономика», изучение инструментов регулятивного воздействия культуры на процесс организации хозяйственной деятельности человека. К их исследованию мы и приступаем.

Под культурой мы понимаем сложную гомеостатическую систему внебиологической природы, содержащую совокупный опыт видového существования человека и обеспечивающую накопление, воспроизводство, развитие и использование этого опыта, параллельно с воспроизводством видových признаков самого человека [60, с. 1042]. Она включает созданные людьми искусственные объекты и порядки, заученные формы человеческого поведения и деятельности, знания, образцы самопознания и символического обозначения окружающего мира. Культура выполняет функции адаптации, коммуникации, интеграции, социализации членов общества, сохранения и наследования накопленных обществом знаний. Исследователи выделяют когнитивную, экспрессивную и оценочную составляющие культуры, конституирующие (категории, сценарии, концепции, методы) и преимущественно регулятивные (ценности, обычаи, нормы) её формы. Культура предопределяет особенности отношений между людьми, используемые социальные стратегии, стиль и образ жизни. Именно по этой причине исследование культуры приобретает особую значимость в условиях все больше интеграции национальной экономики в мировое хозяйство. Оно позволяет ответить на вопрос о том, каковы те составляющие культуры, которые обеспечили успех наиболее развитым странам и тормозят развитие отстающих.

Важными особенностями культуры, предопределяющими возможности её трансформации, заимствования и трансплантации элементов других культур являются системная целостность, синергизм, организменность, сложность и

соразмерность, целесообразность, способность к самовоспроизводству и саморегуляции [71, с. 162-166]. Диалектическую целостность культуре придает наличие двух её противоположных, но нераздельных граней – материальной и духовной. В свою очередь сама материальная сторона человеческой культуры носит дуалистический характер, ведь её носителем выступает вещество природного происхождения, преобразованное человеком в процессе жизнедеятельности. Она обеспечивает физическое выживание общества. Но само её существование, воспроизводство в пригодном для применения виде невозможно без накопления, передачи и использования духовного опыта. Ведь в нем концентрируются знания об окружающем мире, способах приспособления к нему, средствах его преобразования. Особую грань духовной культуры составляют ценности и нормы социального взаимодействия.

Комплементарность различных элементов культуры интегрирует её в единое целое. Она обеспечивает возможность существования культуры как специфического феномена, выделившегося из природной среды и выполняющего репродуктивные и адаптационно-ориентационные функции. Комплементарность предопределяется эволюционным характером отбора её элементов, обеспечивающим возможность включения в неё лишь тех компонентов, которые соответствуют объективным потребностям, способны вписаться в неё в качестве неотъемлемых составляющих. Это объединение обеспечивает обретение культурой, как целостным системным феноменом, новых свойств, не сводимых к свойствам отдельных её частей. Культура обладает такими системно комплементарными характеристиками как многомерность, многообразие возможных форм связи, многокритериальность, разноликость природы элементов, разнородность циркулирующей информации, изменчивость состояния структуры и состава.

Комплементарность элементов культуры обеспечивается эволюционным отбором тех вариантов, сочетание которых ведет к совершенствованию проявляющихся на уровне системы в целом, и не присущих отдельным элементам, интегральных свойств и качеств. Сохранение любого элемента культуры в процессе эволюционного отбора свидетельствует о его значимости в процессе жизнеобеспечения системы. Она может проявляться как непосредственно в функциях, им выполняемых, так и опосредованно, косвенно. Это происходит, когда в силу каких либо причин, даже ценой утраты собственных первоначальных функций, элемент культуры обретает значимость катализатора жизненно необходимых процессов, осуществление которых без его участия оказывается под угрозой.

Диалектичность культуры как целостного социального явления проявляется не только в противостоянии материальной и духовной её граней. Во-первых, специфика физиологии мышления человека находит свое воплощение в двух противоположных механизмах ориентации человека в среде обитания и производных от них двух противоположных типах культурного опыта – рационально-логического и эмоционально-чувственного. Как наличие двух основанных на разных принципах обработки информации и комплементарно дополняющих друг друга полушарий головного мозга является предпосылкой

становления собственно человеческого мышления, так и дифференциация типов культурного опыта обеспечивает формирование целостной человеческой культуры. Во-вторых, она прослеживается в одновременном существовании в субъективной (реалии сознания конкретного носителя культуры) и объективной (социальная материализация культурного опыта) форме.

Субъективная форма неотделима от объективной, поскольку, с одной стороны, само восприятие личностью феноменов окружающего мира как явлений культуры невозможно без предварительной социализации субъекта, усвоения им «объективированных» достижений человеческой культуры. С другой стороны, объективация культурного опыта возможна лишь как результат объединения культурного опыта, существующего в субъективной форме. Да и проявляется он в сознании конкретных субъектов. В-третьих, диалектика противостояния объективного и субъективного в человеческой культуре служит основанием еще одной формы противоречия. Каждый культурный феномен, в том числе и институты, имеет самостоятельное бытие. Именно оно и выделяет его из безбрежного моря других явлений культуры. Но самостоятельность всегда ограничена его включенностью в мир культуры. Она очерчивается его формой и функциями им выполняемыми. Как часть системы он оказывается включенным в многообразные связи и отношения, комплементарность которых составляет первое отправное условие существования любого культурного феномена.

Диалектика соотношения субъективного и объективного в культуре находит свое воплощение в ценностных ориентациях и институтах как элементах культуры, их становлении от индивидуального к специфическому и общему. Являясь результатом формирования и закрепления в коллективном сознании наиболее эффективных форм социального взаимодействия, они отражают объективную сторону общественных отношений. В то же время условием их существования является принятие конкретными индивидами в качестве субъективного знания, знания, которое находит свое воплощение в повседневной деятельности людей. В этом и состоит одно из отличий институций от норм и правил народов и цивилизаций давно сошедших с исторической арены. Институции, как элементы культуры, принимают на себя функцию повседневного регулирования социального взаимодействия. Фиксируя нормы межличностных отношений, они структурируют общество, устанавливают ограничения и одновременно упрощают взаимодействие людей, делают его предсказуемым, а, следовательно, и более эффективным.

Однако универсальность, общность институтов в рамках человеческой культуры остается явлением относительным. Принятие или непринятие институции всегда является актом индивидуального выбора, выбора, который в то же время обусловлен процессом социализации личности, её включенности, интеграции в социум. Эта относительность проявляется в выделении специфических институций и институтов, обеспечивающих взаимодействие в обособленных сферах общественного воспроизводства (идеологические, политические, правовые, экономические институты), формировании специфических институтов на уровне национальных культур, культур отдельных социальных групп. Так, базовые институты собственности, труда, денег,

конкуренции, сохраняя свою общность как средств регулирования соответствующих сторон хозяйственного процесса, находят свое специфическое проявление в ходе эволюции форм хозяйствования в различных национальных культурах, сферах экономики. Движение благ в обществе может регулироваться посредством реципрокных, редистрибутивных, обменных отношений. На их сочетание влияют особенности доминирующего способа производства, специфика национальной культуры, особенности образа жизни конкретных социальных групп.

Еще одной стороной специфичности институтов как элементов культуры является их дифференциация внутри институциональных блоков, объединяющих основные сферы общественного воспроизводства. В экономике это проявляется в выделении институциональных блоков, ответственных за различные стороны хозяйственной деятельности. Свои специфические институты действуют в системах финансирования, корпоративном управлении, производственных отношениях. Вместе с тем общность, универсальность институтов проявляется в различии в любой культуре собственности и не собственности, труда и отдыха, конкуренции и сотрудничества. Институты являются продуктом исторического процесса развития культуры, включены в неё, способны успешно функционировать лишь комплементарно дополняя другие её части. Чем выше уровень развития общества, его культуры, системы хозяйствования, тем сложнее и разнообразнее институциональная система.

Исследование культуры в контексте её влияния на организацию человеческой деятельности, социального взаимодействия, позволяет выделить несколько уровней их регуляторов (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Регуляторы социального взаимодействия и культура

Уровень	Инструменты регулирования
Бессознательное	Потребности (что нами движет), инстинкты, коллективное бессознательное, архетипы, этосные ценности, способы мышления (что, как мы действуем)
Сознание	Потребности, интересы (что), знания, умения, приемы мышления (как)
Подсознательное	Потребности, ценности (что), стили мышления, навыки (как)
Надсознательное	Институты, национальные, профессиональные стили мышления, преимущественные ценностные ориентации национальных культур (что, как),

Инструменты регулирования человеческой деятельности и взаимодействия разделены на две группы и четыре уровня. К первой группе отнесены те, которые выступают в качестве стимула или мотиватора человеческой деятельности (что нами движет), а ко второй – те, которые собственно и определяют порядок этой деятельности (как мы действуем). На бессознательном уровне мы имеем дело с первичными регуляторами человеческого поведения, имеющим природное

происхождение и остающимися вне пределов сознательного управления со стороны человека, а значит и вне его культурного опыта. Но они выступают исходным конструкционным материалом более сложных психологических образований, составляющих основу сознательного, подсознательного и надсознательного уровней.

Эту эволюцию наиболее наглядно можно проследить на примере потребностей (переход от физиологических потребностей в пище (бессознательное), к сознательному выбору конкретных продуктов (сознание), формированию вкусов (подсознательное), моды, тренда использования продуктов под определенным брендом (надсознательное)). Ключевое значение в процессе формирования культуры имеет двустороннее движение между сознательным и надсознательным уровнями регулирования. Оно связано, с одной стороны, с объективацией в общественном сознании индивидуального субъективного опыта (формирование культуры), а с другой, с усвоением (субъективизацией) индивидами в процессе социализации объективного культурного опыта, накопленного предыдущими поколениями (наследование культуры).

Как правило, институционализация, закрепление в качестве элементов культуры, определенных алгоритмов социального взаимодействия предполагает их усвоение до уровня навыка (подсознание), автоматического применения в определенных ситуациях [72]. Человек, руководствуясь какой-либо нормой социального взаимодействия, обычно не задумывается о самой норме. Более того, большинство норм мы усваиваем непроизвольно, следуя поведению других людей. Лишь незначительную часть норм, как правило, связанных с профессиональной деятельностью, мы усваиваем путем целенаправленного обучения. Да и те, в случае постоянного воспроизводства, формируя навыки, передаются на уровень подсознательного. Попадание человека в определенную ситуацию, институциональный контекст, выступающий в роли психологического триггера, запускает соответствующую институционализированную реакцию.

Одновременно усвоение такой нормы означает подключение человека к надындивидуальному, социальному уровню регулирования деятельности. Парадоксальность ситуации состоит в том, что чем меньше члены социума осознают наличие определенного института, нормы поведения, тем она эффективнее. Действенные институты – это институты, которые попадают в сферу неявного, молчаливого знания. Мы настолько хорошо знаем норму, соблюдаем её, что уже «забыли» о том, что мы знаем. Мы выполняем её автоматически. Ещё сложнее обстоит дело с бессознательным уровнем. Инстинкты, коллективные архетипы, коллективное бессознательное – те элементы наноуровня, которые формируют основы цивилизационной идентичности, её стабильности и наследственности. Этот уровень регулирования человеческой деятельности, влияя на неё, вообще остается недоступным человеческому сознанию.

Исходной предпосылкой формирования национально-культурной специфики организации хозяйственной деятельности человека выступает материально-технологическая среда. Особенности её воздействия, оставаясь

относительно стабильными и неизменными на протяжении тысячелетий хозяйственного бытия человеческих сообществ, оказывают определяющее влияние на формирование доминирующего стиля мышления, общественных ценностей, мировоззрения, а через них и институтов (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Среда, мышление, хозяйственные ценности и культура

Материально-технологическая среда	
Окраинность, срединность, выход к морю, судоходные реки, характер границ, характер, удаленность, партнеров ландшафт, воспроизводимые и минеральные ресурсы, климат	
Раздельность использования	Нераздельность использования
Стили мышления	
Левополушарное, логическое	Правополушарное, интуитивное
Культура	
Вины	Стыда
Культурная ментальность	
Чувственная	Идеациональная
Ценности	
Этосные, религиозные, идеологические, правовые, политические, хозяйственные	
Социальные ориентации ценностной системы	
Субсидиарность Западной ИМ, религиозные ценности протестантизма	Коммунитарность Восточной ИМ, ценности традиционных религий
Индивидуализм, малая дистанция власти, краткосрочная ориентация, позитивное отношение к неопределенности	Коллективизм, большая дистанция власти, негативное отношение к неопределенности, приоритет долгосрочной ориентации

Специфика национальных культур закладывается уже на уровне стилей мышления (приоритет левополушарного, логического либо правополушарного пространственно-образного восприятия мира – бессознательное). Типы мыслительной деятельности определяют специфику восприятия и осмысления человеком окружающей реальности. С противоположной стороны, они сами обусловлены этой реальностью, являются результатом долгосрочного влияния материально-технологической среды обитания человека. В процессе обучения индивид усваивает множество приемов рационализации умственной деятельности (сознательное). Отточенные до автоматизма, уровня навыка они становятся основой индивидуального стиля мышления (подсознательное). Однако этот индивидуализм, специфическое, ограничивается контекстом культурного опыта социальной общности, к которой человек принадлежит и обуславливает общность национальных, профессиональных стилей мышлений (универсальное, общее, надсознательное).

В процессе экономической модернизации происходит переход от доминирования характерного для традиционного общества правополушарного пространственно-образного к левополушарному, логическому типу мышления. Если первый, преимущественно восточный тип мышления, предполагает целостное восприятие окружающего мира на основе интуитивного постижения взаимосвязей и взаимоотношений его элементов, то второй, преимущественно западный тип мышления предполагает моделирование систематических отношений на основе безусловных положений. Особенности доминирующего типа мышления определяют специфику восприятия окружающего мира, его осмысления, выбора целей, инструментов деятельности и социального взаимодействия, национальной культуры в целом [93].

Специфика доминирующего типа мыслительной деятельности оказывают определяющее влияние на формирование национального менталитета как совокупности общепринятых для социально-политического или этнического сообщества алгоритмов познавательной (мыслительной) деятельности, общепризнанных социально-психологических понятий (представлений, характеристик, ценностей) в сфере общественного взаимодействия и паттернов хозяйственной деятельности (институций).

Оригинальный подход, способный существенно дополнить представления о влиянии культуры на характер хозяйственной деятельности человека предложила американский антрополог Р. Бенедикт [5]. Ученый выделяет культуру вины и культуру стыда. Культура вины – комплекс социально-этических взглядов, согласно которым личное осознанное отношение человека к окружающим, поведение, отношения с ними регулируются внутренними моральными нормами и угрозой наказания за их нарушение. Культура вины характерна для западных обществ. Истоки содержатся в христианском мировоззрении. В свою очередь, под культурой стыда предлагается понимать комплекс социально-этических убеждений, согласно которым отношение человека к окружающим, поведение, взаимоотношения с ними, сознательно или бессознательно, регулируются установками о месте, обязанностях и роли человека в окружающей общественной среде, ответственность перед другими, усваиваемыми на некритическом уровне в процессе социализации. Этот тип культуры свойственен народам Востока.

Концепция социокультурной динамики П. Сорокина позволяет проследить связь между особенностями эволюции культурной ментальности и характером хозяйственной деятельности в том или ином обществе, динамику их развития в процессе исторической эволюции. Ученый выделяет два оппозиционных (активно-чувственный и аскетически-идеациональный) и ряд промежуточных (активно-идеалистический, идеалистический, пассивно-чувственный, цинично-чувственный, псевдо-идеациональный) типов культурной ментальности [117, с. 39–79]. В табл. 1.3 представлены характеристики элементов оппозиционных типов культурной ментальности, непосредственно влияющих на специфику осуществления хозяйственной деятельности в обществах, основанных на соответствующих типах ментальности.

Культурная ментальность и характер хозяйственной деятельности по
П. Сорокину

Элементы	Идеациональная	Чувственная
1. Реальность	Нечувственная, трансцендентная	Чувственная, эмпирическая, материальная
2. Основные потребности	Духовные	Разнообразные и чрезвычайно чувственные
3. Способ удовлетворения	Главным образом самоусовершенствование	Главным образом изменение окружающей среды
4. Активность	Интровертная	Экстравертная
5. Знания	Духовные, нематериальные явления и переживания; искусство воспитания и изменения внутренней жизни человека	О естественных явлениях и технических изобретениях; развитие техники, преобразование окружающей реальности
6. Категории, критерии и методы постижения истины	Основана на внутреннем опыте, интуиции, «откровении», пророчестве	Основана на наблюдении, измерении, эксперименте с помощью внешних органов чувств, логическом анализе
7. Моральные ценности и системы	Абсолютные, категоричные, вечные и неизменные	Относительные, утилитарные, «мораль разумного эгоизма»
8. Социальные и практические ценности	Непреходящи; не имеют ценности и отрицательны богатство, земной комфорт, акцент на жертвенности	Все, что приносит радость и, прежде всего богатство, комфорт; в них основа престижа; принцип разумного эгоизма

Идеациональная культурная ментальность свойственна народам Востока, нацеливает человека на удовлетворение духовных потребностей, прежде всего путем самоусовершенствования. Активность её носителей носит интровертный характер, развивает познание духовных, нематериальных явлений, основывается на откровении, пророчестве, интуиции, моральные ценности носят абсолютный характер, акцент на жертвенности, игнорирование и осуждение материального богатства. Эта ментальность создает меньше стимулов развития экономики,

равнодушное отношение к деятельности, направленной на накопление богатства и улучшение условий жизни. В свою очередь чувственная культурная ментальность свойственна народам Запада, признает первичность материальной, эмпирической, чувственной реальности, нацеливает человека на активную позицию по отношению к окружающему миру. Наука в обществах, основанных на приоритете этого типа культурной ментальности, основывается на наблюдении, оценке, эксперименте, логическом анализе. Практическое значение имеет все, что приносит радость (богатство, комфорт), развивает принцип разумного эгоизма.

На уровне ценностей мы так же находим связь с доминирующим стилем мышления. Приоритет целостного, пространственно-образного восприятия мира – объективная предпосылка доминирования коллективистских ценностей. Приоритет логического – ценностей индивидуалистических.

Особую роль в формировании специфики национальных культур хозяйствования и институциональных систем, в частности, играют религиозные ценности. Иудаизм и христианство нацеливают человека на преобразование мира, индивидуальную ответственность за свою судьбу. Ислам ориентирует на преобразование мира, однако деятельность человека ограничивается предписаниями Корана. Буддизм, Индуизм – на уход от материального мира через сосредоточение на индивидуальных духовных переживаниях при сохранении социальных обязательств. Конфуцианство (отточенная до уровня религии философская система) – прагматизм на основе приспособления к миру и ритуализации всех сторон жизни. По сути, в случае с эволюцией религиозных мировоззренческих систем мы сталкиваемся с постепенной гетерогенизацией мировоззрения через совмещение двух стилей мышления – Западного, аналитического, выделяющего человека из окружающего мира и нацеливающего на активное его преобразование и Восточного, интуитивного, встраивающего человека в окружающую реальность и ориентирующего на следование «естественному пути». При этом Ислам, Индуизм и Буддизм представляются промежуточными, гибридными вариантами, включающими элементы обеих подходов.

Если рассматривать экономику в структуре хозяйственной культуры, то следует иметь в виду, что как хозяйственная, так и экономическая деятельность людей предстают элементами культуры (рис. 1.1) [73, с. 13].

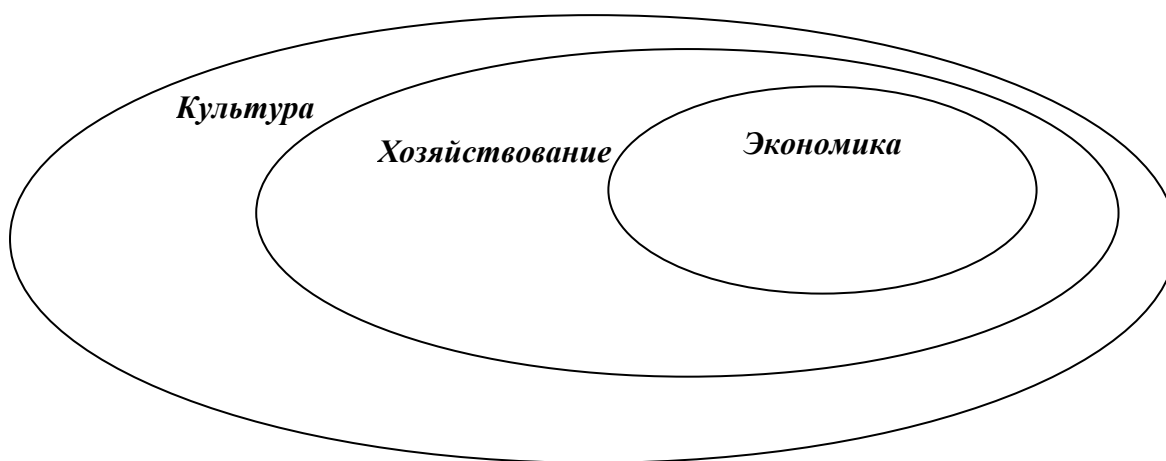

Рис. 1.1. Хозяйствование и экономика как элементы культуры

Важным моментом, выпадающим из поля зрения мейнстрима экономической теории, является то, что экономическая форма хозяйствования - далеко не единственная его форма. Более того, даже в развитых странах закрепление рынка, экономической формы хозяйствования в качестве доминирующей, предстает по историческим меркам явлением новым, лишь сравнительно недавно заменившим натуральную форму хозяйствования. Старт этому процессу дали буржуазные революции в Нидерландах и Англии. Более того, уже с 70-х гг. XX столетия в развитых странах начался процесс формирования новой, постэкономической формы хозяйствования. При этом эволюция форм хозяйствования оказывается неразрывно связанной с изменением форм хозяйственной культуры. Усложняет этот процесс то, что становление новой формы хозяйствования вовсе не означает полное отмирание старой. Доминирование рыночных отношений, обмена между независимыми субъектами экономической деятельности, не означает отказа от реципрокных отношений в рамках домохозяйств, перераспределения в рамках предприятий и между домохозяйствами, предприятиями и государством.

Соответственно, в рамках хозяйственной культуры можно выделить составляющие, присущие культуре натурального, экономического и постэкономического способов хозяйствования. Экономическая культура выступает лишь одной из форм хозяйственной культуры, специфическим её проявлением. Она обеспечивает организацию общественного воспроизводственного процесса на принципах специализации и разделения труда, опосредуемых товарно-денежными отношениями, создающими возможность максимальной формализации и обезличенности отношений между его участниками. В то же время, сохраняет свое значение натуральная форма ведения хозяйственной деятельности и соответствующая доэкономическая культура натурального способа хозяйствования. В её основе – глубоко личностные долговременные, пожизненные связи участников воспроизводственного процесса в рамках племени, рода, клана, семьи, обеспечивающие непосредственный обмен продуктами труда. Одновременно получает все большее распространение постэкономическая форма хозяйствования. В основе формирования соответствующей постэкономической культуры хозяйствования находится

переход к постматериальной мотивации участников процесса общественного воспроизводства, мотивации самоактуализации (табл. 1.4) [73с. 31].

Исследование эволюции культуры хозяйствования позволяют проследить изменения базовых культурных оснований мотивации включения индивида в процесс социального воспроизводства. В условиях натурального хозяйства в качестве таковых выступают праценности рода, на бессознательном уровне закладывающие абсолютный приоритет коллективного «Мы» группы, к которой принадлежит индивид, с которой он себя самоидентифицирует и без которой не мыслит своего существования. Предпосылкой становления экономического способа хозяйствования, как результата модернизационного процесса, выступает выделение из «Мы»-группы индивидуального «Я». Это служит основой формирования его собственного интереса, отличного от интересов других членов группы, более широких социальных образований, и приводит к возникновению необходимости в формировании норм, регулирующих отношения между отдельными субъектами, интересы которых могут приходиться в противоречие.

Таблица 1.4

Эволюция форм хозяйственной культуры и особенности деятельности

	Формы хозяйственной культуры			
	Доэкономическая	Экономическая	Постэкономическая	
Тип хозяйствования	Натуральное	Экономическое	Постэкономическое	
Исходное основание	Праценности рода	Нормативно-правовые институты ведения хозяйства	Ценностная система личности	
Характер деятельности	Предтрудовая деятельность, труд	Труд	Творческий труд, предпринимательство	Творчество
Цель деятельности	Выживание рода	Жизнеобеспечение индивида	Прибыль	Самоактуализация
Отношение к окружающей среде	Человек её часть и подчиняется её законам	Использование среды существования	Человек над природой и активно её преобразовывает	Человек - часть природы и взаимодействует с ней
Характер потребностей	Низшего уровня	Тенденция продвижения к социальным и личностным	Доминируют экономические формы самутверждения	Самореализация

На этапе формирования постиндустриального общества растет общественная производительность труда. Это обеспечивает продвижение участников процесса социального воспроизводства на верхний уровень пирамиды потребностей А. Маслоу. Ценностные отношения индивида приобретают значимость ведущего регулятора, определяющего направления его самоактуализации. Соответственно происходят изменения в потребностях, целях и характере деятельности человека. От потребностей низшего уровня, обеспечения элементарного выживания рода, племени, до их индивидуализации,

стремления к максимизации экономической прибыли, акценте на экономические формы самоутверждения, с последующим углублением содержания потребностей, обретения ими личностного характера, социализации и наконец, к формированию потребностей в социальной самореализации через самоактуализацию личности в процессе общественного воспроизводственного взаимодействия. Происходит эволюция от бессознательной предтрудовой деятельности, к труду, творческой предпринимательской деятельности и творчеству, обусловленному параллельными изменениями как материально-технологической составляющей производственного процесса, так и его мотивации в ходе формирования постиндустриального общества.

В свою очередь существенно изменяется и такая составляющая хозяйственной культуры как отношение к среде обитания человека. Если в условиях доминирования натурального способа хозяйствования и соответствующей культуры человек воспринимает себя лишь как часть природы, полностью зависит от неё и подчиняется её законам, то на этапе становления экономического способа хозяйствования он переходит от приспособления к среде существования к активному её преобразованию. Лишь осознание разрушительных последствий такой деятельности в соединении с использованием возможностей, порождаемых научно-техническим прогрессом, на этапе становления постэкономики создаются предпосылки перехода к бережному взаимодействию человека со своим природным окружением на основе осознания себя как его части.

Разграничение в рамках хозяйственной культуры её разновидностей, связанных со специфическими формами хозяйствования, позволяет дополнить аналитический инструментарий анализа взаимодействия субъектов хозяйственной деятельности. Ведь каждая из форм хозяйствования предполагает использование как специфических инструментов обеспечения взаимодействия участников общественного воспроизводственного процесса, так и специфического их сочетания.

Для характеристики движения благ в архаических обществах (абсолютное доминирование натуральной формы хозяйствования) К. Поланьи предложил понятие реципрокность (*reciprocus*) [74, с. 27-29]. Она предполагает движение блага в рамках социальной сети на основе отношений взаимности и симметрии [106-107]. К инструментам обеспечения реципрокных отношений относят дар и трату. Более пристальный взгляд на характер отношений субъектов хозяйствования позволяет сделать вывод, что эволюция форм хозяйствования, смена доминирующих хозяйственных культур вовсе не означала отказа от реципрокности. Полетарный или азиатский способ производства (форма хозяйствования) предстает как период перехода от натурального к экономическому способу хозяйствования. В его основе сочетание реципрокных отношений в рамках основных хозяйствующих единиц и редистрибутивных (перераспределительных) отношений на уровне государственных образований в целом. Инструментами редистрибутивных отношений выступают сдачи и раздачи.

Становление экономической формы хозяйствования было обеспечено выделением обмена в качестве доминирующей формы хозяйственного взаимодействия. Его инструментами предстают купли и продажи. Однако и в рамках экономического способа хозяйствования на периферии хозяйственной жизни сохраняются реципрокные отношения, а отношения редистрибуции сохраняют значение основополагающего фактора социальной интеграции хозяйственного процесса в рамках государства. Реципрокность составляет основу движения благ, прежде всего, в рамках домохозяйств, редистрибуция – между государством и хозяйствующими субъектами. Формирование гламурного капитализма на этапе перехода к постэкономической формации позволяет проследить своеобразную экспансию инструментов реципрокных отношений в новых условиях хозяйствования непосредственно в сферу экономических отношений. Гетерогенность институциональных основ хозяйственной культуры отдельных форм хозяйствования находит свое воплощение в переплетении форм движения благ, свойственных как экономической, так и натуральной, постэкономической формам хозяйствования (табл. 1.5).

Таблица 1.5

Базовые институты движения благ

Форма движения	Дар	Трата	Перераспределение (сдачи/раздачи)	Обмен (купля/продажа)
Способ хоз-ния	До -, постэкономический	До -, постэкономический	Экономический, азиатский	Экономический, товарный
Статус контрагентов	Даритель / одариваемый (донор/реципиент)	Получатель / проситель	Центр и периферия	Покупатель и продавец
Связи	Родственные	Родственные и территориальные	Территориальные	Рыночные
Организа-ционная основа	Горизонтальные персонифицированные сети, может породить иерархию	Вертикальная зависимость, горизонтальные связи	Вертикальное соподчинение	Деперсонифицированные горизонтальные контакты
Цель	Воспроизводство группы	Воспроизводство и развитие сообщества	Воспроизводство общества	Максимизация прибыли
Предпо-сылка	Дифференциация ресурсных возможностей группы	Дифференциация ресурсных возможностей социоприродной производственной системы	Дифференциация властных и статусных позиций	Разделение и индивидуализация труда в обществе

Продолжение табл. 1.5

Капитал	Социальный	Социоприродный	Административный	Экономический
Принуждение	Социальное	Социоприродное	Организационно-управленческое	Экономическое
Механизм принуждения	Лишение доверия, социальная изоляция	Неформальные санкции, кара со стороны высших сил	Формальные санкции	Формальные санкции и неформальные силовые методы
Основной принцип	Симметричность даров	Взаимность	Центричность	Эквивалентность сделки

Источник: [74, с. 29].

К исследованию отношений реципрокности обращаются М. Мосс [87], М. Годелье [23], Ж. Батай [4]. Дар, по утверждению М. Мосса, – добровольная передача чего-либо принадлежащего одному субъекту другому, в отношении которого предполагается, что он не может этот дар не принять. Условиями формирования «хозяйствования дара» по М. Годелье являются: доминирование личных отношений, традиция двойного взаимного отношения-обязательства, восприятие бескорыстия как инструмента обеспечения воспроизводства себя и группы. Диалектичность социальной сущности дара ярко выражена в высказывании ученого: «То, что обязывает дарить, есть то, что дарение обязывает (*выделено мною – В.Л.*)» [87, с. 22]. Движение благ в «хозяйствовании дара» лишь опосредует социальные отношения, принимающие дуальную форму. Отношения солидарности дополняются отношениями превосходства. Принятие дара ставит получателя в положение должника. Дар одновременно сближает и разъединяет участников, поскольку ставит одного из них в зависимость от другого. Соответственно дарение может одновременно выступать и средством выстраивания иерархической структуры общества.

Особенностью траты как формы и инструмента создания социальных отношений является расширение социального и природного круга субъектов взаимоотношений при сохранении их личностного содержания. Трата предстает инструментом установления взаимных обязательств между племенем и его верхушкой, дружественными племенами, окружающими человека природными силами, интеграции человека в более широкое социальное и природное окружение; инструментом преобразования агрессии в соревнование в щедрости, направленное на удовлетворение желаний и потребностей партнера, членов других сообществ и, через установление взаимных обязательств, формирование социальной иерархии.

Существенно расширяет представления о социальном содержании траты Ж. Батай. Трата предстает как способ утилизации избытка, неизбежно сопровождающего процесс развития сложных, в т. ч. социальных систем. Ученый акцентирует внимание на диалектике противостояния индивидуальное/коллективное (часть/целое, единичное/общее), на уровне

принципов «общей политической экономии». Не минимизация усилий, издержек (индивидуализированное капиталистическое общество), а избавление от избытка энергии, неизбежно сопровождающего рост сложных систем, предстают источником траты.

Включение в анализ хозяйственных отношений такого их инструмента как трата позволяет по новому подойти к исследованию диалектики целей хозяйствования. Ведь если ориентация на индивидуализированное производство (К. Маркс) / потребление (Ж. Бодрийяр), сталкивается с дефицитом ресурсов, нацеливает человека экономического на минимизацию затрат, то ориентация на воспроизводство, непрерывное развитие человеческой общности как части вселенной (Ж. Батай) сталкивается с бесконечно повторяющейся проблемой избытка ресурсов, утилизируемых посредством дарения или траты.

Процесс перехода от архаической к экономической общественной формации, от натуральной к экономической форме хозяйствования нашел наиболее яркое воплощение в Азиатском (политарном) способе производства (АСП). Историки хозяйства встречают его в древней Европе, Африке, доколумбовой Америке и Океании. Более того, как утверждает Ю. Семёнов, «... почти во всех вполне сформировавшихся классовых обществах «азиатский» способ производства чаще всего сосуществовал и переплетался с другими антагонистическими способами производства» [114, с. 336].

Первым из ученых, давшим экономический анализ АСП был Р. Джонс [33]. К. Маркс рассматривал АСП как исходный в эволюции экономических способов производства [81, с. 13]. Особенность АСП состоит в полиизоморфном сочетании сохраняющейся на родоплеменном уровне натуральной формы хозяйствования с распространением иерархических, бюрократизированных перераспределительных отношений на уровне государственного управления, совмещении двух способов производства и движения благ, общинного, натурального, реципрокного и редистрибутивного, экономического. На уровне хозяйственной системы формируется гетерархия, основанная на противоположности базовых принципов организации сельской земельной общины и государства. Симметричным отношениям на уровне общин противостоят центричные отношения в рамках государственной организации. Принцип реципрокности (дар, трата) противостоит принципу редистрибуции (сдачи/раздачи). Редистрибутивные отношения надстраиваются над реципрокными. Принцип взаимности дополняется принципом перераспределения. Основное противоречие АСП состоит в совмещении отсутствия частной, в традиционном её понимании, собственности с наличием эксплуатации одних групп населения другими.

Отношения перераспределения зависят от степени сосредоточения благ в одних руках и регулируются обычаями, законами, ситуативными решениями Центра. Они предполагают «стягивание» товаров Центром с их последующим перемещением из Центра. Вовсе не обязательно чтобы такое перемещение воплощалось в реальном физическом перемещении товаров. Достаточно

первоначальной концентрации в Центре и перераспределения прав собственности на него.

Перераспределение обеспечивает интеграцию групп на всех уровнях. Инструментом такого объединения становится сосредоточение государством в своих руках собственности на хозяйственные ресурсы. Бюрократический аппарат составляет костяк государства. Занятие чиновником определенного места делает его членом господствующего класса. Доля прибавочного продукта, на которую он имеет право, зависит от места в иерархии, и фиксируется временем, пока он занимает это место [7, с. 288]. В отношении земельных владений не существует понятий «моё» и «твоеё». Верховный правитель (политарх) – распределитель и распорядитель всего прибавочного продукта. Но этот продукт не есть собственность политарха. Политарх лишь имеет право распоряжаться прибавочным продуктом, но он единственный, кто имеет на это абсолютное право. Однако только политократия в целом является верховным собственником и непосредственных производителей и земли. Политархия представляет собой, прежде всего, верховную собственность на личность производителей и лишь тем самым на землю. Выражением этой собственности политарха на своих подданных было его право распоряжаться их жизнью и смертью. Отличие собственности политарха на землю от капиталистической собственности в том, что она предполагает сосуществование собственности других лиц на ту же самую землю. Она была не полной, а лишь верховной собственностью. К тому же политарх выступает собственником земли не в качестве физического лица, а лишь как носитель определенного титула, занимающий соответствующую должность. Собственность политарха предстает не как персональная, а как должностная, титульная. Общекалассовая частная собственность принимает форму собственности государственной. Одновременно сохраняются, в качестве подчиненной собственности (право использования), остатки племенной собственности, собственность земледельческих общин, общинная собственность ремесленников [82, с. 364]. К. Маркс так характеризует последствия формирующихся при АСП отношений собственности: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе» [82, с. 364].

Реципрокные отношения (дар, трата, обмен деятельностью) сочетаются при АСП с отношениями перераспределения (сдачи/раздачи) продукта труда. Верховная частная собственность на землю общин принимает форму политической власти, как экономическое отношение порождает внеэкономическое принуждение и не существует без него. Высказывание К.

Поланьи как нельзя лучше описывает комплементарность институциональной структуры АСП: «Симметрия и центричность «идут навстречу» взаимности и перераспределению; институциональные модели и поведенческие нормы адаптируются друг к другу. И пока социальная организация движется по проторенной колее, не возникает необходимости в индивидуальных экономических мотивах. Можно не опасаться того, что кто-нибудь станет уклоняться от работы, разделение труда происходит само собой, а главное – обеспечиваются более чем достаточные материальные средства для демонстрации всеобщего изобилия на всех публичных празднествах. В подобных обществах нет места идее прибыли, попытки спорить и торговаться сурово осуждаются, добровольный дар превозносится как высшая из добродетелей, а пресловутая «склонность к торгу и обмену» никак себя не обнаруживает. Экономическая система является, в сущности, лишь простой функцией социальной организации» [106, с. 62].

Экономическая форма хозяйствования, в теоретических моделях представителей мейнстрима современной экономической теории, предполагает абсолютное доминирование построенных на рациональном расчете обменных отношений. Сочетание минимизации собственных издержек со стремлением к максимизации прибыли находит свое исходное основание в опоре на формализацию и обезличивание отношений между экономическими субъектами. Выраженные в денежной форме ценовые параметры благ, включаемых в обмен через его экономические инструменты (куплю и продажу), в представлении сторонником неоклассического направления экономической теории обретают значимость универсального, максимально формализованного критерия определения взаимных обязательств сторон взаимодействия. Соответствующий подход порождает специфическую форму хозяйственной культуры – экономическую культуру. Её носителем выступает человек экономический. Изучению этого экономического феномена, впрочем, существующего только на страницах экономических трактатов, посвящен целый пласт литературы. К его исследованию обращаются экономисты, социологи, психологи, антропологи, философы [См. напр.: 1; 11; 61; 119; 127].

Эволюцию культурно-этических основ капитализма прослеживает В. Зомбарт. «Первыми формами капиталистического предприятия, – утверждает ученый, – являются эти разбойничьи походы (*жителей итальянских приморских городов – В.Л.*)» [41, с. 103]. «В первые столетия Нового времени все западноевропейские нации также придерживались организованного в виде профессии морского разбоя [*жителей итальянских приморских городов – В.Л.*] пишет ученый. – ... Каперство и морской разбой ... непрерывно переходят одно в другое: Privateer становится Pirate, равно как и этот последний, в свою очередь, находит применение на службе государства» [41, с. 104]. Мелкое провинциальное дворянство Франции рекрутировало из своих рядов бесстрашных корсаров. Знаменательно, что слово «*armateur*» во французском языке одновременно означает и владельца корабля и купца – владельца груза и каперского капитана и морского разбойника. Далее В. Зомбарт отмечает: «Нациями морского разбоя *par excellence* в XVI и XVII столетиях являются,

однако, Англия и новоанглийские государства в Америке» [41, с. 105]. Морской разбой составлял одну из обычных деловых отраслей средневековых торговых компаний. Дальние путешествия с целью открытий так же, по сути, были разновидностью морского разбоя. Лишь слабо замаскированной формой разбоя была торговля с туземцами. Этот разбой рассматривается В. Зомбартом в качестве проявления предпринимательского духа, давшего толчок формированию капиталистической, рыночной экономики. Впрочем, такого рода «предпринимательство» мы можем наблюдать и в более ранние периоды истории человечества. Однако к формированию модели рыночной экономики они не привели и не могли этого сделать.

В. Зомбарт утверждает, что предпосылкой её становления выступает наличие капиталистического духа, сочетающего в себе мещанские добродетели и дух предпринимательства. Мещанские добродетели – нормы морали, определенные этические принципы социальной жизни превращаются в необходимый компонент, обеспечивающий экономическое взаимодействие в обществе. Без этих воззрений и принципов, формирующих хорошего гражданина и отца семейства, солидного и «осмотрительного» делового человека, лишь на основе устремленного к безудержной наживе предпринимательского духа формирование эффективной рыночной экономики невозможно.

Пожалуй, в наиболее выраженном виде столкновение взглядов на сущность и содержание движущих сил деятельности человека экономического и экономическую культуру в целом мы находим в мифологеме «Невидимой руки» [75]. В метафоре основоположника классической политэкономии сторонники различных течений экономической науки ищут обоснование своих взглядов. Кому принадлежит та невидимая рука, которая обеспечивает слаженное взаимодействие множества участников общественного производственного процесса? По утверждению сторонников неоклассического течения – рынку. Целевая рациональность множества независимых экономических субъектов, вступающих во взаимодействие между собой, способна породить в качестве своего непреднамеренного последствия рыночный порядок. Что говорит об этом сам А. Смит? Стараясь использовать свой капитал максимально эффективно, экономический субъект тем самым неизбежно направляется к увеличению общественного благосостояния. «Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью он преследует свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это» [115, с. 443].

Однако разрушительные последствия поспешной либерализации экономик на постсоветском пространстве существенно пошатнули эти представления. Внимательное прочтение А. Смита позволяет усомниться в его истинности. В высказывании, заимствованном из «Богатства народов», мы не находим непосредственной связи между «Невидимой рукой» и рынком. Более того, в его раннем произведении, «Теории нравственных чувств» «Невидимая рука» связывается с Провидением. «Несмотря на свою алчность и свой эгоизм, – пишет ученый, – несмотря на то, что они [богатые – В.Л.] преследуют только личные выгоды, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания, используя для этого труд тысяч, тем не менее, они разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказаниям. По-видимому, какая-то невидимая рука заставляет их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. ... Провидение, разделив землю между небольшим числом хозяев, не позабыло и о тех, кого оно только с виду лишило наследства, так что они получают свою долю из всего, что производится землей (выделено мною – В.Л.)» [116, с. 185].

Следование в повседневной хозяйственной жизни Духу Закона Божьего, соблюдение моральных норм предстает той невидимой рукою, которая интегрирует отдельных независимых индивидов в единую социальную общность, обеспечивает её слаженное существование. Таким образом, экономическая культура оказывается намного богаче навыков целевого рационального расчета, обретает свое основание в ценностной рациональности. Парадоксально, но истоки отказа неоклассического течения экономической теории от этических основ экономических отношений в пользу рационального эгоистического расчета мы находим в произведении, посвященном философии морали. Таким образом, более пристальный взгляд на работы основоположника экономической науки возвращает нас к более глубокому пониманию культурных оснований деятельности человека экономического.

Перспективы формирования постэкономической формы хозяйствования связаны с кардинальным преобразованием материально-технологической среды хозяйствования и связанной с этим трансформацией хозяйственных ценностей и мотивов человеческой деятельности [45, с. 255–303]. Рис. 1.2 отражает динамику социальных ориентаций в процессе социально-экономического развития общества.

Рис. 1.2. Рост значимости коммунитарских ориентаций ценностной системы в процессе формирования постэкономики

На начальном этапе они характеризуются усилением индивидуализма, как закономерного результата распространения в ходе модернизации общества секулярно-рациональных ценностей. Однако в дальнейшем, в результате перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения, происходит частичный возврат к коммунитаристским социальным ориентациям.

Парадоксальная природа современной стадии эволюции хозяйственной системы находит свое воплощение в формировании новой институциональной модели капитализма – его гламурного варианта [44]. Этот процесс знаменует поворот США и развитых стран Европы от деиндустриализации к формированию крупномасштабных программ ре(нео)индустриализации. Происходит активное формирование транснациональных, глобальных по размаху производственно-сбытовой деятельности гламурно-промышленных групп. К наиболее успешным среди них можно отнести Apple, HTC, RIM, Nokia, Intel, HP, Samsung. Производство реальных продуктов как инструмент обеспечения успеха в бизнесе уходит на второй план. Сверхприбыли корпораций гламурного капитализма достигаются за счет завышения цен на них путем целенаправленного управления потребительским поведением через виртуализацию сознания потенциальных клиентов. Инструментами выступают мифологизация сознания через навязывание таких эталонов потребления, как блондинистость (целенаправленное формирование внешности как инструмента управления сознанием партнеров по общению), роскошь (эксклюзивное потребление, выходящее за рамки функциональности), экзотика (создание эталонов быта преодолевающих ограничения обыденности), эротика (насыщение сексуальности), розовое (радикальное цветовое решение). Одновременно через разнообразные рейтинги, хит-парады, конкурсы формируется «Большая десятка» искусственно навязываемых потребителю

иерархий приоритетов, которые в свою очередь структурируют коммуникации, мотивации, потребительские предпочтения, превращают субъективные виртуальные представления в медийную и рыночную реальность – тренд, моду. Уже не создание продукта, реклама бренда, а формирование моды на него, когда поведение потребителя определяют не объективные качества товара, а навязанная обществу его оценка как эксклюзива превращается в орудие успеха на рынке.

Гламурный капитализм предстаёт как реакция на чередующиеся глобальные финансовые кризисы, порождаемые спекулятивным характером финансового капитала, захватившего доминирующее положение в мировой экономике. Его можно рассматривать как попытку вынужденного частичного возврата к заложенным в католическом мироучении принципам социального оправдания прибыли, полученной в результате производственной деятельности.

В контексте темы исследования особое значение приобретает гетерогенизация глобальной системы хозяйствования в эпоху перехода к постэкономической его форме. Она проявляется в расширении спектра инструментов, обеспечивающих движение благ в обществе. В рамках процесса экономической деятельности достигается их амбивалентности с точки зрения отношения вовлекаемых участников. То, что для производителей сохраняет значение стоимости, для потребителей приобретает значимость ценностного отношения. В конечном итоге, то, что со стороны потребителя предстает как трата, с точки зрения производителя является сверхприбыльным экономическим обменом (продажа). Чем подобная трата отличается от стандартного акта экономической покупки товара? Потребитель соглашается на несоответствие стоимостных эквивалентов встречных потоков благ. Оно оправдывается готовностью платить больше за создаваемый, благодаря приобретаемому благу, эксклюзивный индивидуальный образ. В свою очередь этот образ используется в качестве инструмента формирования и поддержания социальных связей. Производитель гламурного блага в данном случае принимает на себя роль верховного посредника между индивидом и теми «высшими силами», которые способны наделить или подтвердить особый социальный статус потребителя.

С противоположной стороны тратами являются и расходы корпораций на разнообразные маркетинговые мероприятия, не предполагающие непосредственного возврата эквивалента стоимости, но направленные на формирование соответствующего образа компании, продукта.

Деятельность различного рода некоммерческих организаций, местных сообществ, благотворительных фондов, волонтерских структур осуществляется на основе дара, радиус распространения которого выходит далеко за рамки ближнего окружения.

1.2. Институциональная архитектура как элемент культуры хозяйствования

Отправным моментом исследования специфики влияния национальной хозяйственной культуры на организацию национальной экономической системы служит изучение институциональной составляющей экономики, определение взаимосвязи ее элементов в рамках иерархии оснований институциональной архитектуры (табл. 1.6.) [76, с. 31]. Рассмотрим их особенности в контексте взаимосвязи отдельных элементов с культурными основаниями хозяйствования.

Таблица 1.6

Иерархия оснований институциональной архитектуры социально-экономических систем (СЭС)

Уровень	Элемент институциональной архитектуры
Нано	Потребности, ценности, индивидуальные знания, умения, навыки, организационные рутины, интересы, стили мышления, протоинституты, институциональные формы и функции, коллективные конвенции
Микро	Институты (формальные, неформальные), институциональные органы, формы координации и управления транзакционными издержками
Мезо	Институциональные блоки в рамках социальных сфер, региональные и отраслевые институциональные системы
Макро	Базовые институты социальных сфер, социальные системы производства, режимы накопления и способы развития, социально-экономические системы (СЭС)
Мега	Социально-экономические модели, интеграционные союзы, глобальное хозяйство

Наноуровень иерархии оснований институциональной архитектуры составляют исходные элементы, обеспечивающие возможность формирования институтов и определяющие их специфику с точки зрения восприятия субъектами-носителями. Отдельные элементы этого уровня уже были рассмотрены нами ранее. Сложность исследования некоторых из них предопределяется одновременным их существованием на разных (сознательное, подсознательное, надсознательное и бессознательное) уровнях восприятия и регуляции деятельности человека.

На уровне сознания в качестве элементов наноуровня выступают потребности, интересы (предопределяют чего мы хотим), знания, умения, протоинституты (регламентируют как именно мы достигаем своей цели). На уровне подсознания к потребностям, сформированным в результате сознательной деятельности человека, и усвоенным до уровня автоматизма

добавляются ценности, стили мышления (как приобретенный в процессе жизнедеятельности навык восприятия и оценивания окружающей реальности), навыки (определяют как мы достигаем своей цели). Наконец на бессознательном уровне помимо физиологических потребностей включаются инстинкты, коллективные архетипы, стили мышления (как заданные на уровне физиологии деятельности мозга). Особое место в этом перечне занимают протоинституты (сочетание метаинстинктов - цепочек последовательных инстинктивных реакций (бессознательное) с вкраплением последовательностей целеустремленных общественных действий (сознательное)) – они, по утверждению В. Тарасевича, определяют как цель нашего действия, так и способ ее достижения [120]. Соответственно, если на сознательном уровне мы имеем возможность непосредственно анализировать исходные факторы поведения субъектов хозяйствования, на подсознательном уровне такой анализ возможен через исследование факторов, повлекших формирование соответствующих умений и навыков, то на бессознательном уровне мы можем лишь опосредствовано определить специфику их влияния на институционализацию деятельности субъектов ведения хозяйства.

Стили мышления в конечном итоге отражают соотношение двух альтернативных типов восприятия человеком окружающей реальности – Западного / Восточного. Приоритет левополушарного, абстрактно-логического, аналитического, дискретного или правополушарного, пространственно-образного, синтетического, симультанного восприятия мира определяет специфику восприятия, видения и осмысления человеком окружающей реальности, культуры, в том числе и принятых алгоритмов социального взаимодействия (институты). Уже в самом способе мышления закладывается приоритет целостного восприятия мира, а, следовательно, и понимание человеком себя как его неотъемлемой части, подчинение собственных интересов интересам сообщества (восточные культуры), или выделение частей окружающей реальности с дальнейшим их объединении на основе последовательного анализа и синтеза, соответственно и допущение самооценности отдельного индивида и приоритет его собственных интересов (западные культуры) [93]. Формирование Западного типа мышления, и это еще раз подтверждают результаты всемирного исследования ценностей Р. Инглхарта, во многом является результатом модернизационного процесса, способствующего развитию секулярно-рациональных ценностей [45].

Социальные ориентации ценностной системы занимают особое место среди элементов наноуровня иерархии оснований институциональной архитектоники. Ценности – стабильные, объективированные, субъективно-психологические, регулятивные внутренние отношения личности к окружающему миру, формирующие ее мировоззрение и предопределяющие нацеленность, характер и интенсивность хозяйственной активности [73, с. 66]. Их структура включает: праценности первобытной общины; индивидуальные эстетические (подсознательное); групповые религиозные, политические, правовые; индивидуально-коллективные моральные; интегративные

художественные, хозяйственные и экзистенциальные (подсознательное, сознательное, надсознательное). Место и значимость ценностей в национальных культурах и институциональной архитектонике предопределяется тем, что именно ценности, составляющие основу мировоззрения человека (на подсознательном уровне), обуславливают принятие или отторжение институтов. Исследования ценностной составляющей национальных культур хозяйствования демонстрируют как наличие общих черт, формирующих национально-культурную целостность, так и частичные отличия, особенности на региональном, профессионально-образовательном, имущественно-сословном, возрастном, гендерном уровнях.

Принадлежность ценностей к подсознательному уровню регуляции жизнедеятельности человека, неявному знанию, существенно усложняет процесс определения ценностей, которые реально влияют на специфику институциональной системы. Однако по результатам исследований Г. Хофстеда (коллективизм / индивидуализм, большая / малая дистанция власти, отношения к неопределенности, маскулинность / феминность, ориентация во времени) [145.], Р. Инглхарта (традиционное / секулярно-рациональное, выживание / самоактуализация) [45], Ш. Шварца (власть, достижения, гедонизм, саморегуляция, универсализм, конформность / традиционализм, безопасность, доброжелательность) [160], Ф. Тромпенаарса и Ч. Хампден-Тернера (коллективизм / индивидуализм, отношение к правилам, уровень "диффузности" национальных культур, интенсивность эмоций, принципы преустановления статуса, отношения ко времени и природе) [122] накоплен и постоянно пополняется значительный массив сравнительных данных о характеристиках и динамике ценностных ориентаций национальных культур большинства стран мира. Открытость их методологической базы и активное привлечение местных специалистов способствуют проведению сравнительных исследований, которые могут быть использованы в процессе планирования и осуществления политики развития.

Специфика коллективных архетипов, этосных ценностей, стилей мышления, протоинститутов, ценностей составляет основу определения особенностей институционального уклада. Отличие между ценностями и институциями иллюстрирует рис. 1.3. Если первые отображают объективированное социальной реальностью отношение субъекта к явлениям окружающего мира, то вторые задают нормы межсубъектных отношений.

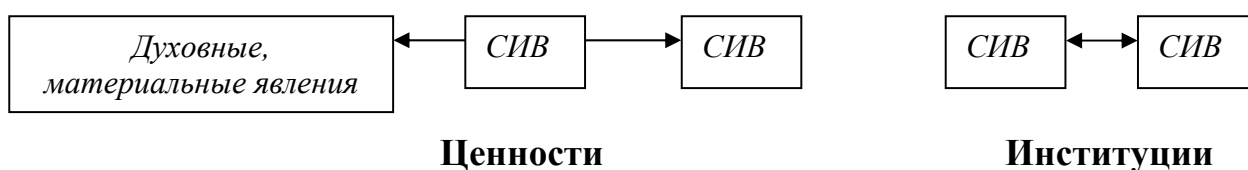

Рис. 1.3. Институциональное взаимодействие: ценности и институции.
СИВ – субъект институционального взаимодействия

Рутины – нормы взаимодействия, действующие в пределах конкретной организационной структуры. Собственно выход рутин за пределы организации, восприятие их в качестве общепризнанных норм поведения и означает переход с микро- на мезо- и макроуровень институциональной системы. Этот переход обеспечивают коллективные конвенции, выражающие общественные договоренности о принятии и способах применения институтов. Они опосредуют связь между ценностями и институтами. Конвенции являются тем элементом институциональной системы, который обеспечивает ее динамизм и изменчивость. Ключевая роль в их принятии или отторжении принадлежит элитным группам общества, которые выступают в качестве своеобразных "лидеров потребительских предпочтений" по отношению к институтам.

Микроуровень. Институты – общепринятые нормы социального взаимодействия. Их можно назвать своеобразными конструктивными единицами, кирпичиками, из которых выстраиваются более сложные производные институциональные образования. Если на региональном, отраслевом (мезо-) уровне преимущество получают неформальные нормы (обычаи, традиции, обряды, ритуалы), то на макроуровне они закрепляются в общегосударственных формальных нормах (Конституция, законы, подзаконные акты). Однако именно опора на ценности и неформальные нормы обеспечивает восприятие и выполнение формальных норм со стороны субъектов ведения хозяйства. Институциональные органы – комплексы комплементарных институций, обеспечивающих выполнение определенных функций. Примерами институциональных органов могут служить совокупности нормативных документов, обеспечивающих в рамках конкретных организаций выполнение функций управления, финансирования, бухгалтерского учета, сбыта, снабжения. Комплексы комплементарных институтов образуют организационные формы социального взаимодействия (институты), обеспечивающие координацию деятельности экономических субъектов и оптимизацию трансакционных издержек в соответствии с особенностями задач, которые на них возлагаются. К ним относятся община, домохозяйство, местные сообщества, государство, рынок, сетевые структуры, кооперация, межфирменный контракт, иерархии (организации). Свое реальное воплощение организационные формы находят в таких институциональных образованиях как предприятие, фирма (иерархии), добровольные объединения субъектов ведения хозяйства, семья (домохозяйство), госучреждения.

Мезоуровень институциональной архитектоники. Невзирая на интенсификацию и углубление пространственного взаимодействия субъектов ведения хозяйства, как на национальном, так и на глобальном уровнях, объективные предпосылки более тесного взаимодействия на уровне локальных сообществ определяют сохранение на нем достаточно значительного объема специфических региональных институциональных образований. Более того, именно особенности формирования институциональных систем дают основания некоторым ученым утверждать, что само развитие институциональных исследований можно было бы назвать результатом

регионального империализма в экономической теории, расширения инструментария исследований одной дисциплины за свои пределы, на другие науки. Ведь формирование собственно института, как общепризнанной нормы социального взаимодействия, происходит именно тогда, когда рутина выходит за пределы конкретной организации (семья, предприятие), с микроуровня переходит на мезоуровень экономического взаимодействия, уровень региональной (пространственной) экономики, региональных институциональных систем. Большинство из перечисленных форм организационных образований (община, домохозяйство, местные сообщества, сетевые структуры, кооперативы) основную деятельность осуществляют именно на локальном, региональном уровне.

Свою специфику имеет деятельность на региональном уровне государственных структур, которые благодаря своей близости к частному сектору непосредственно взаимодействуют с ним, выступают в качестве посредников между государством, бизнесом и местными сообществами. Механизмы представительной власти обеспечивают связь между доминирующими на мезоуровне неформальными институтами и создаваемыми законодательной властью формальными институтами. Обратная связь, обеспечиваемая региональной институциональной системой, помогает оценить эффективность государственной политики. С региональных рынков начинается выстраивание всей системы рыночных отношений. С них начинается путь продукта к потребителю и на них он завершается, независимо от масштабов деятельности производителя.

Еще одним важным элементом институциональной архитектоники на мезоуровне являются институциональные блоки – относительно устойчивые объединения институтов и организационных форм взаимодействия, которые действуют в определенных функциональных сферах общественного воспроизводства. Специфические институциональные блоки формируются в сферах идеологии, политики, правового обеспечения, экономики. К основным институциональным блокам в сфере экономики относятся: производственные отношения, финансовые системы, корпоративное управление, модели производства, инновационные системы, институты государства общего благосостояния, обучения и подготовка персонала.

Макроуровень институциональной архитектоники формируют базовые институты социальные системы производства, режимы накопления, способы развития, и национальные социально-экономические системы. Базовые институты – это обобщенное выражение исторически устойчивых и постоянно воспроизводимых социальных отношений, которые обеспечивают самовоспроизводство общества путем его вертикальной, между социальными сферами (идеология, политика, экономика) и горизонтальной (в пределах каждой из них) интеграции (табл. 1.7). Подобие базовых институтов и институций региональных институциональных систем и создает объективные основания образования единого национального государства, составляет его отличие от имперских образований. Свое непосредственное воплощение

базовые институты находят в системах конкретных институтов и их комплексов. Социальные системы производства – специфические порядки организации комплементарных отношений между основными институциональными блоками в конкретных СЭС, обеспечивающие стабильность воспроизводственных процессов в рамках национальной экономики.

Таблица 1.7

Культура и базовые институты

<p>Предпосылки формирования: индивидуальные знания, умения, навыки, организационные рутины, коллективные конвенции, ценности</p>	
<p>Базовые институты</p>	
<p>Формы существования: институции, институциональные формы и функции, институциональные органы, институты, институциональные блоки, социальные системы производства, режимы накопления, способы развития</p>	
<p>Базовые идеологические институты</p>	
<p>Институт субсидиарности</p>	<p>Институт коммунитарности</p>
<p>Индивидуализм, приоритет интересов индивидуума перед общественными. Свобода. Общественный характер определения социальных приоритетов. Индивидуальный характер выражения интересов. Стратификация</p>	<p>Коллективизм, приоритет интересов общества перед индивидуальными. Порядок, характер взаимоотношений между субъектами, социальные приоритеты определяются Центром. Коллективный характер выражения интересов. Эгалитаризм</p>
<p>Базовые политические институты</p>	
<p>Федеративная политическая система</p>	<p>Унитарная политическая система</p>
<p>Федерация. Самоуправление и субсидиарность. Выборность. Многопартийность. Демократическое большинство. Судебные споры</p>	<p>Административно-территориальное устройство. Иерархия во главе с Центром. Назначения. Однопартийность. Единогласие. Обращения по инстанциям</p>
<p>Базовые правовые институты</p>	
<p>Правовые институты общего права</p>	<p>Правовые институты гражданского права</p>
<p>Прецедентное право. Суд – субъект законотворчества. Решение вырабатывает и принимает практик. Права гражданина выше интересов общества. Принципы индивидуализма, деэтизации</p>	<p>Кодифицированное право. Парламент – субъект законотворчества. Вырабатывает ученый – теоретик, принимает – законодатель. Принцип коллективизма. Права общества выше интересов индивида. Этатизм</p>

Базовые экономические институты	
Институты рыночной экономики	Институты раздаточной экономики
Частная собственность. Наемный труд. Частное предпринимательство. Обмен (купля/продажа). Прибыль как критерий успеха. Рост доли частных денег и финансов в обеспечении функционирования экономики. Конкуренция как основа успешного развития экономики. Поощрение/самоактуализация, саморазвитие	Служебная, общенародная собственность. Служебный труд. Государственное предпринимательство, планирование, управление и контроль. Редистрибуция (сдачи/раздачи). Критерий справедливости – пропорциональность. Государственные деньги и финансы. Обеспечение единства общества исключает существование открытой конкуренции, координация, консерватизм. Поощрение/принуждение

Режим накопления – институциональная конфигурация, обеспечивающая рост накопления капитала, позволяющий устранять или рассредоточивать во времени деформации и неравновесия, порождаемые процессом накопления. В его сердцевине находится обеспечение баланса между трансформацией производства и трансформацией условий конечного потребления. Режим накопления и способ регуляции, как конфигурация социальных отношений, обеспечивающая воспроизводство общества и стабилизацию процессов накопления, формируют способ развития – модель устойчивого роста, характерную для конкретной СЭС и определенного периода. Основой его формирования является выделение доминирующих институциональных блоков, выступающих в роли локомотивов развития и создания условий для комплементарной трансформации, подстраивания под их специфику других институциональных блоков, формирующих в своей совокупности социальную систему производства. Социально-экономические системы – уровень институциональной архитектуры, объединяющий институциональные образования, действующие в сферах идеологии, политики, права, экономики в масштабах всего государства.

Объединение отдельных СЭС в группы предполагает выделение ключевых признаков, характеризующих особенности воспроизводственного процесса и означает выход на мегаэкономический уровень. В его истоках в конечном итоге оказываются социальные ориентации ценностной системы. Таблица 1.8 представляет связь между доминирующими в национальных культурах социальными ориентациями ценностных систем и основными характеристиками современных моделей экономических систем (моделей капитализма) [77].

Таблица 1.8

Модели экономических систем и их комплементарные характеристики

	Рыночный капитализм (РК)	Мезокорпоративная (МК)	Континентальная		Постпереходная (ППК)
			Социал-демократическая (СДК)	Публичная (ПК)	
Основные страны	Англия, США, Канада	Япония, Тайвань	Центральная и Северная Европа	Южная Европа	Украина
Приоритетные ценности (Г. Хофстед, Ш. Шварц)*	И, ВОН, НДВ, КО, АА, М,	К, ООН, НДВ, ДО, М, Ие, П	И, умеренное ООН, НДВ, умеренная КО, Э, Г, ИА	Умеренный И, ООН, СДВ, КО, Э, Г, ИА	К(И), ООН, СДВ, Ие, М, ДО/КО
Базовые идеологические, политические и правовые институты	Субсидиарность, федерализм, общее право	Коммунитаризм, унитаризм, смешанное право	Корпоративизм, федерализм, гражданское право с элементами общего	Корпоративизм, федерализм/унитаризм, гражданское право	К/И, унитаризм/ федерализм, гражданское право
Основные элементы институциональной инфраструктуры	Рынок, крупные корпорации, МС	Крупные корпорации, сети, государство, рынок	Корпорации, ассоциации, государство, рынок, МС	Семейные корпорации, сети, государство, рынок	Государство, рынок, крупные корпорации
Тип Ст.К и основной принцип её формирования	Изоморфизм на основе И,	Изоморфизм на основе К, патриархальный корпоративизм, солидаризм	Полиизоморфизм с акцентом на И, корпоративизм как средство объединения И и К.	Полиизоморфизм с акцентом на И, семейный корпоративизм	Гетерогенность и амбивалентность И и К

Примечания: * И/К – индивидуализм/коллективизм, ВОН/ООН – взвешенное/отрицательное отношение к неопределенности, ДНД/СДВ – незначительная/существенная дистанция власти, ДО/КО – кратко-/долгосрочная ориентация во времени (Г. Хофстед); ИА/АА – интеллектуальная/аффективная автономия, Г – гармония, Э – эгалитаризм, М – мастерство, Ие – иерархия, П – принадлежность (Ш. Шварц).

Материально-технологические и социальные качества среды обитания стран Рыночного капитализма (РК) вполне соответствуют приоритетам индивидуализма. Он – важная черта первопроходцев-протестантов и современных мигрантов. Его поддерживает культура вины, индивидуалистско-конкурентная направленность социальных ориентаций. Идеологические институты subsidiarity логично продолжают политическими институтами федеративного устройства, правовыми институтами индивидуалистического по идеологическим принципам, англо-американского общего прецедентного права. На уровне экономических институтов индивидуализм выражается в доминировании частной собственности, соответствующих организационных форм корпоративного управления, биржевых инструментов финансирования, индивидуализации

производственных отношений и ответственности за формирование профессиональной квалификации, договоренностей об оплате труда, минимизации участия государства в сфере социальной защиты населения, сосредоточении инновационной деятельности в частных корпорациях, университетах и временных научных коллективах. Социальные системы производства, режимы накопления и способы развития формируются исходя из доминирующей ориентации на индивидуальный успех и процветание.

Истоки европейского корпоративизма связываются со сформированной под влиянием христианства еще в начале второго тысячелетия традицией нуклеарной семьи. Функцию производства благ на экономической основе принимает на себя новый, изначально комплементарно-противоположный ей экономический субъект – фирма-корпорация. Производство экономических благ отделяется, противопоставляется их потреблению. Приоритет индивидуализма отражается в культуре вины. Социальная направленность ценностной системы имеет группово-кооперативный характер. Почти на всех уровнях институциональной системы действует ярко выраженный полиизоморфизм с акцентом на индивидуализме. На уровне правовых институтов доминирует имеющее в своей основе идеологию коллективизма романо-германское (континентальное, гражданское, кодифицированное) право, с существенным влиянием в североевропейских странах и в праве ЕС общего права.

В североевропейском варианте модели Социал-демократического капитализма (СДК) комплементарное единство на уровне социальных систем производства, режимов накопления и способов развития обеспечивается объединением индивидуализации предпринимательской деятельности с государственным перераспределением существенной части национального дохода. В центральноевропейском варианте модели СДК государство берет на себя функции формирования правил, по которым должны действовать хозяйствующие субъекты и наблюдения за их соблюдением. В южноевропейской католической модели Публичного капитализма (ПК) комплементарная целостность социально-экономического устройства обеспечивается активным вмешательством государства в процесс хозяйствования путем контроля части производственных фондов, регулирующего вмешательства в деятельность предприятий.

Приоритет корпоративизма находит свое выражение в акценте на социальной составляющей деятельности предприятий, производственных отношений, корпоративного управления, усилении связи основного кредитора (банка) с предприятиями-заемщиками. Это проявляется в ориентации систем образования и подготовки персонала на специфические, нетрансферабельные знания, технологии, модели производственной и инновационной деятельности, ориентированные на кооперацию, совершенствование качества, развитию систем социальной поддержки населения.

Определяющим моментом формирования специфики Дальневосточной конфуцианской патриархальной корпоративной СЭМ, Мезокорпоративного

капитализма (МК), является доминирование в общественной жизни культуры стыда, группово-кооперативной направленности ценностной системы. Им соответствуют базовые идеологические институты коммунитаризма. Политические институты основываются на принципе консенсусного принятия решений. На уровне правовых институтов распространенным явлением является полиизоморфизм, объединение элементов традиционного, общего и романо-германского права. Путь обособления функции воспроизводства членов семьи от функций производства экономических благ отличается от европейского. Принципы отношений в традиционной семье переносятся в сферу внутрикорпоративного взаимодействия. Полиизоморфно комплементарные реципрокные, редистрибутивные и обменные отношения охватывают всю систему хозяйствования, начиная от производственных отношений (пожизненный найм), финансирования корпораций (центральные банки в пределах сетевой структуры/фондовые биржи), корпоративного управления (кейрецу – Япония, чеболы – Южная Корея, гуанкси-квиех – Тайвань, джазе- и джитиан-квиех – Китай), системы подготовки кадров (государственное/частное образование/повышение квалификации на производстве), инновационной деятельности (государственное финансирование, индикативное планирование, гранты/частные корпоративные разработки, организационные, инкрементальные, кооперативные инновации), до системы социальной поддержки (традиционная семья/государственные программы).

Разворачивание процессов интеграции означает новый этап кросскультурного взаимодействия социально-экономических систем как явления эндогенного, развивающегося на основе национальной культуры хозяйствования с учетом систематизированного стабильного взаимодействия с ценностями других культур. Наиболее продвинутым примером достаточно успешного решения проблем взаимодействия экономических систем, включающих существенно отличающиеся культуры хозяйствования, является Европейский союз.

Глава 2. ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

2.1. Исторические условия формирования западноевропейских и восточнославянских хозяйственных ценностей

Социокультурные ценности, являясь одним из важнейших элементов наноуровня иерархии оснований институциональной архитектоники, оказывают огромное влияние на социально-экономическое развитие. Представляя собой специфические социальные определения объектов окружающего мира, которые выявляют их положительные или отрицательные значения для человека, ценности формируют ментальные особенности нации, которые, в свою очередь, влияют на все формы взаимодействия людей в различных сферах жизнедеятельности общества. Применительно к экономике такое влияние обнаруживает себя в мотивации субъектов к хозяйственной деятельности.

Мотив есть осознанное побуждение к действию – интенциональному поведению, вызванному желаниями и убеждениями субъекта. Мотив является определенным содержательным единством, выступающим достаточной причиной для совершения определенных действий. Он возникает только тогда, когда потребность в сознании человека воплощается в более-менее конкретный образ предмета, при помощи которого допускается ее удовлетворение. Осознание потребности и стремление ее удовлетворить побуждают к определенной целенаправленной деятельности. Последняя, в отличие от собственно действия, которому может предшествовать или не предшествовать сознательный выбор, всегда осмыслена и осознана, направлена на достижение определенной цели.

Цель – это идеальное, воображаемое предвидение результатов деятельности. Только тогда, когда удовлетворение потребности осознается как конкретная цель (максимизация полезности, максимизация прибыли и т. п.), возникает интерес. Он реализуется при условии достижения его носителями конкретных целей. Таким образом, генезис интереса заключается в отборе сознанием наиболее важных потребностей для удовлетворения, а также определения целей, за счет реализации которых это становится возможным.

Наряду с этим, мотивация к экономической деятельности включает еще один важный элемент – осознание путей и способов достижения необходимого результата, то есть стимул. Последний также выступает ориентационным компонентом мотивации, поскольку позволяет из существующих альтернатив избрать наиболее приемлемый вариант действий по реализации экономического интереса. И здесь в поле зрения экономистов неизбежно попадает нормативная составляющая социального действия.

Институциональная теория рассматривает нормы и правила в качестве внешних условий, принуждающих человека совершать определенные действия. Действительно, каждый субъект, который пытается достичь поставленной цели и не учитывает при этом целей и интересов других субъектов, неизбежно будет

вызывать их сопротивление. Оно служит своеобразной преградой на пути достижения целей того, кто игнорирует существование аналогичной мотивации со стороны других лиц. Это препятствие субъект должен преодолеть, чтобы двигаться дальше. А это уже означает для каждого свободного человека определенную разновидность принуждения.

Такое принуждение осуществляется на основе правил. Благодаря им определенные действия из существующего множества становятся обязательными к выполнению или невыполнению. Они нормируют и стандартизируют общественные отношения, что, собственно, и обеспечивает гарантию порядка: во-первых, как уверенность в ориентации, поскольку каждый знает, на что имеет право он сам и другие лица, во-вторых, как предвидение последствий, поскольку каждый знает, чего стоит для него нарушение правила, а чего это стоит для другого лица. Итак, зная правила, каждый член общества может делать выводы о поведении других лиц в конкретной ситуации. Поэтому он может планировать свои действия с учетом стабильно ожидаемой реакции других, а также чувствовать себя уверенно перед такой реакцией. Правила задают параметры деятельности людей, знание этих правил координирует деятельность.

Однако следует иметь в виду, что за правилами и нормами находятся явления более глубокие. Как было отмечено, мотивация человека к экономической деятельности обуславливается потребностями. Совокупность потребностей направляет деятельность на определенные объекты, с помощью которых предполагается их удовлетворение. Приобретение потребностями в сознании человека предметности формирует мотив как осознание побуждения к действию. Однако объекты, на которые направляют свои усилия люди в ходе удовлетворения потребностей, уже имеют в их сознании специфические социальные определения, которые формируют положительные или отрицательные значения этих объектов для жизнедеятельности человека и общества, то есть ценности.

Последние составляют содержание ценностных ориентиров – системы установок субъекта на социальные, политические, хозяйственные и моральные нормы поведения. Таким образом, ценности начинают управлять мотивацией человека уже на стадии осознания потребности, затем они воздействуют на определение целей через формирование дозволенности и запретности, далее – формируют осознанный выбор человеком конкретных путей реализации этих целей с учетом возможных последствий. Поскольку именно ценностные ориентиры определяют внутреннюю готовность к деятельности, связанной с удовлетворением потребностей, то мотив отражает не только осознанное побуждение к действию, но и приемлемость самой необходимости его осуществления. Об этом, собственно, писал еще М. Вебер, исследуя соотношение между целерациональным и ценностнорациональным способами детерминации социального действия [13, с. 628–629].

Ценностная рациональность связывается ученым со стремлением субъекта достичь какой-то одной абсолютной ценности. При этом все другие ценности не принимаются во внимание или рассматриваются как конкуренты

этой высшей ценности. В силу этого субъект в ходе своей деятельности не несет ответственности за ее результаты по отношению к возможности реализации других ценностей, действует в соответствии с этикой принципа.

Целерациональность является для Вебера нормативным типом действия, что логически подразумевает этику ответственности. В этом случае субъект признает множество ценностей и возможных путей их достижения в ходе удовлетворения потребностей. Поэтому ему приходится иметь дело не только с выбором средств для достижения цели, но и с оценкой (ранжированием) ценностей. Важно понять, что человек не просто пытается удовлетворить возникающую потребность, но и стремится обеспечить ее удовлетворение в дальнейшем, а также не помешать при этом удовлетворению новых потребностей. Это ставит его перед ответственностью за последствия своей деятельности и требует объективных знаний ситуации, чтобы сознательно принимать правильные решения.

Именно при таких, а не иных, условиях возникает ориентация на нормы – стандарты правильного соотношения средств и целей, а также способов совершать определенные действия с учетом обязывающих ценностей. В силу этого человек не может иметь целей, интересов и стимулов, которые были бы изолированы от социокультурных ценностей. Каждый раз, когда человек совершает выбор – какую потребность удовлетворить и как это сделать – его ценностные ориентиры уже присутствуют в предпочтениях и определяют нормы, которые будут управлять его поведением в этом выборе. Вместе с этим, ценностные ориентиры позволяют выполнять правила при выборе альтернатив через реализацию моральной нацеленности на принятие способов достижения целей.

Выше сказанное позволяет сделать вывод о том, что все компоненты мотивации человека к экономической деятельности оказываются «пронизанными» ценностями, которые он усвоил в результате воспитания и образования. Соответственно, нормы и правила являются лишь формами проявления системы ценностей, сложившейся в обществе. Следовательно, можно утверждать, что все институты легитимированы согласованными ценностными привязанностями его членов, т. е. ценностями, которые разделяются субъектами с относительным согласием. В силу этого общественные институты, упорядочивающие отношения людей, базируются на социокультурных ценностях.

Действительно, система ценностей формирует нормативное восприятие деятельности человека, иначе говоря, создает уверенность в том, что правильно, а что нет. Эти установки откладываются в глубинных структурах мышления, выступая бессознательными фильтрами принятия или непринятия внешнего мира. Образцы правильного и неправильного поведения, усвоенные глубоко подсознанием человека, определяют предписания (нормы) поведения. Таким образом, если в сознании человека укоренились определенные ценности, то это означает, что он признает и нормы, из них вытекающие.

Благодаря нормам в обществе устанавливается порядок взаимозависимости, когда определенные действия оказываются более

вероятными по сравнению с другими, а некоторые ситуации требуют соответствующих поступков. Следовательно, норма обязывает человека вести себя соответствующим образом. Вместе с тем, она ставит субъекта перед альтернативой: выполнять нормативные требования или, наоборот, идти на риск и быть объектом возможных санкций. Последние могут существенно влиять на сознание человека, заставляя его выполнять установленные правила. Таким образом, ценности как внутренняя составляющая норм и правил, по сути, определяют экономическую деятельность большинства членов общества. Ценности дают оценку явлениям и действиям, одобряют или осуждают их и, тем самым, определяют стимулы и конкретные поведенческие ограничения. В наиболее общем виде связь между ценностями, нормами и правилами продемонстрировано на рис. 2.1

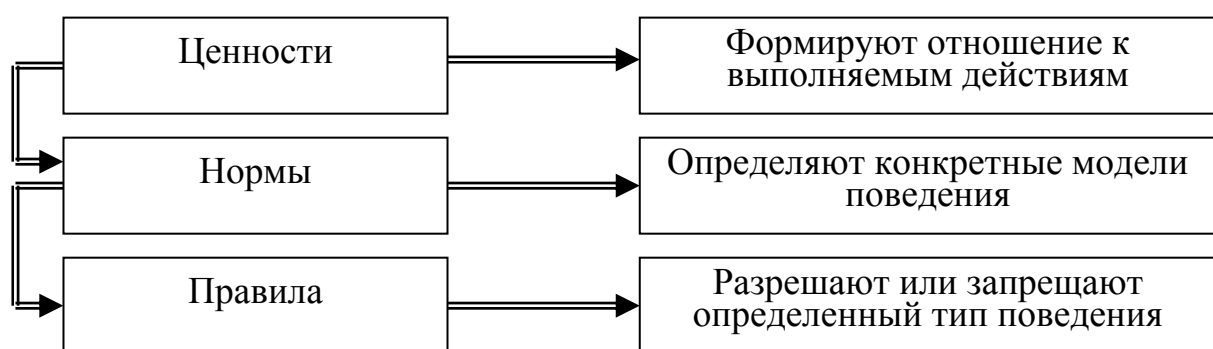

Рис. 2.1. Схема взаимосвязи между ценностями, нормами и правилами

Как показывает рис. 2.1, ценности описывают определенные формы общественного сознания в виде понятий добра и зла, справедливости и несправедливости, идеалов, моральных принципов, что служит основанием для оценки различных действий. Иными словами, благодаря осознанию ценностей можно понять, какие действия считаются оправданными, а какие запретными, неприемлемыми в глазах общества. Такого рода оценки в дальнейшем определяют предписания (нормы). В отличие от ценностей, которые ориентированы на общую цель деятельности и допустимые способы ее достижения, нормы определяют конкретные модели поведения и показывают, что нужно делать, а что не нужно. Санкционированные нормы превращаются в правила, которые позволяют (запрещают) определенный тип поведения в каждой из конкретных ситуаций. Как известно, правила формируют институты. Таким образом, ценности, нормы и институты оказываются взаимосвязанными между собой, при этом каждый институт базируется на определенных ценностях.

Рассмотрим систему ценностей общества более подробно. Как показывает рис. 2.2, такая система формируется за счет взаимосвязи и взаимодействия различных видов социокультурных ценностей и имеет сложную иерархическую структуру, которую в наиболее обобщенном виде можно представить в форме пирамиды. Последняя состоит из хозяйственных, политических, правовых, идеологических, эстетических, морально-этических и

этических ценностей, расположенных по мере их способности к изменчивости. На данном этапе исследования мы отталкиваемся от гипотезы об относительной подвижности ценностей, невзирая на то, что этот вопрос все еще остается дискуссионным в отечественной экономической литературе. В последующих разделах монографии будут приведены эмпирические доказательства справедливости постановки проблемы в таком контексте.

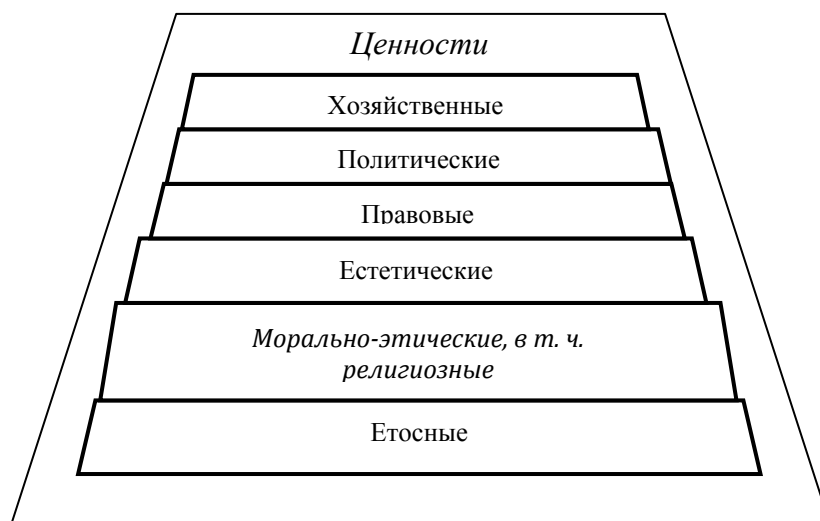

Рис. 2.2. Пирамида ценностной системы общества

В основе данной пирамиды находятся этосные ценности. Именно они являются базисом национальной самоидентификации, поскольку воплощают в себе определенные этнические архетипы, формирующиеся на протяжении длительного периода существования этноса. Эти ценности накапливают в себе социальную энергию и историческую силу исключительного значения, поэтому и остаются практически неизменными. Подобно биологическим генам этосные ценности проявляются в сознании многих поколений людей, проживающих в различные исторические эпохи, и на века определяют их национальную специфику.

Морально-этические ценности отражают особенности сознания, деятельности, целеустремленности, соотношения добра и зла, справедливости, равенства. Они регулируют отношения между людьми с позиции противопоставления правильного и неправильного, связаны с утверждением достаточно жестких неписаных законов – принципов, установок, запретов и норм. Особое место среди морально-этических ценностей занимают ценности религиозные, которые усваиваются людьми в процессе социализации и объединяют их на неформальной, духовной основе.

Выступая «формой специфического отображения в сознании людей господствующих над ними сил» [83, с. 328], религия формирует у человека своеобразную систему ценностных ориентаций и социальных установок, благодаря которой вся информация, все впечатления от окружающего мира подвергаются фильтрации и переработке с религиозных позиций. Таким

образом, все моральные чувства верующего человека (любовь, альтруизм, эгоизм и т. п.) преломляются через его отношение к Богу.

Эстетические – это духовные ценности, связанные с выявлением, ощущением и созданием человеком гармонии. Они объединяют в себе идеальные представления о необходимости, совершенстве, целостности и целесообразности окружающего мира.

Политические и правовые ценности определяют социальную ориентацию индивидов как членов определенных групп общества, а также их отношение к нормам, регулирующим социальное взаимодействие. На основе этих ценностей у людей формируется совместная идентичность с одними индивидами при четко выраженной дифференцированности относительно других лиц. Идентичность-дифференцированность как аспект принадлежности к определенной культуре определяют позиции доверия и недоверия между людьми, необходимость придерживаться тех или иных нормативных образцов поведения.

Эти психологические составляющие человеческой природы содействуют установлению связей с политической системой, поскольку большинство людей включается в политический процесс и проявляет активность в общественных делах, исходя из собственной идентичности. Действуя совместно с теми, кто разделяет их взгляды, люди ощущают сплоченность, которой не существует вне групповой деятельности.

Хозяйственные ценности являются формой проявления в воспроизводственной деятельности людей всего комплекса вышеперечисленных ценностей. Они отражают принятые в обществе устойчивые представления о том, какие виды экономических отношений и формы их проявления (собственность, богатство, власть, статус, источники и способы получения дохода) являются наиболее значимыми или вообще неважными для членов общества. Если, например, религиозные ценности базируются на осуждении стремления к богатству, морально оправдывают бедность, аскетизм и нестяжательство, то в экономических отношениях между людьми проявит себя низкое стремление к сбережениям, отсутствие стимулов к предпринимательству и т. п. Таким образом, ценностная система общества играет огромную роль в социально-экономическом развитии, являясь, по сути, тем механизмом, который выступает либо его стимулом, либо ограничителем.

Установленная ранее взаимосвязь между ценностями, нормами и правилами (рис. 2.1), позволяет сделать вывод, что изменение институтов зависит от возможности изменения ценностей. Более пластичные ценности (хозяйственные, политические, правовые, эстетические) могут быть изменены в течение короткого исторического промежутка времени, что открывает возможности более быстрого изменения институтов, которые на них базируются. В то же самое время этосные ценности существенно ограничивают социальную инженерию, поскольку формируют менталитет – неформальный институт, который отражает коллективное сознание.

Следует отметить, что категория менталитета используется во многих науках об обществе. Философия рассматривает его как специфический тип мышления, отражающий степень индивидуального и коллективного сознания. В социологии внимание акцентируется на социокультурных особенностях ментальных установок индивидов и их групп. Историки рассматривают эту категорию как обобщенный способ восприятия мира людьми определенного исторического этапа. Социальные психологи видят в менталитете взаимосвязанные психологические реакции, несущие и впитывающие в себя опыт предыдущих поколений как синтез сознания и коллективного бессознательного [27, с. 37]. Использование ментальных элементов в сфере экономических исследований способствовало пониманию данной категории как «глубинного уровня коллективного и индивидуального сознания, который сосредоточивает в себе совокупность способностей, установок, настроенности индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом» [62, с. 92].

Несмотря на определенные оттенки в толковании сущности менталитета различными социальными науками, все они связывают его с коллективным сознанием. Поэтому в более широком смысле этот термин может рассматриваться как информационный феномен, связанный с подсознанием, отражающий гиперличность народа. Она формируется в течение тысячелетий под влиянием среды и жизнедеятельности народов. В ней проявляются пласты культуры разных эпох, создается архетип и формируется стиль жизни, традиции, обычаи и формы общения людей. При этом глубинные мотивы поведения не осознаются людьми непосредственно, а диктуются подсознанием, которое в образной форме сохраняет культурный опыт человечества [89, с. 38]. В связи с этим, несмотря на принципиальную возможность быть исторически меняющимся социальным феноменом, менталитет меняется очень медленно.

Согласно исследованиям социальных психологов, формирование устойчивых ментальных установок и стереотипов происходит в течение первых 14 – 16 лет жизни человека. Дальнейший процесс накопления информации и жизненного опыта, формирование образа мышления и восприятия мира начинает тормозиться, что не позволяет изменяться менталитету отдельного человека в течение его жизни. Считается, что видоизменение индивидуальных ментальных установок происходит в течение века (по крайней мере, в процессе жизни трех поколений), хотя при этом все исторические базисные установки предыдущих поколений сохраняются. Следовательно, менталитет – это один из институтов общества, который меняется наиболее медленно, поскольку формируется в течение длительной истории человечества. В то же время, менталитет можно сознательно корректировать, если знать законы его формирования [27, с. 38].

Поскольку, как мы увидели, нормы и правила – это явления более пластичные, чем ценности, то любые преобразования существующих институтов сталкиваются с малоподвижной структурой, которую очень сложно изменить. По справедливому утверждению И. Агаповой, «... сопротивление новым институтам связаны с так называемой институциональной матрицей,

которая включает и формальные, и неформальные правила, а также ценности и представления, которые пронизывают мировосприятие человека, унаследованное от предыдущих поколений. Не случайно кардинальные изменения институциональной среды предусматривает изменение самого человека, если его рассматривать как носителя определенной системы ценностей... В свою очередь, фактор социальной инерции, выраженный консервативностью институтов, позволяет успешно осуществлять изменения в обществе только тогда, когда новые представления овладеют умом большинства индивидов и станут преобладать в господствующей социальной группе» [2, с.198–199]. Следовательно, чтобы осуществить эффективные общественные преобразования, направленные на формирование тех или иных институтов, необходимо достичь единства ценностных ориентиров экономических субъектов, поскольку в каждом индивидуальном сознании формируется собственное представление о том, как следует вести себя в определенных обстоятельствах.

В практике реформ, которые проводились в 90-е гг. XX века в постсоветских государствах, эталоном служила модель рыночной экономики, которая сложилась в странах Западной Европы и США. При этом мало кого из реформаторов того периода интересовало, насколько согласуются ценности, заложенные в ее основу, с советским менталитетом. В итоге, насаждаемые формальные институты вошли в противоречие с неформальными и отторгались общественным сознанием. Как результат, либеральные реформы на постсоветском пространстве оказались крайне неэффективными. Чтобы понять, насколько наши хозяйственные ценности отличаются от западноевропейских и какова степень «зависимости от предшествующего развития» восточнославянских государств, необходимо изучить исторические условия формирования их менталитета.

Признавая огромную роль неформальных институтов в развитии стран, следует иметь в виду, что они являются продуктом длительного исторического развития и формируются на протяжении тысячелетий под влиянием среды проживания и жизнедеятельности народов. В менталитете, который определяет характер неформальных норм, проявляются пласты культуры различных эпох, создается архетип, закладываются стили жизни, традиции и формы общения людей. Поэтому сегодняшнее развитие той или иной страны во многом определяется ее прошлым. С позиций системного и цивилизационного подходов исторические условия формирования хозяйственных ценностей следует разделить на пять составляющих:

- культурологические, включающие в себя духовную жизнь, создание и распространение кодов (лингвистических, этнических, эстетических, научных, религиозных и других, то есть всю сферу символов, знаков, норм, ценностей, обеспечивающих коммуникацию людей);

- природно-географические, отражающие масштабы страны и ее геополитическое положение, обеспеченность природными ресурсами, плотность населения, масштабы освоения земель;

- экономические, сочетающие уровень развития производительных сил, господствующий тип собственности, организацию географического пространства, структуру экономики, ее инфраструктуру;
- социальные, характеризующиеся классовой структурой, социальной дифференциацией населения;
- политические, продиктованные институционализированными отношениями между людьми, то есть системой права, организацией власти и управления, а также наличием партий и гражданских движений.

Проводя исследование хозяйственных ценностей по выделенным направлениям, следует иметь в виду, что они являются элементом целостной системы социокультурных ценностей и формой проявления всего комплекса связанных с ними отношений в сфере воспроизводственной деятельности людей. Поскольку хозяйственные ценности выражают характерные для общества устойчивые представления о приемлемых способах экономической деятельности, которые сформировались в пределах ценностно-нормативной системы, то исследовать их необходимо отдельно по определенным хронологическим периодам. Невзирая на то, что ценности по своей природе являются малоподвижным феноменом, их все-таки необходимо рассматривать в динамике, так как под влиянием различных факторов они модифицируются и, хотя и медленно, все же приобретают новые черты вместе с развитием общества.

Начинать анализ хозяйственных ценностей целесообразно с эпохи средневековья, поскольку именно в этот период были сформированы основные ментальные черты населения исследуемых регионов. Тогда же оформились и первые позднефеодальные единые государственные образования, функциональные основания которых подверглись определенной модификации в Новое время под влиянием зарождения и развития коммерческих отношений. Причем такая модификация осуществлялась в рамках, которые определялись уже сложившейся и укоренившейся в средневековье системой глубинных ценностно-нормативных систем.

Особенности развития отдельных регионов обычно связывают с влиянием культурологических факторов, которые в большинстве западноевропейских стран проистекали из Римской империи. Истоки цивилизационного развития славянских народов большинство исследователей связывает с культурой Византии и с весомым влиянием татарской Золотой Орды. Названные факторы в наибольшей степени отразились на этносоциальных особенностях развития Руси. Определенный тип культуры и его оттенки сформировали архетипы ментальности народов, определили определенные ценностные системы, которые, в свою очередь, способствовали формированию той или иной модели их развития.

Влияние исторических условий на формирование ментальных моделей рассматриваемых стран целесообразно сгруппировать в таблицу и отобразить по географическим блокам, а именно: Западная Европа, Россия, Беларусь и Украина. Именно такой принцип группировки объясняется необходимостью исследования общих и отличительных ментальных черт населения регионов,

которые в течение достаточно длительного исторического периода развивались вместе в единых государственных образованиях (Украина-Польша, Украина-Россия, Украина-Австрия, Украина-Венгрия, Беларусь-Польша, Беларусь-Россия), находясь между Западом и Востоком (см. табл. 2.1).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что наиболее стабильным фактором формирования индивидуалистических и коллективистских ценностей была, безусловно, природно-географическая среда. В период формирования основ средневековой цивилизации в ряде стран именно под влиянием этого фактора происходит создание основ ментальных моделей, возникновение определенных экономических отношений и их политическое оформление.

В европейских странах средневековой эпохи, и в тех, которые сформировались в результате распада Римской империи (Италия, Галлия, Испания), и в тех, которые возникли на основе разложения родоплеменных отношений (Великобритания, Скандинавия, частично Германия), географические условия способствовали развитию земледелия, которое требовало значительных усилий для повышения его эффективности.

Как утверждает А. Стражный, «в Европе раннего средневековья... плодородных земель было мало – европейская территория в то время считалась дикой глушью, местом, крайне непригодным для жизни. ... пригодные для сельского хозяйства земли из-за обильных дождей и прохладного климата не давали хорошего урожая, и голод в те времена был явлением привычным, так же, как и наводнения, забирал сотни тысяч жизней. Чтобы превратить дикий ландшафт на урожайные земли, средневековый европеец выкорчевал леса, превратил болота в поля, проложил дороги, наладил производство самых разнообразных товаров – за всем этим стоял тяжелый труд» [118, с. 74].

Ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству является важнейшим компонентом хозяйственной культуры. В эпоху средневековья в соответствующих западноевропейских естественно-географических условиях оно формировалось под влиянием идеологического институционального фактора. В своем первоначальном значении слово «arbeit» (работа) означало казнь, муку, издевательства. Человек не мог в тогдашних природных и экономических условиях выжить, не работая долго и интенсивно. Поэтому труд считался единственным фактором индивидуального воспроизводства. Благодаря этому в обществе сложился устойчивый стереотип добросовестного отношения к труду, который активно поддерживался и моралью – трудоспособный человек, который уклонялся от работы, подвергался осуждению со стороны общества. И что важно, европейцы придерживались принципов «римской» идеологической системы, согласно которым, чем больше человек работал, тем больше имел шансов разбогатеть.

Таблица 2.1

Влияние исторических условий на формирование ментальных моделей отдельных географических образований в период позднего средневековья (XV-XVII вв.)

Исторические условия формирования нормативно-ценностных систем	Европа	Россия	Украина	Беларусь
Истоки цивилизации	Западная Римская империя	Византия, Золотая Орда	Византия	Византия
Природно-географические условия	– Непогодородные земли, которые нуждались в усилиях для повышения их плодородия; – оседлый характер обработки земли; – высокая плотность населения	– Почвы, не пригодные для длительной обработки, постоянное расширение сельскохозяйственных площадей, миграция населения; – низкая плотность населения	– Богатые, плодородные почвы, оседлый характер обработки земли; – низкая плотность населения	– Плодородные земли, оседлый характер обработки земли; – невысокая плотность населения
Экономические условия	– Индивидуальный характер обработки земель в пределах частных землевладений – бурное развитие городов и ремесел	– Общинный характер землевладения; – неэкономический характер принуждения к труду; – соединение власти и собственности, практическое отсутствие частной собственности; – слабое развитие городов и ремесел	– Индивидуальный характер обработки земли в пределах хуторов; – слабое развитие городов и ремесел, в отдельных регионах после Люблинской унии – бурное	– Общинный характер землевладения; – неэкономический характер принуждения к труду; – высокие темпы развития небольших городов и ремесел
Социальные условия	Формирование устойчивого среднего класса. Доминирование в социальной структуре городского населения	Аграрная крестьянская страна. Отсутствие среднего класса как социальной основы гражданского общества и индивидуалистических ценностей	Доминирование украинцев среди крестьянского населения – носителей традиционных ценностей. Отсутствие среднего класса	Доминирование в социальной структуре сельского населения. Отсутствие среднего класса
Политические условия	Монархический строй светской власти сосуществует с духовной властью католической церкви	Монархический строй светской власти, полное подчинение духовной власти светской	Монархический строй светской власти, полное подчинение духовной власти светской	Монархический строй, после Люблинской унии – сословная монархия, подчинение духовной власти светской

Составлено по: [22; 28; 36; 47; 54; 59; 118].

Состояние производительных сил того времени требовало максимальной самостоятельности крестьянина. Поэтому в большинстве западноевропейских стран постепенно закрепляется индивидуальный характер обработки земли в пределах частных землевладений, при этом на данный процесс оказывали сильное влияние военные вожди, которые впоследствии превращались монархов. Как утверждают историки, в Западной Европе соседская община погибла в обстановке непрерывных внутренних и внешних войн примерно на пороге нового летоисчисления. По мере укрепления частнособственнического присвоения община теряла свои экономические позиции: постепенно частная собственность утвердилась не только на пахотные земли, но и луга, пастбища, леса. Этим был нанесен смертельный удар по традициям уравнительного распределения.

Заметим, что средневековая Европа находилась под влиянием римского права, в котором задекларированы уважение к закону и частной собственности. Порядок – один из важнейших алгоритмов ментальности римлян – впоследствии распространился и на других европейцев. Те, кто его нарушал, провозглашались вне общества. Считалось, что преступник, разрушая созданное Богом устройство, тем самым обижает самого Бога. А это чревато негативными последствиями – катастрофами, войнами, эпидемиями, от которых пострадает не только тот, кто нарушил закон, но и другие люди. Таким образом, уничтожить преступника означало уберечься от кары Божьей; противозаконные поступки рассматривались в суде не только по заявлению потерпевшего, но и без него, ради идеи самого зла.

Такие ментальные черты, доставшиеся европейцам от римской культуры, активно поддерживались государственной властью. История знает немало фактов жестокой расправы средневековых королевских правоохранительных органов над преступниками – от пыток, нанесения тяжких телесных повреждений к публичной смертной казни. Эти методы прямого насилия на многие поколения вперед выработали такой устойчивый стереотип европейца как законопослушность.

Немаловажное значение для становления либеральных западных ценностей приобретает демографический фактор: начиная с XV в. Европа испытывает своеобразный «демографический бум» – резкий рост численности населения. Этот фактор детерминировал расширения рынков, ощутимо увеличил масштабы внутренней и внешней торговли. При таких условиях расширились границы относительной свободы экономических агентов, постепенно разрушались основы производственного вмешательства государства, типичного для раннего феодализма. Именно в этот период закладываются институты, содействующие коммерческому обмену, реформируется раннефеодальная правовая система.

В данном процессе особое значение приобретает религиозный фактор. Прежде всего, его влияние проявилось в становлении такого необходимого условия существования и развития конкуренции, как институт индивидуальной свободы. Христианство, которое было основной формой религии европейского

общества на протяжении почти тысячелетней истории, воспитывало внутренний суверенитет индивида. Именно христианская мораль сыграла колоссальную роль в формировании свободной личности через проповедование и утверждения в сознании людей идеи их равенства перед Богом. Именно с этим обстоятельством многие исследователи связывают формирование основ демократического общества. «Средневековье открыло внутренние источники демократии и укрепило ее основания, передав Новому времени, как эстафету, убеждение, что демократия рождается естественным правом человека действовать в соответствии со своими убеждениями и основывается на свободе личности, она не нуждается в какой бы то ни было дополнительной легитимности. С этого момента появилась возможность экспансии демократических принципов за пределы континента, причем эта экспансия уже не несла угрозы возвращения к авторитаризму», – пишет В. Иноземцев [46, с. 42].

Западная церковь, в наше время известная под названием римско-католической, получила независимость от государства и сама выступает сегодня как влиятельный социально-политический институт, в котором сочетаются светская и религиозная власть путем создания и функционирования суверенного государства Ватикан и многоуровневой иерархии организаций католицизма. Независимость римско-католической церкви означала существование в Европе двух влиятельных институтов, которые на протяжении длительного исторического периода вели соперничество за власть. Именно благодаря разделению этой власти между церковью и государством возникла возможность для развития свободы личности и гражданского общества.

Как утверждает известный исследователь либерализма американский социолог Д. Боуз, «борьба между церковью и государством препятствовала возникновению абсолютной власти, что позволило развиваться автономным институтам гражданского общества, а отсутствие у церкви абсолютной власти способствовало бурному развитию диссидентских религиозных убеждений. Рынки и ассоциации, отношения, построенные на клятвах, гильдии, университеты и города с собственными уставами – все это помогло развитию плюрализма и гражданского общества» [9, с. 35]. Исторические факты свидетельствуют, что именно в рамках западной христианской церкви возникло наибольшее количество религиозных движений, которое завершилось формированием множества самостоятельных вероисповеданий и церквей, наиболее мощным среди которых стал протестантизм с его особым отношением к труду и богатству.

Таким образом, исторические условия формирования хозяйственных ценностей западноевропейских государств содействовали укорененности в общественном сознании отношения к труду как источнику богатства, уважения к закону и правам частной собственности, высокой ценности индивидуальной свободы.

Относительно исторических условий формирования хозяйственных ценностей в средневековой России следует отметить, что большую часть ее

территории в период освоения славянского севера занимали леса, болота, тайга, тундра, то есть земли, не пригодные для длительной обработки. Это определило постоянное расширение площадей под агрокультуры, экспансию российского населения, которое на востоке почти не встречало сопротивления местных жителей. В таких условиях земледелие долго сохраняло специфический характер – это было подсечно-огневое земледелие. Лес подрубали («подсекали»), деревья засыхали на корню, затем их сжигали, золой и пеплом удобряя почву. Отвоеванный таким образом у леса участок засеивали два-три года, пока земля давала высокие урожаи, а затем выжигали новый участок леса [129, с.278]. В результате осваивались огромные территории, формировалось большое по масштабам государство, имевшее низкую плотность населения. В те времена селились небольшими поселками, по несколько домов, причем один такой поселок отстоял от другого на 5-8 км. Поселки располагались гнездами, по несколько поселений в гнезде, а между такими группами поселков оставалось расстояние в 20-30 км [129, с.277].

В дальнейшем (где-то к V веку), когда у леса и болот для посевов были отвоеваны уже значительные площади, у северных славян появляется переложная, а затем и двухпольная система земледелия. Это содействовало перерастанию родовой общины в сельскую, где в общей собственности находилась земля, а каждая семья вела на ней отдельное хозяйство, имела свой дом, скот и прочее имущество. В таких условиях осуществлялись необходимые коллективные работы (раскорчевка, осушение и др.), продолжали существовать обычаи взаимопомощи.

Природно-географической особенностью, которая также повлияла на формирование специфики российской хозяйственной культуры, было существование людей в режиме выживания: зона рискованного земледелия оставляла мало возможностей для накопления излишков и, соответственно, для значительного социального расслоения. Кроме того, урожаи были не только низкими, но во многом нестабильными, зависимыми не столько от количества и качества труда, сколько от капризной природы [85, с. 411]. Эти геополитические факторы утвердили в сознании россиянина отношение к труду, которое соответствовало византийским канонам, то есть как к наказанию за первородный грех. Эти условия требовали и создания действенных перераспределительных механизмов, которые могли базироваться только на уравнилельных ценностях.

Таким образом, геополитическая и экономическая ситуация в тогдашней России, с одной стороны, способствовала стремлению к коллективизму, общинному землеустройству, а с другой – требовала централизованного управления. Как отмечает Л. Семенникова, «корпоративная структура общества требует сильного централизованного государства, которое связывает воедино общины, осуществляет функции управления, распоряжения собственностью, идеологического, духовного, политического контроля и т. п. Власть при этом является неограниченной и не скованной никакими рамками, она полностью подчиняет общество» [113, с. 109]. Закономерным фактом является то, что община воспитывает политическую пассивность, апатию, конформизм. Если к

этому добавить еще один довольно существенный результат общинного землеустройства – практически полное отсутствие частной собственности – то получаем еще один фактор усиления центральной политической власти и сочетание власти с собственностью.

Наряду с этим, следует отметить огромное влияние религиозного фактора на общественное сознание средневекового россиянина, действие которого сформировало специфическое отношение к труду и богатству. Согласно православной христианской традиции последнее считалось грехом, а бедность – добродетелью. Одновременно ценились щедрость, бескорыстие, душевность как готовность сопереживать и помогать ближнему.

Е. Ясин, кроме влияния на ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству россиян православного вероисповедания, обращает внимание еще и на огромную роль в формировании таких ценностей традиционных социальных порядков. «Жизнь от земли, продуктов своего труда, а не заработной платы, при широких пространствах и природных богатствах позволяет быть щедрым. Нестыжательство, добродетельная бедность помогают жить под гнетом, оправдывают его в условиях, когда большую часть своего труда необходимо отдать господам, способствуют долготерпению насилия... Такие ценности непродуктивны, они ограничивают стимулы к труду и бережливости, к предпринимательству, ограничивают потребности» [135, с. 22].

Низкопроизводительное, основанное на крепостном праве сельское хозяйство доиндустриальной России не способствовало развитию городов, которые полностью зависели от масштабов аграрного прибавочного продукта. Медленный процесс урбанизации и, соответственно, распространения ремесленничества, не давал возможности развиваться среднему классу как социальной базе гражданского общества и носителю ценностей индивидуализма. Зато коллективизм породил пренебрежение к личности и представление, что управлять жизнью может только внешняя, господствующая сила. С подачи Византии понятие власти стало отождествляться с Богом избранной конкретной персоной.

В дальнейшем развитии России господствующая православная вера поддерживала подобное устройство: воспитывала и утверждала соборность, аскетизм, пренебрежение к материальному богатству, прославляя при этом государственную власть. Непосредственный правитель наделялся значительной силой и окружался представлениями о мистических возможностях принятия единственно правильного решения (царь – помазанник Божий). Государству также отводилась роль носителя общего блага, выразителя общего интереса народа.

Более того, Россия получила в наследство от Византии еще и подчинение духовной власти светской. В результате исторических процессов государственного строительства в России православная церковь сформировалась как институт, полностью подчиненный государству. Причем, он был неразрывно связан с идеологией государственного патернализма – авторитет церкви ставился на службу интересам государства. Как справедливо отмечает Н. Бердяев: «После падения Византийской империи, второго Рима,

крупнейшей в мире православной державы, в русском народе проснулось осознание того, что российское, московское царство остается единственным православным царством и что русский народ – единственный носитель православной веры. Под символом мессианской идеи Москвы – третьего Рима осуществилась острая национализация церкви. Религиозная идея царства вылилась в форму образования могущественного государства, в котором церковь стала играть подчиненную роль» [6, с. 9].

Таким образом, совокупность определенных природно-географических, экономических и социальных условий определили характерные черты ментальности русского населения, поддерживаемые православной христианской моралью. Это – коллективизм (соборность), противопоставление власти и народа, культ царя, уважение только к представителям своего круга, труд как средство выживания, скромность в потреблении, неприхотливость.

Благодаря историческим условиям развития России в сознании ее народов сложился также и особый тип хозяйственной культуры, предпринимательства. Отсутствие в последнем в качестве преобладающего мотива собственной наживы, а также нацеленность на общественное служение и большую зависимость от регулирующей роли государства как следствие влияния православной этики, отмечают многие исследователи (см. напр. цикл статей в журналах «Вопросы экономики» № 8 за 1993 г. и № 7 за 1994 г., которые посвящены исследованию взаимодействия этики и экономики).

В связи с этим следует заметить, что в принципе православная вера не запрещала вести предпринимательскую деятельность, получать прибыль и иметь собственность. Акцент ставился только на том, чтобы человек не нарушал нормы праведного поведения. Сама же концепция праведности ориентировала предпринимателей использовать прибыль не только на собственное потребление, но и на поддержание жизнедеятельности малообеспеченных слоев населения и богоугодные дела. Считалось, что действуя таким образом, предприниматель спасает свою душу. Российское предпринимательство также признавало особую роль государства в экономике, прерогативу общественной пользы, характеризовалось желанием действовать не только ради личной выгоды. Отсюда – закрепление и доминирование преимущественно государственных форм координации, которые базировались на ценностях коллективизма и патернализма.

Определенные особенности культурологического, природно-географического, экономического, социального и политического характера можно выделить и в процессе анализа исторических условий формирования хозяйственных ценностей еще одного восточнославянского народа – белорусов. Так, например, довольно сложные природно-географические условия Беларуси во многом обуславливали склонность населения к коллективной трудовой деятельности и общинной форме хозяйствования. Территория Беларуси изобиловала громадными болотистыми пространствами и вековым девственным лесом. Преобладающие дерново-подзолистые почвы требовали значительных трудовых усилий по их возделыванию, что обуславливало доминирование ценностей коллективизма в сельских общинах.

Определенным шагом на пути усиления индивидуалистических ценностей в белорусском средневековом обществе стала волочная реформа. Она положила начало разрушению крестьянской общины, способствовала появлению подворной, индивидуальной формы землепользования и сопровождалась закреплением крестьян за землей, усилением крепостнических отношений. Данная реформа утвердила в качестве ведущей формы феодального хозяйства фольварочно-барщинную систему, которая просуществовала на белорусских землях практически до середины XIX в.

Дальнейшее развитие феодальных отношений, утверждение крепостничества содействовали консолидации многочисленных категорий населения в сословия с общими правами и обязанностями для каждого из них. Ведущая роль принадлежала шляхте, особое место в сословной иерархии занимало духовенство. Формируется сословие крестьян и мещан (жителей городов и местечек). Этот процесс содействовал установлению более широких связей в рамках каждого сословия и между ними.

Вхождение белорусских земель в состав Великого Княжества Литовского дало им мощный импульс для хозяйственного развития. В XV – первой половине XVII в. территория Беларуси включилась в европейский рынок, что поспособствовало распространению товарно-денежных отношений, укреплению экономических связей единого внутреннего рынка. Начавшееся экономическое оживление способствовало преодолению локальной замкнутости отдельных территорий, вело к тому, что вокруг городов создавались своеобразные хозяйственные центры. С предоставлением городам магдебургского права повысилась их роль как важнейших центров политической и культурной жизни народа, в сознании населения утверждаются демократические ценности.

В образовании белорусской народности определенную этноконсолидирующую роль сыграл конфессиональный фактор. Религиозные противоречия активизировали укрепление разных форм самосознания населения, признак веры становился своеобразным признаком народа. Борьба между католиками и православными за равные права участвовать в решении государственных дел, ущемление православного духовенства – все это являлось частью борьбы за самобытность белорусского народа. В конце 16 века на территории Великого Княжества Литовского (в составе Речи Посполитой) началась крупная церковная реформа, в основе которой лежала Брестская церковная уния 1596 года. Это соглашение предусматривало признание верховной власти Ватикана и католических учений при сохранении православной обрядности и богослужения на церковнославянском и родном языках. Соглашение привело к созданию еще одного направления в христианстве – униатства, которое учитывало национальные особенности белорусов в языке, праздниках, обрядах и т.д. В 18 веке униатство стало самым массовым религиозным течением на белорусских землях. В целом постепенно формировался менталитет белоруса, для которого были характерными религиозная и национальная толерантность.

Если вести речь о политических условиях формирования белорусской ментальности, то и Великое Княжество Литовское, и Речь Посполитая (в составе которых находились белорусские земли) представляли собой централизованное государство в форме сословно-представительной монархии. Для нее характерно наличие монарха, власть которого ограничена, и сословно-представительных органов, которые, как правило, совместно решают наиболее важные вопросы как внутренней, так и внешней политики. Важнейшим условием государственного управления было единогласие при принятии решения. Либерум вето (свободное вето) рассматривалось как одна из важнейших «золотых шляхетских вольностей» [57, с.29-30].

Что касается Украины, то население восточнославянской средневековой цивилизации, которое в дальнейшем стало основой украинской нации, осваивало, в основном, южные земли, то есть богатые и плодородные почвы лесостепной полосы Среднего Поднепровья. Относительная легкость обработки таких почв, а также более умеренный климат по сравнению с северными восточнославянскими землями, способствовала оседлому характеру земледелия. В силу этого для предков украинцев не было характерным доминирование общины. Она была очень слабой на южнорусских, а позже на украинских землях – здесь преобладало наследственное индивидуальное землевладение и отрубная собственность между детьми. Соответственно, в сознании украинцев данного периода доминировали не коллективистские, а индивидуалистические ценности.

Общей особенностью всех восточнославянских народов был особый тип древнерусского феодализма, который характеризовался государственной принадлежностью земельных владений, которые раздавались князем не частным владельцам, а носителям государственных символов. Как следствие – соединение землевладения с властью. Вместе с тем, доминирование частных форм собственности на украинских землях противодействовало процессам полного огосударствления и централизации. Поэтому украинцы данного периода больше тяготели к демократическим ценностям, чем к тем, на которых основана сильная государственная власть.

Геополитическое положение государства требовало усилий, направленных на его защиту от внешних врагов, а значит, возникала необходимость объединения усилий для укрепления военного потенциала. Поэтому индивидуализм, который подпитывался особым характером трудовой деятельности на земле, сочетался в украинцах с коллективизмом военного характера. Таким образом, украинский менталитет эпохи средневековья формировался на основе военно-государственного централизма и преимущественного хозяйственного индивидуализма, перерождению которого на окончательный либерализм, однако, не способствовала православная идеология византизма [102].

Таким образом, исторические условия становления хозяйственных ценностей украинцев содействовали утверждению крестьянского индивидуализма, военного коллективизма и преимущественно демократических политических ценностей.

2.2. Геополитический фактор в становлении украинской ментальности

Выделенные признаки ментальности украинцев эпохи средневековья являются наиболее общими типичными чертами, детализация которых требует введения в анализ политико-географического фактора. Дело в том, что в отличие от общей схемы развития большинства европейских стран, в том числе и России (имеется в виду возникновение единых централизованных государств во главе с монархом, урбанизация и формирование устойчивого среднего класса, идеология предпринимательской свободы и индивидуализма), на украинских землях после распада Киевской Руси не было создано государства в полном смысле данного термина. Украинцы веками жили в условиях чужой государственности и чужих культурных влияний, что наложило отпечаток на систему социокультурных ценностей украинского народа. Исходя из этого, проводить исследование национальной ментальности украинцев без учета геополитического фактора считается неправомерным.

С целью более глубокого анализа особенностей модификации ценностей украинцев, которые были сформированы в эпоху средневековья, следует рассмотреть влияние на украинский менталитет геополитического фактора. Такой анализ предлагается проводить также по нескольким историческим периодам, поскольку украинские земли в разное время входили в состав разных государств, которые, в свою очередь, также подлежали инкорпорации. Приведенную ниже схему (табл. 2.2) можно интерпретировать как своеобразную карту геополитической ситуации, которая сложилась на украинских землях в XIV – XVII веках.

Для украинских земель, вошедших в Литовское Княжество, период XIV – XVII вв. ознаменовался продолжением развития общественных отношений Киевской Руси. Как отмечает Д. Дорошенко, влияние литовцев на менталитет украинцев был незначительным, поскольку тогдашняя Литва не представляла собой однородного национального государства. В ней литовцы составляли лишь 5 – 7% населения. Литовское Княжество скорее можно определить как конгломерат этносов и земель, которые существенно превышали саму же Литву как по площади, так и по уровню экономического и культурного развития [35].

При таких условиях государственное право и правовые общественные отношения выросли и развились непосредственно на почве древнерусского права и его практики и были воплощены в законодательный документ – Литовский устав. Соответственно, отношения собственности, государственное устройство, социальная структура Литовского Княжества эволюционировали от раннефеодальных русских форм до традиционных европейских – конституционной монархии, условной земельной собственности, связанной с несением военной службы, сословной социальной структуры.

Таблица 2.2

Инкорпорация украинских земель в состав различных государств в XIV – XVII веках

Хронологический период	Государственное образования	Украинские земли, которые входят в определенное государственное образование
XIV – XV вв.	Великое Княжество Литовское	Киевщина, Волынь, Чернигов-Северский, Подолье
	Великое Княжество Московское	После московско-литовской войны 1500-1508 гг. (соглашение 1514) Сиверщина вплоть до Полтавской области
	Крымское ханство	Южные земли
	Королевство Польское	Галичина, Холмщина (с XIV в.)
XVI в.	Речь Посполитая	После Люблинской унии 1569 г. присоединение украинских провинций Литвы – Киевщины, Волыни, Подолья. После освободительной войны 1648 г. признано в качестве отдельной казацкой территории Речи Посполитой Киевщину, Брацлавщину, Черниговщину.
	Королевство Венгерское	Закарпатье (до 1526 г.)
XVII в.	Речь Посполитая	Все украинские земли, кроме Закарпатья и незаселенных степей восточнее Полтавщины
	Россия	Переход земель казацкой Украины (Гетманщины) под протекторат московского царя с сохранением внутривосточного суверенитета в 1654 г., Слободская Украина
	Австрия	Закарпатье

Присоединение в 1569 г. украинских провинций Литвы к Польше – стране с конституционным строем, ограниченной властью монарха, гарантированными политическими свободами и сильным влиянием римско-католической церкви – позволило украинскому населению приобщиться к достижениям западной культуры. Такое культурологическое влияние нашло отражение в возникновении на украинских землях большого количества городов, которым

польские короли предоставляли магдебургское право. Это создавало возможности для ведения независимого от государства производства, свободной торговли, а также позволяло иметь льготы в налогообложении.

Следует обратить внимание на тот факт, что при таких благоприятных условиях для ведения хозяйственной деятельности либеральными правами и свободами могли пользоваться исключительно лица римско-католического вероисповедания (имеется в виду право участия в сейме, возможность занимать управленческие должности местного уровня власти, работать на государственной службе). Эти обстоятельства способствовали быстрому ополячиванию украинцев-представителей господствующих слоев населения и их переходу в католичество. Православными, в основном, оставались только низшие слои украинцев. Как отмечал М. Грушевский, «в XVI в. значительных родов, которые держались украинской народности, уже не существовало. Только мелкая шляхта, которой бедность не позволяла получить доступ к более высокому уровню образования и культуры, сохраняла свою украинскую народность. К ней в XVII в. присоединились почти все те украинские династии, которые размножившись и подупав, будучи оттесненными от всего того, что могло принести доходы и влияние, все еще не погасли и не ополячились в течение XVI в.» [28, с. 341].

В силу этих обстоятельств, новые формы политического и социально-экономического уклада, которые стали закрепляться на восточных землях после Люблинской унии, не нашли полной поддержки в общественном сознании украинцев и способствовали формированию оппозиции со стороны широких слоев местного украинского населения. Индивидуализм, демократия и свобода не становятся внутренними ценностями для подавляющего большинства украинцев, поскольку являются ценностями угнетателей – польской шляхты и духовенства, то есть враждебных социальных групп. Интересным моментом является то, что украинские крестьяне направляли свой гнев и недовольство, в первую очередь, на польских панов и представителей католической церкви, сохраняя при этом большое уважение к королевской власти.

Оппозиция украинцев насилию поляков со временем перерастает в настоящую национальную освободительную войну и приводит к формированию в составе Речи Посполитой отдельной территории – так называемого казацкого государства. В нем укрепляется православие, ликвидируется барщина, крестьяне получают в собственность земельные участки, организуются сельские и городские суды. При этом нельзя утверждать, что в сознании населения данной территории преобладали демократические и либеральные ценности. В своем отношении к власти казацкое государство унаследовало традиции, характерные для Запорожской Сечи, которая изначально зарождалась как военный лагерь, организованный по образу полумонашеского, полурыцарского ордена. Здесь были выработаны обычаи и законы, приспособленные к условиям постоянной войны – жесткое подчинение выборной старшине, равенство в бытовых условиях, наделение гетмана диктаторской властью.

Восстание 1648 г. способствовало еще большей сосредоточенности политической, судебной, административной и экономической власти в руках военной диктатуры гетмана и подчиненной ему старшины. Как утверждают исследователи, такой порядок закрепился и в дальнейшем – старшина использовала свое господствующее положение в целях сосредоточения в своих руках крупной земельной собственности, для чего использовала различные рычаги нового закрепощения крестьян. Со временем в казацком государстве назревает раскол между аристократическими кругами старшины и низовыми казаками и крестьянами, которые представляли собой прослойку демократической оппозиции. По выражению П. Кулиша, «на почве польской государственности встретились две совершенно противоположные по мировоззрению народности: одна представляла взгляды аристократические, вторая – демократические. Оказалось, что существовать вместе в одних условиях они не могут» [58, с. 234].

Средствами разрешения этого системного напряжения становятся периодические крестьянские бунты, общественное недовольство, которые активно поддерживаются Россией – щедрые денежные поступления, подарки, обещания преференций для мещан и введения магдебургского права в городах. Подобные меры сыграли свою роль: «традиционные монархические чувства украинского населения способствовали тому, что бывший пиетет и уважение к польскому королю переносятся на московского царя: в нем массы хотят видеть заступника и защитника против насилия собственного господствующего слоя, против казацкой старшины, которая заняла место бывших господ» [35, с. 288].

История распорядилась так, что в силу известных нам причин большая часть украинских земель вошла в состав Российской империи (всего 85%) и, развиваясь в русле единой государственной политики с другими народностями, украинцы сформировали то особое состояние общественного сознания, ментальные черты которого доминируют и по сегодняшний день. В связи с исключительным значением процессов, имевших место в развитии Украины в течение XVIII – нач. XIX в., то есть периода, в рамках которого были заложены социокультурные основания экономических отношений между людьми, считаем необходимым рассмотреть этот хронологический период более подробно.

По политически территориальному признаку Украина с конца XVIII века была разделена между Австрийской и Российской империями. В культурологических условиях на большинстве ее территории пересекались в своем доминировании польские и российские влияния, а в отдельном регионе на Левобережье существовали еще и остатки малороссийской (казацкой) нации. При этом основные черты украинского менталитета были характерны для населения всех без исключения регионов Украины, хотя и проявлялись по-разному в каждом из них отдельно взятом. Поэтому для исследования конкретных форм проявления таких черт, а также других ментальных особенностей, необходимо применить территориальный подход.

Как представляется, наиболее приемлемой формой анализа глубинных ценностей украинского народа как источника главных ментальных особенностей нации, а также системы ее хозяйственных ценностей, будет их рассмотрение по отдельным группам украинских земель. Последние предлагается сформировать исходя из исторического факта включенности тех или иных территорий Украины в государственные образования, которые существовали в конкретно взятый период. Такой подход позволит устранить сложившиеся в современной отечественной экономической науке стереотипы рассмотрения ценностей украинского народа без учета хронологии, территориальной принадлежности, классовой и социальной структуры населения и, что главное, невзирая на историческую изменчивость и пластичность ценностных ориентиров. Приведенная ниже схема иллюстрирует геополитическую ситуацию, которая сложилась на украинских землях в период XVIII – нач. XIX вв., а также отражает культурологические воздействия, имевшие место на украинских землях в более ранний период (табл. 2.3).

Данные табл. 2.3 свидетельствуют, что в политико-территориальном аспекте Украина, начиная с конца XVIII в., была разделена между Австрийской и Российской империями. Именно такое геополитическое положение формировало особенности менталитета украинского населения. Причем на западных украинских землях, оказавшихся в составе Австрийской империи вместе с частью земель Речи Посполитой (а это только 15% всей украинской территории), преобладающим было все-таки польское культурологическое влияние.

Наряду с политико-территориальным аспектом особое внимание при анализе исторических условий формирования хозяйственных ценностей украинцев следует обратить на социальные условия, характеризующиеся классовой структурой и социальной дифференциацией населения, поскольку именно они сыграли решающую роль в модификации украинского индивидуализма. Как свидетельствуют материалы переписей населения, в период XVIII – нач. XIX в. среди правящей элиты на украинских землях, вошедших в Австрийскую империю, преобладали представители польской, венгерской и румынской аристократии. Остальные дворянские сословия украинского происхождения были ассимилированы еще в предыдущие века [25, с. 87].

Городское население на большинстве украинских земель также состояло преимущественно из поляков, румын, венгров, армян, которые формировали значительную часть местных ремесленников, купцов и служащих, а также включало в себя еврейское население, которое имело в восточной Галиции гораздо большее представительство, чем на территории всей Австрийской империи. Евреи формировали, в основном, купеческий, ремесленнический и ростовщический социальные слои. Украинцы же были, в основном, крестьянской нацией с немногочисленной прослойкой духовной и светской интеллигенции.

Таблица 2.3

Инкорпорация украинских земель в состав Российской и Австрийской империй в период XVIII – нач. XIX в. и культурологические влияния на их развитие

Австрийская империя (15% украинских земель)		Российская империя (85% украинских земель)	
Название украинских земель	Культурологическое влияние	Название украинских земель	Культурологическое влияние
Украинские земли вместе с польскими в составе Королевства Галиции и Людомерии, Закарпатья, Буковины	Доминирование польского и немецкого влияния	Правобережная Украина (Киевская, Подольская, Волынская губернии)	Литовско-польские, казацкие, российские политические и культурные влияния
		Левобережная Украина (территория к востоку от Днепра), Черниговская, Полтавская губернии	Самобытная украинская культура и общественно-политический строй, основанный на традициях казацкой республики
		Слободская Украина (Харьковская, Сумская губернии)	Традиции казацкой республики
		Южная (степная) Украина (Таврическая, Херсонская, Екатеринославская и Одесская губернии)	Отсутствие глубоких исторических традиций (кроме анархических, производных от ментальности запорожского казачества)
		Кубанская Украина (Земли Черноморской Сечи)	Традиции казачества

Политический фактор не способствовал развитию промышленности на западных землях Украины – они приобретали военно-стратегическое значение. В силу этих причин австрийское правительство ограничивало на этих

территориях крупное промышленное производство. Основу экономики региона составляло сельское хозяйство сырьевой направленности. Соответственно, без индустриализации не было и урбанизации, а также сильного среднего класса, который мог бы стать социальной базой для гражданского общества и укоренения индивидуалистических ценностей. Галицкие города, за исключением Львова, напоминали большие села с несколькими каменными зданиями в центре.

Похожая ситуация сложилась и на украинских землях Российской империи, за исключением, разве что, Левобережной Украины, где сохранилось собственное национальное дворянство. Однако чисто украинским явлением в данный исторический период на данной территории было преобладание индивидуального крестьянского хозяйства над общинным. Украинские крестьяне, в отличие от российских, не разделяли преданности общине как форме землевладения. Это вызывало сильные собственнические настроения среди крестьянства: в 1865 г. 96,5% крестьянских хозяйств на Правобережной Украине, 82,1% на Полтавщине и 68% в украинских (южных и центральных) районах Черниговщины были частными и передавались по наследству [25, с. 62]. В великорусских же губерниях повсеместно распространенным оставалось общинное землевладение. Однако в тех регионах Малороссии, где общинное землевладение ввела российская администрация для удобства сбора налогов (Слобожанщина и Южная Украина), эта форма землевладения так и не прижилась.

Согласно такой социальной структуре населения формировалась и система социокультурных ценностей: крестьяне были носителями преимущественно традиционности (хотя и отличались индивидуалистическими хозяйственными ценностями как частные собственники), мещане – индивидуализма, а правящая элита сочетала в себе демократические и монархические традиции. Эта специфика объясняет, почему либеральные ценности и ментальные черты западного типа, несмотря на длительное пребывание украинских земель в составе Литвы, Польши, Австрии и Венгрии, тем не менее, не стали господствующими в украинском социуме. Украинский крестьянский индивидуализм не смог стать основой классических либеральных моделей только потому, что был присущ социальному классу, который отличался традиционностью, консервативностью и незначительной мобильностью. Эти черты украинского менталитета характеризовали общественное сознание населения почти всех территорий Украины, однако на каждой отдельно взятой они проявлялись с разной степенью.

Подобные тенденции также были характерны и для украинских земель, которые вошли в состав Российской империи. Правобережная Украина испытывала на себе литовско-польские, казацкие и российские политические и культурные влияния. Наиболее сильным из них было польское влияние, поскольку после Люблинской унии Правобережье перешло от литовской власти к польской, а затем почти все украинские земли вплоть до 1667г. находились в составе Речи Посполитой. После того, как в 1667 г. значительная часть этих земель – территория казацкого государства (Гетманщина) – присоединилась к

России, большинство украинской территории все еще оставалась под властью Польши. Ситуация изменилась только после разделов Польши в 1793–1795 гг. При этом, даже потеряв независимость своей страны, польская шляхта сохраняла политическое и культурное влияния на Правобережье в течение всей первой половины XIX в., вплоть до польского восстания 1830–1831 гг.

В социальном отношении Правобережье обладало значительным перевесом благородного сословия по сравнению с другими регионами государства – здесь было сосредоточено более трети всего дворянства России. Местная казацкая элита в своем большинстве мигрировала на Левобережную и Слободскую Украину, а остальные ее представители сохранили свой социальный статус через переход в католицизм и ополячивание. Наряду с доминированием шляхты, социальная структура Правобережье отмечалась еще и существенным преимуществом крестьянского класса, сформированного из местных крестьян, крестьян-переселенцев и низшего казацкого сословия. Причем, большинство крестьян были крепостными, в частности на Волыни в 1795 г. их численность составляла 74%, в Киевской губернии – 90% , а в Подольской – 91% [25, с. 19].

Подобная социальная структура способствовала в экономическом смысле консервации крепостнического режима, беспощадной эксплуатации крестьян, которые отличались особым бунтарством, доставшимся им в наследство от казацкой вольницы. Причем, основным объектом социальной ненависти украинского крестьянства были польские паны и шляхта, а вовсе не монарх. Таким образом, как отмечает в своих исследованиях П. Кулиш, в сознании крестьянина культивировался идеал уважения к верховной власти и надежда на нее в плане защиты своих интересов [58].

В противовес этому ведущие слои общества (шляхта, казацкая старшина и ее потомки, мещане) унаследовали определенные политические и культурные традиции старой Речи Посполитой – идею договора с королем, федеративного построения государства, магдебургского права в городах и особого статуса шляхты. Несовместимость традиционных польских моделей с новой российской действительностью вызвало значительное социальное и национальное напряжение. Диссонанс, возникший между различными уровнями общественного сознания на Правобережье, урегулировался исключительно государственным принуждением.

Политика имперского правительства России была направлена на снижение общественного веса польского населения в губерниях Правобережной Украины и проводилась путем запрета приобретения новых земель, ограничения права наследования для лиц польского происхождения, изгнание из помещичьих земель деклассированной шляхты. Это способствовало ассимиляции поляков в украинскую крестьянскую среду. Уменьшение польского присутствия на Правобережье было также вызвано и массовым приплывом россиян на эти земли после подавления польского восстания – так российское правительство стремилось укрепить свои позиции в этом важном стратегическом регионе. Переселенцы по своей социальной принадлежности были, в основном, представителями интеллигенции, купечества, ремесленников и казацкого

сословия. Итогом данных процессов стала быстрая русификация Правобережья при сохранении масштабов украинского сельского населения в этом регионе.

Левобережная Украина, которая состояла из земель бывшей Гетманщины, отличалась от других регионов особым общественно-политическим строем и самобытной культурой. Здесь существовала автономная административно-полковая система, города имели магдебургское право, а правовая система продолжала функционировать по Литовскому уставу.

В течение XVIII века земли Левобережной Украины постепенно теряют свой полуавтономный статус из-за отмены в 1781 г. полково-административной системы и установления подчиненности трех созданных наместничеств – Киевского, Черниговского и Новгород-Северского – власти малороссийского генерал-губернатора. Казацкая армия переводится в разряд регулярного российского войска, а казаки – в категорию государственных крестьян. В 1783 г. в этом регионе вводится крепостничество, которое устраняет свободу данного слоя населения.

В противоположность этому, казацкой старшине в 1785 г. предоставляются привилегии русских дворян, что способствовало быстрой интеграции правящей элиты в политическую систему Российской империи. Завершением первой волны административно-политических реформ на территории Левобережной Украины стала секуляризация монастырских земель в 1786 г., что нанесло сильный удар украинской духовной элите и культурно-образовательным учреждениям, связанным с церковью. Вторая волна реформирования прокатилась через несколько десятилетий и предусматривала отмену (1835 г.) традиционного украинского права, базирующегося на Литовском уставе и городского самоуправления, построенного на магдебургском праве (1831–1835).

На левобережной Украине значительное количество городов и поселений городского типа мало чем отличались от сел по характеру занятости своего населения. Собственно, поэтому они не смогли стать центрами формирования сильного среднего класса. С середины XVIII века данный регион сталкивается с явлением массовой иммиграции в города российского, белорусского, еврейского и греческого населения, что превратило левобережное мещанство в категорию полиэтнического русскоязычного сословия. Благодаря опять-таки действию властных рычагов в политической и идеологической сферах местное украинское общество было приведено в соответствие с институциональным устройством Российской империи.

Слободская Украина, ранее южная пограничная территория России, в социальном плане была сформирована из российских и украинских казаков, а также крестьян, бежавших от ига польской шляхты с Правобережной Украины. Беглецы-украинцы ввели на этих землях автономную административно-полковую систему, а также ряд институтов, подобных тем, что существовали на левобережных землях (кроме магдебургского права). Северо-восточные земли были заселены, в основном, российским населением. Вплоть до XIX в. здесь велось сельское хозяйство в пределах индивидуальной наследственной собственности.

В последующем данный регион подвергается, как и Левобережная Украина, реформаторскому воздействию со стороны российского правительства: в 1765 г. здесь отменяется полково-административная система, а значит, и местная автономия; в 1845-1855 гг. с целью облегчения сбора налогов вводится общинное землевладение, уменьшается доля украинцев в сословии дворян через щедрое пожертвование земель российским чиновникам и фаворитам императорским императора. Как видим, благодаря влиянию властных рычагов имперского правительства земли Слободской Украины было институционально реформировано.

Четвертый регион, который сегодня замыкает географию тех украинских земель Российской империи, которые территориально входят в состав современной Украины, до последней четверти XVIII века был заселен крымскими татарами и запорожскими казаками. После ликвидации Крымского ханства (1774 г.) уже в 1783-1791 гг. происходит массовая эмиграция татар в Турцию, которая не всегда была добровольной. Удельный вес этого этнического населения полуострова уменьшилась с 83% в г. до 34,1% в 1897 г. [136, с. 2].

Благоприятные климатические условия южных земель привлекали колонистов, иммиграцию которых поддерживала государственная власть через принятие в 1785 г. специального царского декрета об особых условиях функционирования края (свободное индивидуальное землевладение, освобождение на 20 – 30 лет от уплаты налогов и т. д.). Как утверждает Я. Грицак, «приплыв огромных масс населения, не связанных условиями крепостной системы и охваченных духом предпринимательства, создал особую общественную атмосферу на юге Украины, которую можно сравнить разве что с американским Клондайком» [25, с. 20–21]. Вместе с тем, «украинский Клондайк» длился недолго – после заселения Юга в 1796 г. здесь было введено крепостное право, которое мешало формированию свободного рынка рабочей силы и тормозило развитие предпринимательства. В итоге все либеральные течения Новороссии были скованы неэффективными социальными институтами, которые насаждала государственная власть.

И все же, хозяйственные изменения второй половины XIX в., связанные с формированием фабрично-заводской индустрии, существенно повлияли на экономическую ментальность украинского населения. На фоне практически полного упадка дворянского землевладения только правобережные имения сумели приспособиться к рыночным условиям, поскольку поляки как носители более либеральной хозяйственной культуры вводили в своих хозяйствах проторыночные элементы задолго до отмены крепостного права. Высокая плотность населения и земельный голод стимулировал владельцев имений массово использовать в хозяйствах многочисленную и дешевую рабочую силу. Перед Первой мировой войной польским помещикам принадлежало почти 50% всех предприятий на Правобережье [164, с. 248–249].

На других территориях урбанизация и индустриализация коснулась украинцев в незначительной степени – в своем большинстве они так и оставались крестьянской нацией. Сильная связь с землей и, как следствие,

низкий уровень несельскохозяйственных умений, практически полное отсутствие грамотности способствовали тому, что украинские крестьяне эмигрировали в новые несельскохозяйственные районы. Поскольку к моменту отмены крепостного права южные черноморские степи были уже заселены и свободной земли уже не оставалось, то украинское крестьянство мигрировало на восток, на неосвоенные земли Северного Кавказа, Казахстана, Средней Азии, Сибири. Эмиграция стала главным фактором уменьшения доли украинцев среди населения девяти украинских губерний. Их число с 98,1% в 1795г. уменьшилось до 81,1% в 1897 г. [10, с. 83].

Зато на Юге и Востоке Украины росло число переселенцев-россиян. В российских губерниях плодородие земли и, соответственно, связь с ней сельского населения были значительно ниже. Вместо работы на барщине, крестьяне платили оброк, нанимаясь для его уплаты на городские предприятия. Поэтому на период отмены крепостного права русские крестьяне имели навыки работы на промышленных предприятиях и, соответственно, обладали более высоким уровнем образованности. Массовой миграции способствовал и экономический фактор – высокий уровень жизни, лучшая и более стабильная продовольственная ситуация. Иммигранты превышали количество коренных жителей в Одесской, Екатеринославской губерниях и составили примерно количества коренных жителей Таврической, Киевской и Харьковской губерний и, что самое важное, они составляли 30– 50% количества городских жителей. По переписи 1897 г. наименьшее количество русского населения было на Правобережье (4,3%), а наибольшее – в степной Украине (24%) [51, с. 131].

Следует иметь в виду, что, невзирая на такую демографическую ситуацию, ключевую роль во многих городах играли не русские, а евреи. В конце XIX в. они составляли одну восьмую всего населения на Правобережье и представляли почти половину всего городского населения. Из всех проживавших там евреев 90% были мещанами. Именно они контролировали значительную часть мелкой торговли и ремесленного производства, а также составляли довольно весомую долю представителей промышленности в качестве как предпринимателей, так и как рабочих [25, с. 64].

Еврейское население достаточно быстро ассимилировалось с российским, что было естественной реакцией на тогдашние общественные обстоятельства. Теоретическая возможность украинской ассимиляции предусматривала наличие в украинском обществе такой социальной группы, которая могла стать потенциальным реципиентом. Но украинской буржуазии и среднего класса почти не существовало. Ассимиляция с крестьянством была просто невозможной, поскольку, несмотря на отсутствие традиции возделывания земли среди евреев, это означало бы падение их социального статуса. Таким образом, наиболее влиятельной этнической группой на украинских землях во второй половине XIX в. была российская. После запрета украинского языка в процессе образовательной реформы 1804 г. русская культура становится господствующей в городах.

К слову, образование как фактор формирования определенных ценностей населения, входящего в состав Российской империи, играло весьма

значительную роль. Основные ее принципы были сформированы министром народного просвещения России С. Уваровым, по которым весь процесс обучения и преподавания подчинялся известной триаде российской имперской идеологии «православие – самодержавие – народность». «Православие, – считал Уваров, – это основа жизни народа. Россиянин не представляет своей жизни без православной веры, которая охватывает все аспекты его деятельности и бытия. Вера обеспечивает кровную связь между поколениями, преемственность традиций» [34, с. 71]. Упомянутая триада была основой национального развития, а православие расценивалось как основной способ защиты Российской империи от проникновения западных мистически-религиозных и политических идей, способных «развратить ум» и нанести непоправимый вред российской нации и российской государственности.

Для русской православной церкви и политики государства, которое ее всецело поддерживало, было характерно негативное отношение к другим религиозным течениям, неприятие и даже их гонение. Стоит заметить, что Украинская православная церковь Киевского патриархата, считающая себя правопреемницей Киевской митрополии, основанной после крещения Киевской Руси, в 1686 г. несмотря на предписания церковных канонов, была оторвана от Константинополя и присоединена к Московскому патриархату. Постепенно теряя свои права, Киевская митрополия, в десятки раз превосходящая свою церковь-мать Вселенский патриархат, была превращена в обычную епархию Российской империи. Подобные процессы были характерны и для других религиозных конфессий.

В отличие от западных социально-экономических и религиозных течений, православию, невзирая на старообрядческий раскол, удалось сберечь моральный кодекс хозяйственной деятельности, в котором очень мало места оставалось для индивидуализма и наживы, а богатство рассматривалось только как способ делать добро. Это, безусловно, сыграло определенную роль в формировании особенностей рынка и институтов гражданского общества.

Проведенный анализ позволяет сделать определенные обобщения относительно специфики формирования системы хозяйственных ценностей в социально-экономических и политических условиях развития украинских земель в XVIII – нач. XIX в. К особенностям экономической ментальности необходимо отнести доминирование укорененных еще из средневековья индивидуалистических ценностей преимущественно в крестьянской социальной среде, доля которой в классовой структуре украинского населения была очень существенной, незначительную роль украинцев в процессах урбанизации и практически полную утрату правовых и культурных традиций западного образца, носителями которых была польская и казацкая элита.

Эти особенности национального менталитета, а также фактор принадлежности этнических украинских земель к различным государствам на протяжении длительного исторического периода, выработали в сознании украинцев достаточно специфическое отношение к власти, оформили деформированное представление о демократических основах социального строя и наложили отпечаток на этнопсихологический портрет украинца.

Как отмечают исследователи, особенностью украинской ментальности, которая представляет собой устойчивый стереотип, является бунтарский индивидуализм и неподчинение власти. На этом акцентирует внимание М. Грушевский, придя к выводу, что понятие воли как отражения чужого насилия, постепенно приобрело для украинцев специфический анархический оттенок непризнания любого авторитета: «у нас индивидуализм пошел в паре с комплектным неподчинением [28, с. 322]. Похожий вывод был сделан и украинскими этнопсихологами В. Липинским, Д. Вилконской, В. Янивим. «Власть, которая стала в столетиях синонимом чужой власти, – отмечает В. Янив, – не может у нас ассоциироваться с чем-то самопонятным, целесообразным, желанным и в условиях собственного государства конечным. Она продолжает у нас вызывать впечатления насилия, и к власти мы относимся просто крайне [134, с. 47]. Учитывая эти этнопсихологические особенности народа Украины, становится понятно, что в его массовом сознании никоим образом не мог утвердиться ни идеал монархии, ни церковной иерархичности, невзирая на то, что оба принципа были на тот момент времени господствующими в мире.

Вместе с тем, как свидетельствуют исторические факты, лишенные возможности иметь свое государство (состояние неволи – перманентное состояние Украины), украинцы всегда стремились сохранять собственные формы жизни в чужих государствах (деятельность братств, забота о независимой церкви и т.д.). Естественно, такая направленность не могла сформировать полноценного гражданского общества западного образца, однако способствовала духовному развитию нации, утверждению независимости украинцев, их смелости в мыслях и убеждениях.

В XX в. украинское общество, как, собственно, и другие народы, вошедшие в созданный СССР, подверглось глубоким изменениям вследствие советской модернизации. Как утверждает А. Бузгалин, «Октябрьская революция... положила начало формированию действительно единого социально-экономического и идейно-культурного пространства. Стал формироваться единый советский (не русский!) народ с особым, существенно отличным от дореволюционного, типом социальных ценностей, мотивов и стереотипов поведения (*homo soveticus*), особым экономическим базисом и социальными отношениями – единой плановой системой, единой системой социальных гарантий, низким уровнем социальной дифференциации, совершенно не характерной ни для до-, ни для постсоветской России, абсолютно атеистической идеологией, советской культурой» [101, с. 203].

Средствами, которые служили такой модернизации, выступали исключительно механизмы государственного воздействия – демографическая и миграционная политика, прямые административные методы регулирования экономики и колоссальная роль идеологического фактора. Действие институционального фактора, связанного с рыночными формами, свелась к такому минимуму, что общество почти не чувствовало его влияния.

Утверждение в общественном сознании стереотипа, связанного с идеалом сильной государственности, в дальнейшем, как ни парадоксально, культивировала коммунистическая идеология.

Известно, что христианство возникло как учение, которое противостоит классовой дифференциации и социальному неравенству, поэтому на ранних этапах идея социализма была выражена в нем достаточно сильно. Одновременно плановая система командной экономики и длительное ограничение возможностей использования права экономического выбора сформировали особый тип общественного сознания, для которого были характерны пассивность, неспособность к самостоятельной деятельности, надежда на всемогущество государственной власти.

«Подобно тому, как веками ранее все слои населения законодательным образом привязывались к земле, в советское время все трудоспособное население было прикреплено к государственным предприятиям и организациям, вне которых оно не могло иметь законных источников к существованию. Новой в экономических отношениях стал запрет частной собственности на средства производства, всеобщая трудовая повинность на объектах общегосударственной собственности... В условиях командной экономики царит редистрибутивный принцип распределения продукции: принадлежность к власти одновременно означает и принадлежность к распределению. Главной формой социальной борьбы становится не борьба за собственность на факторы производства, а соревнование за доступ к ключевым рычагам распределения. Доход в обществе зависит, прежде всего, от статуса, чина и должности» [130, с. 53]. Такая система создавала широкие возможности для присвоения ренты, развития партийной и государственной бюрократии, коррупции.

Государство в таких условиях приобретало право интерпретации неявного контракта между ней и гражданами, а при необходимости его нарушало. Несоответствие коммунистической идеологии и реалий выравнивала идеология – ограничение свободного обмена информацией через цензуру и запреты, подавление политической и интеллектуальной оппозиции.

Как отмечает В. Полтерович, «патерналистские ожидания граждан, не оправдывались, вели к разочарованию в государственных институтах – суд, милиция, правительство не имели доверия у населения. Большинство людей, чтобы выжить, были вынуждены нарушать правила и законы. Конфликтую с государством, они не чувствовали себя защищенными. Сформировалось двойственное отношение к государственным институтам: они были главным источником и благосостояния, и беспокойства. Таким образом, в эпоху социализма, с одной стороны, ожидание от государства многочисленных услуг, а с другой – перманентный конфликт с государственными институтами и недоверие к ним сформировали основу двойного патернализма гражданской культуры» [109, с. 288].

Такая ситуация вызвала эффект еще большего закрепления стереотипа крайнего неуважения к закону. В условиях большого количества ограничений и тотального дефицита практически каждый советский человек так или иначе нарушал закон: совершал покупки на черном рынке и с черного хода, платил взятки всем тем, кто по поручению государства должен был обслуживать граждан. Обмен запрещенными идеями, диссидентское полуподполье стало еще одной формой нелегальной активности. В результате сформировалась устойчивая привычка нарушать закон, а девиантное поведение стало рутиной. В результате выработалось толерантное отношение к нарушению закона [109, с. 289]. В силу сложившихся обстоятельств советская модернизация создала особую систему социокультурных ценностей, где преобладали патернализм, уравниловка, одновременно существующая надежда на власть и недоверие к ней. Это недоверие, однако, не мешало превращению государства с его гипертрофическими функциями в орган, который полностью заменил институт индивидуальной свободы.

Заметим, что социалистический эксперимент никогда не имел бы успеха, если бы не строился на укоренившихся ценностях участвовавших в нем народов. Не имел бы он места и без мощного идеологического воздействия, которое реализовывало советское государство с целью формирования новых ценностей советского человека. Как свидетельствуют социологические исследования, накануне распада Советского Союза 43% российской общественности идентифицировали себя с русскими, в то время, как 42% – считали себя советскими [162, с. 34]. Такая идентичность оказалась довольно живучей. К примеру, социологическое исследование, проведенное весной 1994г. с целью сравнения национальной и социальной идентичности на Западе и Востоке Украины, предлагало респондентам выбрать из перечня возможных свою принадлежность. В результате, 45% опрошенных определили себя советскими гражданами, 25% украинцами и только 20% русскими [26, с. 7–9].

Эти данные убеждают нас в том, что воздействие на сознание восточнославянских народов идеологических факторов, реализуемых через воспитательную и образовательную политику государства, массовые переселения народов в рамках большого государства, где смешивались культуры и субкультуры, обусловили определенную модификацию социокультурных ценностей, заложенных предыдущим развитием этих народов. Поэтому сегодня вряд ли может быть оправданным апеллирование к ценностному портрету россиянина, украинца или белоруса, который сложился в более ранние периоды развития восточных славян. Более конструктивным, на наш взгляд, будет выявление ментальных черт того реального человека, который в современных условиях вступает в экономические, политические и другие отношения в социуме.

2.3. Этносоциум Беларуси сквозь призму теории базисных институциональных матриц

Наиболее глубинные, сущностные характеристики менталитета этносоциума во всех базисных сферах являются продуктом длительного развития последнего. Исторический путь любого состоявшегося этносоциума протекает в окружении соседей, которые оказывают на него серьезное влияние. Но если этносоциум состоялся, то он не «сливается» с соседями в одно сообщество, а сохраняет свою самоидентификацию. В этой связи очень важно понять и объяснить, почему схожие по многим параметрам сообщества-соседи не становятся единым социумом. А также то, почему соседствующие сообщества многие века не находят «общего языка», остаются разными по своим ментальным установкам, периодически обостряя антагонистические отношения.

Ответы на эти вопросы, по нашему мнению, можно найти, опираясь на исследования, ставящие перед собой цель выявить наиболее влиятельные из неэкономических факторов и учесть их при формировании экономических и политических моделей развития стран. Одной из таких исследований следует считать теорию институциональных матриц, созданную как продолжение идей Д. Норта и К. Поланьи российской исследовательницей С. Кирдиной. «Совокупность базовых экономических, политических и идеологических институтов мы называем институциональной матрицей..., – пишет С. Кирдина. – В этом понятии логично обобщены те реальные и многогранные реальные связи и институты, которые можно наблюдать в реальной жизни. Это юридические и житейские нормы, правила и санкции, процедуры согласования, законы, традиции, организации и законодательные акты» [49, с.90].

На основе анализа данных по разным странам исследовательница выделяет в структуре государств только два типа доминирующих матриц – X и Y-матрицы [50]. Последние отличаются между собой содержанием входящих в их состав базовых институтов. При этом в структуре отдельной матрицы эти институты достаточно тесно связаны между собой. Так, в Y-матрице соединяются экономические институты рынка, политические институты федерации и субсидиарные ценности. Субсидиарность как принцип означает приоритет отдельной личности по отношению к сообществам, членом которых она является. В федеральных отношениях субсидиарность характеризует приоритет прав нижней территориальной единицы над верхними уровнями, которые формируются на основе добровольных рушений нижних первичных элементов территориальной структуры. X-матрица создана институтами редистрибуции (термин ввел К. Поланьи для обозначения такого типа экономических отношений, в которых движение ценностей и прав по их использованию опосредуется центром), политическими институтами унитарного устройства и идеологическими институтами коммунитарности, в которых закреплено приоритет Мы над Я.

В институциональной матрице, утверждает С. Кирдина, действуют базовые (доминирующие) и комплементарные (дополняющие) институты. Это

означает, что институты рынка сосуществуют с институтами редистрибуции, демократия и федерация – с принципами унитарности и централизации, а субсидиарные ценности личности соседствуют с ценностями коллективными. Принципиально важным является то, что историческом плане начинает устойчиво доминировать одна матрица, которая определяет рамки действия комплементарных институтов.

Теория институциональных матриц С. Кирдиной позволяет отнести Беларусь к обществам с достаточно ярко выраженной X-матрицей. Набор базовых институтов идеологической, политической и экономической сфер жизнедеятельности белорусского этносоциума соответствует типичным базовым институтам X-обществ, для которых характерны унитарное устройство государства и единый центр управления экономикой. Ведущее место среди множества конфессий занимает православие, что отражает превалирование коллективных ценностей над индивидуальными.

При этом мы придерживаемся той точки зрения, что наличие базовых X-институтов не делает общества с аналогичной матрицей абсолютно идентичными. Этносоциумы идентифицируются не только по набору базисных институтов. Каждый этносоциум уникален в силу неповторимости истории его появления и развития. Его самоидентификация проявляется в том числе и в четком выделении не схожих с ним сообществ, которые являются его соседями. При этом в силу объективных обстоятельств эти сообщества-соседи могут относиться как к родственной, так и к противоположной институциональной матрице. И данное сообщество, данный этносоциум может иметь схожие черты, свойства с различными странами (этносоциумами) – соседями.

Опираясь на данную теорию, мы попытались не только проанализировать специфику формирования экономического менталитета белорусов, но и выявить влияние этой специфики на взаимоотношения со странами-соседями. При этом в первую очередь сравнительный анализ касался России как страны, оказавшей наиболее существенное влияние на ход исторического развития Беларуси. И влияние это было весьма противоречивым как по своим направлениям, так и по своим последствиям.

Формирование любого этносоциума связано первоначально с природно-географическим ареалом его обитания. Как отмечал известный белорусский историк Н. Ермолович, – «географические особенности страны в большой мере задают направление исторической судьбе народа, особенно в стародавние времена, когда история и география выступают в очень тесной взаимосвязи» [43, с.13]. Несомненно, нельзя переоценивать влияние природного фактора в деле становления цельного сообщества, так как, на наш взгляд, сообщество формируется как исторический субъект при его однозначной самоидентификации под влиянием господствующего духовного императива. Однако окружающая природа определяет географические границы распространения данного этносоциума, в пределах которых сообщество ощущает себя как единое целое, а люди, живущие в данных границах, воспринимаются друг другом как «свои».

В данном контексте белорусский этносоциум формировался в пределах достаточно четко очерченного природно-географического ареала, который значительно отличается от ареала обитания соседних стран, таких как Украина, Россия, Польша и страны Прибалтики. Во-первых, со всех сторон Беларусь отгорожена лесами и болотами: «...леса и болота являются не только существенными факторами нашей природы. Не меньшее значение они имеют и в нашей истории. Занимая огромные просторы, они по отдельности и в совокупности в большой степени определили естественные границы Беларуси. И действительно, на юге её отделяют леса и болота Полесья, на западе – лесные пущи, на севере – леса, болота и в значительной степени озёра, на востоке – леса» [43, с.14].

Одновременно Беларусь имеет и свои климатические границы, которые отделяют ее и от более влажного климата западных стран, и от более резко континентального климата России, и климата степей Украины. И, пожалуй, самым важным географическим фактором, определившим во многом историческую судьбу нашего народа, являются реки. Они объединили социум в экономическом и политическом плане и определили его жизненные просторы. На территорию Беларуси приходится верхняя часть Поднепровья и большая часть Подвинья и Понемня, с юга водные границы определяют Припять и Сож.

В рамках означенного природно-географического ареала обитания формировался белорусский этносоциум. Это был достаточно длительный исторический процесс, протекавший несколько веков, начиная с переселения (с VI в. н.э.) в наш край славян, представленных разными племенами – кривичами, дреговичами, радимичами и др. Специфика белорусского этноса заключается в ассимиляции славянами проживавших на данной территории балтов. Это в конечном итоге определило неповторимый генетический «код» и способствовало формированию специфического менталитета белорусов. Главным образом этносоциум сформировали ассимилированные с балтами племена дреговичей (Полесье) и кривичей (Подвинье). Ни исторически, ни географически нельзя провести четких границ обитания данных племенных сообществ: «Дело в том, что между этими племенами никогда не существовало стабильной границы, она постоянно менялась, поскольку они все время были в состоянии взаимопроникновения и оба заселяли всю территорию Беларуси. И действительно, когда кривичи дошли до Припяти, то дреговичи – до Двины» [43, с.24].

Именно ассимиляция с балтами позволяет четко идентифицировать белорусский этносоциум как отличный от великоросского и украинского. Непонимание того факта, что эти этносоциумы прошли стадию своего исторического становления не «до», а «после» прихода славян на эти земли Восточной Европы приводит к серьезным ошибкам в оценке судеб исторической общности Беларуси, Украины и России. В этом плане нельзя не согласиться с Н. Ермаловичем: «Факты показывают, что нельзя преуменьшать

роль балтского субстрата в создании белорусского народа. На наш взгляд, бессмысленно разделять восточнославянские племена в период их расселения на великоросские, украинские и белорусские.

Дело в том, что славянские племена стали великоросскими, украинскими и белорусскими не до переселения в Восточную Европу, а после него в зависимости от того, на какой территории они поселились и с каким коренным населением вступили в совместное жительство. Вятичи, как и радимичи, с которыми они были, судя по всему, очень близки, могли стать белорусским племенем, если бы они также поселялись на балтской территории. Однако этого не произошло, они осели на угро-финском субстрате и поэтому вошли в состав великороссов. Другой субстрат – другой народ» [43, с.45].

Изучение истории становления и эволюции белорусского этносоциума позволяет определить специфику таких базисных сфер как социально-политическая, экономическая и духовно-идеологическая. Тесная взаимосвязь этих сфер и определяет своеобразие экономического менталитета белорусов. На наш взгляд, определяющей в формировании как в целом жизненных установок и ценностей, так и особенностей организации хозяйственной жизнедеятельности, является духовно-идеологическая сфера, задающая «код» поведения этносоциума, те «коридоры», по которым движется энергия, вещество и информация данного цельного сообщества, делая его историческим субъектом.

При анализе специфики именно экономического менталитета белорусов мы выделяем несколько исторических этапов, которые с точки зрения методологии О. Бессоновой можно охарактеризовать как институциональные циклы. Применительно к Беларуси можно довольно четко идентифицировать не менее трех таких циклов с учетом того, что история нашей страны весьма тесно переплеталась с историей соседних государств, особенно России. На протяжении каждого цикла шел одновременно процесс взаимосвязанной эволюции всех трех базисных сфер институциональной матрицы.

Начиная с VIII века на территории нынешней Беларуси идет процесс создания и укрепления сильных княжеств – Полоцкого и Туровского, экономические взаимоотношения в рамках которых формируются на базе институциональной X-матрицы. Первый институциональный цикл в развитии белорусской экономики приходится именно на период с VIII по XIII вв., когда шел процесс формирования базовых институтов, в том числе и института условной верховной собственности в специфической для белорусских земель форме.

Становление верховной княжеской власти в Полоцке шло через вассальные отношения с Новгородом. В летописи под 862 годом сказано, что князь Рюрик, находясь в Новгороде, раздавал «мужам своим город, тому – Полоцк, тому – Ростов, другому – Белоозеро» [108, стб. 5]. Речь идет о том, что Рюрик предоставлял своим дружинникам право собирать дань с этих городов.

Киев и Новгород соперничали между собой за объединение восточнославянских земель, соответственно, Полоцку придавалось особое значение. Преемник Рюрика князь Олег объединил северную и южную Русь в

одно государство со столицей в Киеве. Поэтому какое-то время Полоцк входил в состав Киевской Руси. Однако уже в X веке в Полоцке сидел назависимый от Киева и Новгорода князь Рогволод.

1. Несмотря на то, что дочь Рогволода Рогнеда насильно стала женой киевского князя Владимира, Полоцк устойчиво находился в руках представителей местного княжеского рода благодаря полоцкому боярству, вынудившему Владимира уступить полоцкие земли наследникам Рогнеды. «Калі ў першай палове XI ст. кіеўскія князі яшчэ стрымлівалі імкненне полацкага князя да адасаблення, дык у другой палове становішча змянілася і полацкі князь зрабіўся асноўным сапернікам Кіева. Пацверджаннем гэтага з'яўляецца Нямігская бітва, якая адбылася ў 1067 г. паміж князямі Яраславічамі і полацкім князем Усяславам, паходы Уладзіміра Манамаха у Полацкую зямлю. Перыядычныя спробы паўдневарускіх князеў прымусіць Полацк і Менск падпарадкоўвацца ўладзе Кіева прыводзілі да ваенных сутычак. Працягласць і ўпартасць барацьбы сведчаць, што полацка-менскія князі мелі моцную падтрымку ў сваім княстве» [90, с.94].

Полоцкий князь на своих землях был сюзереном, т.е. имел власть над подчиненными территориями. Однако с точки зрения отношений собственности он мог распоряжаться только своей «отчиной», т.е. наследственными, либо же «ничейными» землями. Именно вотчинные земли являлись для князя и его дружины источником материальных ценностей. Кроме того князь имел право собственности на незанятые земли на территории своего княжества. Чтобы вступить в собственность незанятой землей требовалось распоряжение князя. Уставная грамота ставит князя (прежде всего в законодательной деятельности) вровень с общиной [37, с. 144]. Внешнеполитическая деятельность также во многом зависела от общины. Князь принимается и изгоняется городской общиной. Ограничен он и в судебной деятельности, и даже в военной. Часть административного аппарата также избиралась вече [32, с.140].

В период ассимиляции балтов (VI–VII вв.) накопление богатства происходило в первую очередь в семьях родоплеменных вождей. Распоряжение богатством общины было важным началом для присвоения этого богатства. Рабы, как и другая добыча, становились собственностью в первую очередь племенной верхушки – вождей, дружинников и их ближайших родственников. Таким образом, в Беларуси институт власти-собственности вырастал в недрах общины через захват власти и последующее формирование собственности племенной знатю. Вместе с тем дальнейшая эволюция общины происходила в двух направлениях. С одной стороны, происходил медленный процесс экономической дифференциации общинников, росла частная собственность крестьян и, затем, феодальная собственность на землю. С другой стороны, имели место захват общинной земли и подчинение свободных общинников государственной власти. Оба этих процесса происходили одновременно и переплетались.

Крупные земельные собственники как социальный слой формировались в недрах сельской общины. Каждый хотел, конечно, расширить свои владения за счет других, но понимал, что это потребует значительных военных расходов, что в рамках институционального подхода трактуется как транзакционные издержки спецификации и защиты прав собственности. Поэтому задача объективно сводилась к защите своего института власти-собственности в рамках отдельной территории. Для этого требовалась верховная власть, стоящая «над» крупной знатью, т.е. такая власть, которая бы не посягала на земли знати. Одновременно верховные властители захватывали право распоряжения свободными землями, которые в последующем либо наследовались их потомками, либо отдавались в пользование ближайшим соратникам в борьбе за сохранение власти. В любом случае создавалась и закреплялась иерархическая структура власти с одним верховным правителем.

Большое значение длительный исторический отрезок времени имело городское вече, что свидетельствует в пользу тезиса о том, что в Полоцком княжестве институты власти и собственности развивались скорее по новгородскому варианту, чем по киевскому. В Лаврентьевской летописи под 1176 г. читаем: «Новгородци бо изначала и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на веча сходятся; на что же старейшие сдумают, на том же пригороди стануть» [108, стб. 377–378].

В базовой матрице закрепился такой важный экономический институт, как условно-верховная собственность. Это проявилось не только в структуре властных отношений и соответствующей системе податей, но и в особой значимости коллективной собственности, определяемой коммунальным характером материально-технологической среды обитания белорусов. Малопродуктивный «кормящий» ландшафт Беларуси оказал сильное влияние на формирование таких базовых ментальных характеристик белорусов, как трудолюбие и толерантность. Привычка к труду явилась адекватным ответом на экстремальные условия жизни, прежде всего на бедность почв. Трудолюбие вместе с миролюбием, толерантностью, покладистостью белорусов позволили им освоить самые непригодные для жизни территории. Зависимость от природы выработала в белорусах понимание возможности выживания в экстремальных условиях «вместе с другими», согласования своих действий с другими.

На южных землях Беларуси в период VIII–XIII вв. произошло становление не менее могучего княжества – Туровского. Особенностью и отличием процесса становления данного государственного образования от Полоцкого княжества была сильная зависимость от Киева. В 988 году великий киевский князь Владимир Святославович отдал Туров своему сыну Святополку. После смерти отца (1015 г.) Святополк переходит на великое княжение в Киев, оставаясь туровским князем. В последующем Туров оставался цельным княжеством, как в период самостоятельного существования, так и в составе Киевской земли. Особенностью формирования властных отношений было одновременное нахождение в городе князя и посадника – представителя сильного боярского рода. Считается, что в Турове также было вече. Таким

образом, институт власти в Туровском княжестве также не тяготел к монархической модели, хотя Туров был длительный период политически зависим от Киева.

Еще более демократический стиль властных отношений был характерен для Берестья (нынешнего Бреста). О самостоятельных действиях «берестян» неоднократно говорится в Ипатьевской летописи. Власть в Берестье фактически принадлежала местному вече, с силой которого вынуждены были считаться как волынские, так и польские правители.

Особенностью становления институциональной матрицы на землях Беларуси является и та роль, которую играла сельская община в период формирования государственности в форме княжеств. Семьи, объединенные общиной, имели своей социальной и экономической основой коллективную собственность на землю. Обработка земли проводилась силами семьи, которой принадлежала полученная продукция. Коллективная собственность осуществлялась на пахотные земли, луга, воды. Общине принадлежало право распоряжения неразделенными угодьями и право собственности на всю землю. Для общины характерно самоуправление.

В VIII–XIII вв. в белорусской институциональной матрице закреплялось на уровне неформальных правил особое отношение к коллективной собственности (в форме собственности сельской общины как цельного института), воспринимаемой в качестве естественной основы хозяйственной жизнедеятельности отдельных семей. Община-вервь, которая сложилась на базе земледельческой общины, во многом повторяла свой прототип – самоуправление, круговая порука, коллективная ответственность за преступление на своей территории. Следовательно, на протяжении многих столетий шел процесс воспитания духа коллективизма и взаимопомощи. Поэтому институт сельской общины оказался достаточно живуч и можно утверждать, что также стал базовым экономическим институтом, модифицируя в истории формы своего проявления (вплоть до колхозов).

Институт власти-собственности формировался также за счет такого института, как княжеская дружина. Последней принадлежала огромная роль в укреплении княжеской власти. Дружинники окружали князей, разделяли с ними все их интересы. С ними князь советовался по вопросам организации походов, суда и административного управления. Именно дружина послужила на восточнославянских землях тем институтом, на базе которого формировалась вассальная структура власти, иерархическая организация, которую возглавлял князь. Дружинники получали от князей подарки в виде права собирать дань и кормления (сбор доходов с волости). Так складывалась вассальная зависимость, которая рассматривалась как право собирать дань с определенной территории дружинниками в качестве вассалов великого князя.

Таким образом, именно в период VIII–XIII вв. на территории Беларуси происходит становление первых государственных образований и идет процесс становления базовых институтов власти, собственности, государства, образующих костяк институциональной матрицы. Несмотря на то, что Полоцкое и Туровское княжества не были объединены в одно государственное

образование, процесс формирования базовых институтов на этих землях был во многом идентичен.

К основным базовым институтам белорусской матрицы в сфере политики можно отнести следующие: унитарный характер властных отношений; доверие к верховному властителю как к гаранту защиты от внешней агрессии; институт «лабиринта» между интересами более сильных в военном отношении соседей.

В сфере экономики в белорусской институциональной матрице прослеживаются следующие базовые институты: государство как важнейший и активный экономический субъект; крупная частная собственность в сельском хозяйстве; сельская община. Эти базовые институты не потеряли своей актуальности в последующие исторические периоды развития белорусской нации. Учитывая ту особую роль, которую играла внешняя торговля, особенно в Полоцком княжестве, а также то, что природные условия не способствовали стремлению жестко контролировать власть на землю, можно предположить, что институты У-матрицы стали бы в северных районах Беларуси развиваться интенсивнее и внедряться в качестве базовых в институциональную матрицу. Но вхождение белорусских земель в состав сильных феодальных государств не позволило пойти по скандинавскому пути.

Институт религии как важнейший базовый идеологический институт формировался на белорусских землях очень своеобразно. В Полоцком княжестве, как суверенном государстве, сразу же было создано епископство. Религиозные иерархи имели огромное духовное влияние на верховных князей. В Туровском княжестве была попытка сочетать восточное и западное христианство. Подтверждение этому находим в истории княжения в Турове Святополка, сына Владимира – крестителя Руси. В летописях Святополк получил прозвище «окаянный». Именно ему летописцы приписывали убийство братьев Бориса и Глеба. Но внимательный анализ событий показывает, что выгодно это убийство было не Святополку, а Ярославу. Ярослав, получивший от отца Новгород, не имел никаких наследственных прав на киевский престол, так как был младше Святополка и Бориса. Убив одного и опозорив другого «мудрый» Ярослав стал великим князем киевским. Святополк Туровский в борьбе против Ярослава обратился к помощи польского короля Болеслава, так как был женат на его дочери.

Именно это и не могли простить ему монахи-летописцы, так как Болеслав исповедовал христианство западной ветви. Именно с этого факта можно начинать отсчет такого специфического идеологического института белорусского этноса, как религиозная веротерпимость и неконфликтное сочетание различных направлений христианства.

Религиозная веротерпимость как базовый институт формировалась на белорусских землях в результате медленного перехода от язычества к христианству. Отдаленность и недоступность многих населенных пунктов от центров цивилизации в силу природных факторов, привела к тому, что в течение нескольких веков после принятия христианства на белорусских землях действовали волхвы, как представители языческих обрядов. И население

предоставляло им кров и защищало от дружинников. Более того, во многих современных белорусских народных обрядах и праздниках присутствуют языческие ритуалы («Масленица», «Купальская ночь»).

Толерантность белорусов выражалась не только в религиозной веротерпимости, но и в неагрессивности, настроенности на компромисс, в уважении культуры и обычаев соседей. Военная активность проявлялась лишь при защите своей территории. Белорусы всегда искали компромисс. Об этом говорит дальнейшая (после середины XIII в.) судьба белорусской государственности. Компромиссом были такие государства с участием белорусов, как Великое княжество литовское (XIII–XVI вв.), Речь Посполитая (XVI–XVIII вв.), СССР (XX вв.).

Наиболее яркий пример уважения культуры и обычаев соседних этносов — отношения белорусов и евреев, которые в Средние века расселились на территории Великого княжества литовского. Евреи в Средние века контролировали большую часть торговли и ремесла на Беларуси. При этом не зарегистрировано ни одного случая массовых конфликтов между белорусами и евреями на протяжении всего периода проживания евреев на Беларуси.

Таким образом, в сфере идеологии центральное место занимает христианство в его православном варианте. Институт православия адекватно дополняется принципами коллективизма, выросшими на базе сельской общины. В итоге закрепляется доминирование коллективных, надличностных ценностей над индивидуальными. Также для сферы идеологии характерны такие базовые институты, как толерантность, религиозная терпимость.

Переходный к следующему циклу период приходится на период становления власти литовских князей, начиная с Миндовга. Большую роль сыграл фактор духовной и исторической близости, общности происхождения (слияния славянских и балтских племен) и т.п. Поэтому процесс объединения земель под общим руководством литовских князей происходил без серьезных расходов на вооруженную борьбу. Принципиальная необходимость формирования такого государства, как отражения более новой прогрессивной институциональной структуры на белорусско-литовских землях, четко осознавалась всеми заинтересованными князьями. Фактически можно говорить о зрелости в становлении белорусского (литовского, если придерживаться скрупулезно исторического названия) этносоциума. Однозначно, что не ставился вопрос о слиянии с Великороссией. Более того, Московское государство воспринималось как сосед (причем далеко не всегда дружественный), но не как временно утерянный сюзерен. Князь новгородский создал то ядро государства, которое с течением времени обрастало соседними землями и превращало княжества Литвы в Великое Княжество Литовское, Русское, Жемойтское.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что среди основателей княжества Литовского были вместе с балтскими и славянские князья. С середины XIII до первой половины XVIII века на территории современной Беларуси шел процесс оформления феодальной системы. Институт власти-собственности в ВКЛ (практически до конца XVI века)

развивался в рамках базовой X-матрицы, для которой характерна зависимость собственнических отношений от наличия (отсутствия) верховной власти. Крупнейшим феодалом было государство, которое в лице великого князя литовского являлось не только сувереном государственной территории, но и непосредственным собственником больших так называемых господских земельных владений (волостей).

Примерно до середины XVI века точного раздела господских земельных владений на государственные и личный домен великого князя не существовало. Они по сути являлись государственной собственностью: доходы с них шли как на покрытие расходов государства, так и на содержание великого князя литовского и его много численного окружения. Также подтверждением формирования базовых институтов именно X-матрицы служит механизм формирования частного крупно земельного владения. В XIV-XVI вв. великие князья литовские в качестве основного способа вознаграждения за верную службу феодалов-вассалов широко использовали пожалования государственных земель с крестьянами.

Однако с конца XIV в. и до XVI в. постепенно накапливаются серьезные противоречия как политического, так и идеологического плана. Особенно это сказывается на противопоставлении католиков и православных после того, как Великий князь литовский Ягайло принимает католичество и становится королем Польским в 1386 г. Начиная с Кревской унии, наблюдается процесс обострения противоречий в сфере отношений собственности между польскими и литовскими представителями феодальной знати. Согласно грамоте, подписанной Ягайло 20 февраля 1387 г., феодальная знать католического вероисповедания получала неограниченные права владения и распоряжения своими вотчинами, а также освобождалась от выполнения ряда государственных повинностей. На православных феодалов эти привилегии не распространялись. Таким образом, второй институциональный цикл завершился довольно мучительным для белорусских земель переходным периодом, который исторически совпал с периодом вхождения в состав Речи Посполитой. В этот период идет разорительный поиск новых форм базовых институтов, вылившийся в немалое количество военных событий (их было 65 за период с 1648 по 1716 гг.)

На наш взгляд, историческая драма Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой – яркое свидетельство бесперспективности навязывания этносоциуму чуждого ему духовно-идеологического императива. И здесь выявляется следующая закономерность – если в переходный период комплементарные экономические (равно как политические и идеологические) институты начинают «перевешивать» базовые в силу слабости последних и несвоевременной их адекватной трансформации, или даже искусственно насаждаться, то происходит ослабление этносоциума в степени, достаточной, чтобы базовые институты в соответствующем оформлении были навязаны соседним более агрессивным и сильным этносоциумом с родственной институциональной матрицей.

Через ряд переделов Речи Посполитой ослабленная Беларусь входит в итоге в состав Российской империи. Формируется довольно своеобразный институциональный симбиоз, когда институциональная матрица более слабого этноса не растворяется в матрице более крупного. Подтверждением этому являются регулярные вспышки национально-освободительного движения на территории нынешней Беларуси (например, восстание под предводительством К. Калиновского 1863–1864 гг.). Это сосуществование сохраняется и в советский период, который достаточно четко с точки зрения временных границ определяет третий для белорусской экономики институциональный цикл.

Период с 1917 по 1991 гг. является общим для завершенных институциональных циклов экономики всех входивших в состав СССР республик. Сформировалась командно-административная система, в условиях которой общественная собственность приобрела характер государственной. Тот факт, что 90-е годы XX века ознаменовались сильнейшими центробежными тенденциями среди бывших республик Советского Союза, свидетельствует как раз о том, что в рамках централизованно объединенной советской экономики экономика каждой республики все же проходила свой собственный институциональный цикл.

Систему институтов советского общества наиболее плодотворно изучили О. Бессонова и Р.Нуреев. В СССР сформировалась командно-административная система, в условиях которой общественная собственность приобрела характер государственной. В рамках этой собственности вся произведенная продукция сдавалась государству, а все производственные ресурсы раздавались на основе государственного плана. Многоуровневая иерархическая административная модель управления упорядочивала хозяйственную жизнь по территориально-отраслевому принципу. Сложность управляемого объекта породила к жизни многоканальную систему приема жалоб, обеспечивающую обнаружение узких мест.

Я. Корнаи в исследовании нерыночных экономик XX в. констатировал: «при распределении ресурсов применяются схемы административного выделения», «кредиты распределяются не по аукционной схеме, а по схеме административного выделения», «к сфере капиталовложений еще больше применим этот вывод» [52, с. 587].

О. Бессонова выделяет специфику института раздач, который практически целиком охватывал сферу непромышленного потребления. Раздаче на полностью бесплатной основе подлежало жилье в городах и частично в сельской местности, услуги по образованию, здравоохранению, детскому дошкольному воспитанию, земельные дачные участки за городом для горожан и участки земли для личного подсобного хозяйства на селе. Услуги жилищно-коммунального хозяйства предоставлялись городскому населению на частично компенсационной основе (квартирная плата составляла одну треть эксплуатационных расходов, покрываемых из бюджета) [8].

Институт раздач обеспечивал соответствие социально-должностного статуса с качеством и количеством раздач. Этот факт был доказан

многочисленными социологическими исследованиями в 80-е годы. Общий вывод состоял в утверждении, что чем выше социальный статус и положение в управленческой иерархии, тем выше имущественная, жилищная и доходная обеспеченность.

Институт раздач в этот исторический период обслуживался разветвленной системой органов управления. В производственной сфере – Госплан, Госснаб, Госкомтруд, министерства и ведомства, в непроизводственной – отделы при местных Советах, например, отдел по распределению жилья и т.д. Причем органы по различным видам раздач встраивались в структуру управления всех хозяйственных единиц. В основе распределения ресурсов лежала установленная система нормативов, утвержденные правила формирования производственных и непроизводственных фондов, единые штатные расписания.

В 30-е гг. XX столетия жилье стало раздаваться бесплатно по нормативам всем, кто находился на государственной службе. Качество и количество жилья напрямую зависело от занимаемого должностного положения, выслуги лет и трудовых или военных заслуг. В 60-е годы XX в. были разрешены обмены квартир – сначала только государственное на государственное, но затем и на кооперативное. Тем самым в скрытом виде было позволено осуществлять денежные сделки. При обменах строго контролировалась нормативная жилищная обеспеченность, с тем, чтобы не было дополнительных каналов для увеличения жилищной очереди.

Период административно-командной системы характеризуется высоким уровнем развития сдаточно-раздаточных отношений, когда практически все финансовые и материальные ресурсы раздаются, а вся произведенная продукция сдается. Однако если на предыдущем институциональном цикле все отношения назывались своими именами и просматривались в явном виде, то в связи с распространением социалистической теории и соответствующей идеологии истинные общественные отношения советского периода были скрыты за марксистской терминологией.

Служебная организация труда на данном историческом этапе приняла форму обязательного участия в производственной и управленческой деятельности на объектах единой государственной собственности. В Конституциях этого периода была зафиксирована «обязанность трудиться» для каждого гражданина, проживающего на территории советского государства.

Все хозяйствующие субъекты (предприятия, организации, колхозы, совхозы), получая материальные ресурсы из бюджета, должны были сдать всю произведенную ими продукцию с целью последующего ее распределения для производственного или непроизводственного потребления. Взамен финансовых государственных вложений остатки прибыли (после ее нормативного расходования) также должны были сдаваться в бюджет. Регулирование процесса сдачи произведенной продукции, как и процесса раздачи материальных и финансовых ресурсов осуществлялось на основе государственного плана и под управлением соответствующих министерств и ведомств.

Все трудоспособное население получало материальные условия жизни в основном по месту работы: денежный оклад, жилье, детские дошкольные учреждения, путевки в оздоровительные комплексы, земельные участки для посадок, пионерские лагеря и т.д. Это означало, что без участия в государственном производственном процессе население не могло иметь средств к существованию. Не имея работы, нельзя было получить прописку и жилье в городах, без прописки невозможно было получить бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование.

В период существования административно-командной системы существовал институт административной жалобы. Несмотря на то, что теория марксизма, ставшая господствующей идеологией советского общества, не содержала ни одного положения, касающегося жалоб, законы экономики поставили руководителей советского государства перед необходимостью создавать органы по приему жалоб и механизмы их обслуживания.

В 1919 г. Народным Комиссариатом Государственного контроля было учреждено Центральное бюро жалоб и заявлений, а затем его местные отделения. Были установлены порядок подачи жалоб, сроки их рассмотрения, форма жалобы, основания для обжалования и т.д. Действующее в этот период законодательство и сложившаяся практика почти не знали ограничений права граждан на общую жалобу по содержанию.

Обжалованы могли быть незаконные, нецелесообразные и аморальные деяния, индивидуальные и нормативные акты, действия и бездействие в сфере управления, производства, обслуживания. Субъекты обжалуемых деяний - не только органы управления, но и предприятия, учреждения, организации, не только должностные лица, но и рядовые служащие. Жалоба могла подаваться с целью защиты личных прав и интересов, прав и интересов других лиц, публичных прав и интересов.

По форме жалоба могла быть письменной или устной, даже переданной по телефону, радио, индивидуальной и коллективной. По одному и тому же факту граждане могли обращаться много раз в один и тот же, либо в разные органы, одновременно или в разное время, поскольку в законодательстве отсутствовали количественные ограничения права на жалобу. Законодательными актами было установлено, что жалобы могли направляться в компетентные органы управления, депутатам, прокуратуру, общественные организации [50, с. 52].

Жалоба представляет собой указание на нарушения в функционировании экономической системы. В случае, когда решение поставленных в жалобах проблем своевременно происходит на тех уровнях, куда они были направлены, экономическая система находится в состоянии устойчивого функционирования. Если же уровень жалоб превышает нормальный, то они накапливаются на уровне предприятий, отраслей, территорий, а затем «выплескиваются» в средства массовой информации или направляются прямо в центральные государственные органы. Когда такие жалобы приобретают массовый характер, они свидетельствуют о кризисе экономики.

Любая жалоба включает три компонента: неудовлетворенность ситуацией, обоснование этой неудовлетворенности и просьбу или предложение о решении

этой ситуации. Вся совокупность жалоб за определенный период дает полную картину о проблемных участках хозяйства. Однако был существенно усовершенствован механизм влияния жалоб на принимаемые решения.

Каждый гражданин и любой хозяйствующий субъект имели право жаловаться и активно использовали это право. Но не всякая жалоба являлась руководством к действию: необходима была их критическая масса на каждом уровне иерархии, чтобы жалобы попадали на рассмотрение следующего уровня управления. Чем выше социальное положение жалующегося, тем больший вес имела жалоба. Количество жалоб выступало индикатором сбалансированности экономической системы в целом и каждой ее сферы, а их минимизация была критерием эффективности деятельности управляющих.

Во времена административно-командной системы институт общественно-служебной собственности приобрел новые черты. Прежде всего, была прекращена практика раздачи производственных ресурсов (земля, фабрики, заводы) в условное владение частным лицам. Вся собственность приобрела статус государственной и никто не обладал всей полнотой прав на какую-либо ее часть.

Сущность государственной собственности состоит в том, что государство, являясь владельцем основных ресурсов, несет ответственность за их использование в интересах всего общества. Оно раздает и закрепляет части государственной собственности за хозяйствующими субъектами. При этом государство определяет соответствующие правила ее использования и объем сдач продукции или услуг всеми хозяйствующими субъектами. Государство также задает и опосредует все экономические связи.

Для управления общественно-служебной собственностью была создана административная модель, в основе которой лежал принцип нормативно-актовых распоряжений. Административная модель управления характеризуется иерархическим устройством, при котором нижестоящие звенья управления находятся в прямом подчинении вышестоящего звена.

Механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков в рамках института общественно-служебной собственности стало планирование и собственно сам Государственный план.

О. Бессонова в этой связи отмечает: «Основу планирования составлял балансовый метод, сущность которого заключается в установлении соотношения между ресурсами и их распределением через систему балансов. Балансы представляют собой таблицы, содержащие две количественно равные по сумме части, отражающие, с одной стороны, ресурсы, а с другой – распределение. Содержание балансового метода сводится к уравниванию того, что есть и что необходимо. Балансы используются для отыскания равновесия производства и потребления самых различных элементов хозяйства: трудовых, материальных, финансовых и прочих» [8].

В условиях государственной собственности доминировали государственные организации. Государственная форма организации означает, что она учреждается центральными или местными органами государственной власти, обеспечивающими ее всеми необходимыми производственными

ресурсами, при этом вся хозяйственная деятельность полностью регулируется государством.

Первичными хозяйственными ячейками в этот период выступали в промышленности – производственные предприятия, в сельском хозяйстве – колхозы и совхозы, в жилищно-коммунальном хозяйстве – жилищно-эксплуатационные участки и т.д. Все они работали на основе утвержденного плана, получали все виды ресурсов из единого центра по установленным каналам, руководствовались утвержденными штатными расписаниями и нормативной базой, подчинялись вышестоящим звеньям управления, пользовались правом жалобы в определенном режиме. Другими словами, у первичных хозяйственных единиц были общие правила функционирования, задаваемые институтом общественно-служебной собственности.

Деньги в советское время являются преимущественно инструментом плановых расчетов и выполняют функцию перевода качественных натуральных потоков в количественные счетные величины. Анализ финансирования капиталовложений в социалистических обществах привел Я. Корнаи к выводу, что «под денежной вуалью скрываются процессы количественного регулирования» [52, с. 540]. Поскольку все продукты сдавались, и все ресурсы раздавались в рамках единой государственной собственности, все цены устанавливались государственными органами централизованно.

Начало этому процессу положил Декрет СНК от 1921 г., на основании которого было принято «Положение о комитете цен». На Комитет цен возлагалось установление оптовых и розничных цен на все товары, отпускаемые государственными предприятиями и учреждениями друг другу, кооперации и населению, а также устанавливались твердые заготовительные цены для покупки государственными учреждениями.

С тех пор стали регулярно приниматься постановления типа «О закупочных и сдаточных ценах на ... (перечень продуктов), продаваемых государству колхозами, совхозами» или «О государственных розничных ценах на продовольственные и промышленные товары». В 1923–1926 гг. государство вмешалось в процесс ценообразования на основе положения XIII партийной конференции «О необходимости усиления планового начала». Это усиление выразилось «в воздействии на складывающиеся рыночные отношения путем нормирования, планирования и регулирования оптовых, розничных и заготовительных цен». Это вмешательство государства в процесс ценообразования носило долговременный характер, выразившись в регулярной практике государственного установления цен на все виды товаров и услуг.

В этот исторический период развития была решена задача сквозной увязки доходов и расходов всех хозяйственных субъектов. Эта увязка достигалась за счет органической связи финансовых планов с производственными и с планами снабжения, поскольку государственный бюджет был частью системы государственного планирования. «Доходы и расходы бюджета устанавливаются в строгом соответствии с народнохозяйственным планом. Основа исполнения бюджета – выполнение этого плана. Вместе с тем, успешное исполнение

бюджета является важным фактором, содействующим выполнению плана» [42, с. 91]. Кроме того, государственный бюджет в советский период представлял собой совокупность союзного и республиканских бюджетов, а в рамках одной республики – совокупность всех местных бюджетов.

В советский период торговля преимущественно носила государственный характер и осуществлялась через государственные магазины. Кооперативная торговля осуществлялась в сельской местности и под строгим государственным контролем. В то же время была разрешена рыночная торговля в городах в специально установленных местах, где товары реализовывались по ценам договора. Как правило, разрешение на торговлю должны были получать колхозники, вырастившие свою продукцию самостоятельно на отведенных приусадебных участках.

В целом советский период можно охарактеризовать как период структурной и конъюнктурной стабильности, что в итоге привело к усилению влияния групп специальных интересов, которые стали все в большей степени извлекать так называемую «политическую ренту», используя возможности влияния на спецификацию прав собственности. «Под группами специальных интересов обычно понимают совокупность агентов, которые характеризуются совпадением экономических интересов, и на которых действуют избирательные стимулы для производства совместного коллективного блага. Группы с особыми интересами могут создавать структуры для лоббирования политических и экономических решений и нормативных актов, олигархические и монополистические структуры, а также участвовать в перераспределении» [110, с.36].

В СССР такие группы оформились в виде номенклатурных, госчиновничьих, советских элит. А.С. Скоробогатов так объясняет данный процесс: «Россия, будучи плановой экономикой, т. е. в 1929–1991 гг., находилась в условиях структурной стабильности, но за этот более чем полувековой период сравнительная значимость групп со специальными интересами постепенно возрастала. В период сталинского правления имело место полное господство группы со всеохватывающими интересами, олицетворяемой главным образом самим Сталиным. Эта группа, и Сталин в частности, имела всеохватывающий интерес в том смысле, что чем больший объем выпуска обеспечивала советская экономика, тем большей военной мощью и международным политическим влиянием обладала сама эта группа. Затем при Хрущеве происходит некоторое перераспределение власти от центра в пользу партийной бюрократии, что ознаменовалось XX съездом КПСС.

Наконец, государственный переворот, приведший к смещению Хрущева, также был вызван стремлением партийной бюрократии получить больший объем власти и влияния за счет центра, ради чего на место Хрущева был поставлен Брежнев – человек, еще более удобный с этой точки зрения. При нем наступает пресловутая эпоха застоя, с одной стороны, и решительное преобладание элит, с другой стороны. Рост относительной значимости элит означал не только укрепление партийной бюрократии за счет центра, но также

и фактическую эмансипацию различных сегментов планового хозяйства в виде отдельных национальных общностей, отраслей и предприятий» [110, с.18].

Структурная стабильность эпохи «застоя» давала возможность советским элитам извлекать «политическую ренту». Последняя выступает прямыми транзакционными потерями общества от использования номенклатурой и госчиновниками в своекорыстных интересах прерогативы государства на спецификацию и защиту прав собственности. Эти потери проявляются как специфические затраты, связанные с поиском ренты.

Дж. Бьюкенен выделяет такие их виды, как: расходы потенциальных получателей монополии; расходы бюрократии, направленные на превращение в свои доходы расходов потенциальных получателей монополии, или связанные с иной реакцией на эти расходы; и расходы третьих лиц, направленные на получение части государственных доходов, полученных от потенциальных получателей монополии [88, с. 277].

Группы специальных интересов в СССР оказали значительное влияние на дестабилизацию институциональной структуры и нарушение конъюнктурной стабильности. Общество подошло к барьеру бифуркации и необходимости трансформации базовых институтов. Энтропия достигла своего критического уровня и требовала принятия кардинальных мер по преодолению так называемого негэнтропийного барьера.

Таким образом, сформировались все предпосылки для институциональных трансформаций советской экономики. Перед всеми республиками СССР встала сложная задача поиска адекватных путей перехода к новым институциональным структурам, что предполагает противоречивое сочетание двух направлений решения данной задачи: с одной стороны, необходимо выявить и обосновать прогрессивные формы базовых институтов; с другой стороны, найти компромиссные формы комплементарных институтов, которые, заменяя устаревшие формы базовых институтов, не будут вытеснять нарождающиеся прогрессивные формы последних, а будут объективно способствовать их становлению и развитию.

Эволюция белорусского общества как цельного исторического субъекта подчиняется некоторым общим закономерностям, описанным в теории этногенеза Л. Гумилева. Используя свою концепцию пассионарных толчков, Л. Гумилев определяет само понятие «этнос» и выделяет несколько ключевых фаз в этногенезе любого этносоциума. Здесь мы позволим себе вместо категории «этнос» в данном исследовании использовать категорию «этносоциум», т.к. никакой этнос не развивается вне определенным образом структурированного (в социальном аспекте) сообщества. Разница двух категорий лишь предполагает разницу акцентов в изучении эволюции конкретного общества, не предполагая принципиального сущностного различия. Категория «этнос» делает акцент на биолого-географической составляющей, а категория «этносоциум» – на социальной составляющей в ее широком аспекте (включая духовно-идеологическую и экономическую). Поэтому закономерности этногенеза – это одновременно и закономерности эволюции этносоциума.

Этногенез Л. Гумилев характеризует следующим образом: «... этногенез, т.е. творческое преобразование этнических коллективов и сопутствующее ему антропогенное видоизменение ландшафтов, происходит на поверхности земли то тут, то там, своего рода толчками, после чего следуют периоды затухающей инерции, переходящие в устойчивое состояние равновесия между этносами и окружающей географической средой» [29, с.105].

Особенность и неповторимость историко-географических условий появления и становления каждого этносоциума формирует своеобразное сочетание форм базисных инвариантов как специфическую для данного этносоциума институциональную среду. Л. Гумилев определяет это явление как внутреннюю структуру этноса: «Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю, практически неповторимую структуру и стереотип поведения... Внутренняя структура этноса – это строго определенная норма отношений между коллективом и индивидом и индивидов между собой. Эта норма негласно существует во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития. Поэтому для членов этноса она не тягостна, так как она для них незаметна. И наоборот, соприкасаясь с иной нормой поведения в другом этносе, каждый член первого этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачествах другого народа» [30, с.48]

Концепция этногенеза позволяет выявить еще одну важную особенность эволюционного процесса экономической системы этносоциума – этапы эволюции институциональной среды находятся в иной плоскости, чем институциональные циклы в эволюции непосредственно экономической системы. Между ними существует тесная взаимосвязь, но эволюция институциональной среды и эволюция институциональной структуры экономики имеют каждая свою траекторию. При этом характер протекания различных фаз институциональных циклов экономики определяется особенностями конкретной исторической фазы в развитии институциональной среды. В свою очередь специфика совокупности конкретно-исторических форм базовых институтов зависит от фазы этногенеза, определяющей степень пассионарности этносоциума, т.е. его готовность к серьезным преобразованиям в различных сферах жизнедеятельности. Без учета этого важного факта невозможно прогнозировать интенсивность и глубину трансформаций в данном обществе, адекватно оценить потенциал «отражения» в обществе предпринимаемых экзогенно усилий по реализации тех или иных масштабных преобразований (в частности, масштабной модернизации экономики).

В самом общем виде согласно идее пассионарности в этногенезе выделяется несколько типичных фаз. «Формирование нового этноса всегда начинается одной особенностью: непреодолимым внутренним стремлением небольшого числа людей к крайне активной целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения (этнического или природного), причем достижение этой цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни» [30, с.43].

Если исторические обстоятельства оказываются благоприятными, то сформировавшийся этносоциум с точки зрения напряжения пассионарности проходит следующие фазы своей эволюции: подъем, акматическая фаза, фаза надлома, инерционная фаза и фаза обскурации [31, с.81]. В среднем этногенез – это исторический процесс протяженностью около полутора тысяч лет (с погрешностью в 200–300 лет). Если учесть, что белорусский этнос сформировался к XII веку, то наше общество сейчас находится на инерционной фазе. Это необходимо учитывать при проектировании различных модификаций и модернизаций в обществе.

Что же наиболее типично в поведении усредненного члена этносоциума на данной фазе? Во-первых, на данной фазе устанавливается определенный стиль жизнедеятельности, соответствующий довольно низким параметрам общей пассионарности в обществе. Л. Гумилев такой стиль определяет как «порядок, который обеспечивает возможность спокойно жить и существовать в меру своих обязанностей, никогда не претендуя на достижение решающего успеха. И даже лучше вообще не стремиться к слишком большому успеху. Этот императив является естественной реакцией на те кровавые излишества, на те ужасы, которые люди пережили в предыдущую эпоху, поэтому он встречает большое одобрение основной массы населения: подавляющее большинство предпочитает любую регламентацию, позволяющую надеяться на защиту от произвола сильных, поэтому отличительной чертой инерции является сокращение активного пассионарного элемента и полное довольство эмоционально пассивного и трудолюбивого обывателя» [31, с. 282–283].

Соответственно данной фазе этногенеза формируется и адекватная институциональная среда общества, включающая специфические для данного исторического периода формальные и неформальные правила и ограничения поведения хозяйствующих субъектов и санкции за их нарушения в трех основных сферах жизнедеятельности.

Сравнительно низкая степень пассионарности белорусского этносоциума проявляется в низкой активности хозяйствующих субъектов в вопросах кардинальных экономических преобразований. В такой неформальной среде сложно рассчитывать на быструю и сильную реакцию, адекватную внешним толчкам в виде централизованно принимаемых распоряжений, постановлений и т.п. Вся энергия участников экономического процесса сосредоточена, главным образом, на быстром получении личных выгод. То есть, значительное место в сложившейся институциональной среде имеют определенные формы оппортунистического поведения в виде «откатов», взяток, «блата» при устройстве на рабочие места, «кумовства» и т.п. Причем масштабы такого поведения по отношению к отдельной личности невелики, что также в специфических для Беларуси формах отражает невысокую степень пассионарности социума и соответствует инерционной фазе этногенеза. В таких условиях рассчитывать на масштабную и энергичную поддержку активной модернизации экономики со стороны хозяйствующих субъектов просто наивно. Для этого в этносоциуме не хватает запаса пассионарности. Последнее обстоятельство порождает и такую специфическую особенность

институциональной среды белорусского этносоциума как достаточно низкую социально-политическую активность. Это проявляется практически в полном отсутствии реально действующих организаций и движений гражданского общества. И данное явление не связано с какими-то официальными запретами и ограничениями – в самом обществе нет внутренней энергии для активной социально-политической жизни. Еще одно яркое отражение низкой пассионарности этносоциума – состояние высшего образования и науки в стране. Неоднократно говорилось о снижении научного потенциала национальной экономики, предпринимались попытки централизованного финансирования научных программ в самых перспективных направлениях. Однако наука Беларуси по-прежнему обретаётся на «задворках» мировой науки. Снижение внутреннего духовного напряжения проявляется, в частности, в высокой степени алкоголизации населения страны, низкой рождаемости и т.п.

В данной работе мы не ставим задачей дать развернутую характеристику всех проявлений инерционной фазы этногенеза белорусского общества – это возможно в рамках большого научного исследования. Однако мы можем констатировать, что неформальная составляющая институциональной среды белорусской экономики отражает низкую активность хозяйствующих субъектов, нацеленных на различные формы преимущественно скрытого оппортунистического поведения.

Если рассматривать проблему низкой экономической активности субъектов хозяйствования на инерционной фазе этногенеза абстрактно, т.е. безотносительно конкретного этносоциума, то теоретически можно предположить два кардинально противоположных пути решения данной проблемы в соответствии с двумя типами базовых институциональных матриц. В первом приближении и в обществе, базирующемся на X-матрице, и в обществе с Y-матрицей усилия предпринимаются в двух основных направлениях – усиление государственного регулирования экономики и более активная и масштабная борьба с оппортунистическим поведением хозяйствующих субъектов. Сущностная разница будет в конкретных формах реализации данных направлений. А это уже полностью определяется господствующим типом базовой институциональной матрицы.

В обществе с Y-матрицей в государственном регулировании преобладают методы формального юридического, политического и экономического характера, нацеленные на активизацию частного предпринимательства разных масштабов. Осуществляется государственная поддержка именно частного бизнеса через дотации, финансирование, льготное кредитование и т.п. Борьба с оппортунизмом на государственном уровне предполагает соблюдение юридических норм и правил, не ущемляющих в целом прав частных собственников в данном обществе.

В обществе с X-матрицей эти же процессы реализуются с другими акцентами и конечными целями, в полном соответствии с базовыми институтами. В отношении белорусской экономики это проявляется в специфических формах базовых институтов трех основных сфер жизнедеятельности. Попытаемся рассмотреть основные характерные черты

институциональной среды нашей экономики на данном историческом этапе. Как было сказано выше – белорусский этносоциум строится на базовой институциональной X-матрице. Инварианты данной матрицы в условиях инерционной фазы этногенеза проявляют себя следующим образом.

В экономике усиливается централизованное регулирование с целью компенсации снижения хозяйственной активности «на местах», государство укрепляет свою роль главного и самого активного экономического субъекта. Институты рынка для данной матрицы являются комплементарными. И в конкретных условиях инерционной фазы государство должно инициировать их более активное внедрение в экономику, т.к. не может само осуществлять компенсационную деятельность на всех уровнях хозяйствования. Рыночные институты объективно призваны повышать хозяйственную активность в силу своих атрибутов в виде экономической ответственности частного предпринимателя и конкуренции. Однако эти институты не могут стать базисными. Несмотря на настоятельную потребность их активного внедрения, даже имплантации в экономическую систему, они не в силах вытеснить основные базисные институты редиистрибутивной экономики. В белорусской экономике это проявляется в том, что субъективно основные усилия государства направляются на поддержку именно государственных предприятий, на сохранение ведущей роли за государственной собственностью и централизованным перераспределением ограниченных ресурсов. Низкая активность отечественных субъектов хозяйствования заставляет импортировать эту активность в виде иностранных инвестиций в предпринимательской форме. Поэтому в белорусской экономике важнейшее место занимает и будет и в дальнейшем занимать активизация процессов привлечения иностранных инвестиций не только в силу нехватки собственных финансовых ресурсов, но и по причине нехватки внутренних импульсов для активного внедрения комплементарных рыночных институтов.

В социально-политической сфере не только сохраняется унитарное устройство, но и усиливается власть центра по отношению к регионам. Создается вертикаль власти, не поддерживается инициатива разукрупнения административных районов, наблюдается тенденция к однопартийности («Белая Русь», Белорусский Республиканский Союз Молодежи). Распространение оппортунистических тенденций ведет к усилению и еще большей централизации органов, призванных подавлять эти тенденции, к ужесточению правовых мер по борьбе с различными проявлениями оппортунизма. Таким образом, реализация мероприятий по модернизации экономики проходит в условиях усиления централизованной власти и автоматического снижения социально-политической активности на местах, в регионах. В целом это отражает пассивность местных хозяйствующих субъектов, проявляющуюся в нежелании брать на себя ответственность за хозяйственные решения, связанные с модернизацией конкретных отраслей и производств.

Однако главным образом специфика институциональной среды этносоциума определяется совокупностью неформальных правил, норм,

обычаев поведения хозяйствующих субъектов. Это та составляющая институциональной среды, которая хуже всего поддается экзогенным корректировкам в краткосрочном историческом периоде. Любые исторически обусловленные неформальные нормы хозяйственного поведения всегда отражают господствующий духовно-идеологический императив. В данном случае этот императив проявляется в следующем. Отдельный хозяйствующий субъект воспринимает себя как внутренне включенный в определенное экономическое сообщество, решения которого являются первостепенными по отношению к его собственным целям функционирования. Всей системой идеологии он воспитан так, что его личные желания и устремления второстепенны для общества, а поэтому общество отслеживает через формальные институты адекватность его экономического поведения поставленным в данный момент более общим целям и задачам. Т.е. субъект на своем микроэкономическом уровне лишен возможности самостоятельно определять конечную цель своей хозяйственной жизнедеятельности, реализующую его сугубо субъективный экономический интерес, без учета соответствия этой цели и этого интереса интересам всего социума.

Это на любой стадии этногенеза негативно влияет на осознание отдельным субъектом своей персональной (в первую очередь перед самим собой) ответственности за принимаемые решения. На фазе же инерции степень персональной ответственности снижается еще больше. Задача хозяйствующего субъекта в таких условиях – максимально защитить себя, оградить от претензий со стороны центра при реализации решений, принятых этим центром. Вопрос конечной эффективности его мало волнует, т.к. у него не сформирован долгосрочный экономический интерес в повышении этой эффективности. Не являясь полноправным собственником, субъект, управляющий деятельностью отдельного предприятия, либо отдельной отрасли и т.п., четко различает свой эгоистический экономический интерес и интерес общества в отношении данного подразделения.

Общая экономическая закономерность такова, что каждый субъект в любой экономической системе стремится максимизировать собственную выгоду в той или иной форме. В X-матрице это объективно создает неформальное противопоставление личного и общественного интереса. На инерционной фазе это противопоставление углубляется, т.к. и так низкая активность в большей части сосредотачивается на реализации собственных эгоистических устремлений, часто идущих вразрез с интересами общества, провозглашаемыми центром. Отсюда – широкое распространение тех негативных оппортунистических тенденций, о которых речь шла выше. Для смягчения данного противопоставления есть только один способ – найти такие формы организации бизнеса, при которых в максимально возможной степени будет наблюдаться однонаправленность личного и общественного интереса. В противном случае все мероприятия по модернизации экономики обречены на провал в тех отраслях и сферах, где не преодолено данное противостояние.

Институциональная структура белорусской экономики в настоящее время является не до конца оформленной с точки зрения ее обновления,

инициированного институциональным кризисом первой половины 90-х гг. XX века. Фактически сейчас идет достаточно вялый процесс поиска новых форм базовых институтов. Все эти инварианты сохраняются и, может быть, как нигде больше, именно в белорусской экономике проявляют себя наиболее очевидно и показательно. Однако здесь есть одна важная особенность. В период обострения институционального кризиса 90- гг. XX века, в силу нахождения общества (и экономики – в том числе) на инерционной фазе процесса этногенеза, не был в адекватной степени задействован потенциал комплементарных институтов. Кризис слишком быстро завершился, не актуализировав в необходимой степени эти институты.

С одной стороны, институциональная среда этому не способствовала (о чем шла речь выше), с другой стороны – вместо инициирования процессов модификации институциональной структуры экономики в сторону усиления действия компенсаторных институтов из базисной Y-матрицы, государство поторопилось возродить прежние формы базовых институтов с небольшими вариациями, максимально не допустив комплементарные институты в свою экономику. Можно утверждать, что кризисные тенденции в отношении институциональной структуры экономики не исчезли, не были преодолены, они просто приняли латентный характер. Те формы базисных институтов, которые фактически вводятся государством, не появились как адекватная концу переходного периода замена сыгравших свою роль комплементарных институтов. Это, наряду со спецификой институциональной среды, дополнительно усложняет реальные преобразования в экономике на базе внедрения новейших достижений науки и техники. Этому не способствуют ни низкая активность хозяйствующих субъектов, ни используемые неэффективные формы базовых инвариантов.

Решение проблемы структурной перестройки экономики и ее модернизации невозможно (в условиях сложившейся объективно институциональной среды) без адекватной политики государства по изменению институциональной структуры экономики в сторону имплантации компенсаторных комплементарных институтов.

Реализация этой задачи требует выявления тех элементов институциональной структуры, которые присущи современному белорусскому эносоциуму и от которых зависит «приживаемость» в данной культурной среде имплантируемых зарубежных институтов. Все это вызывает необходимость выбора методологического инструментария, позволяющего диагностировать качество неформальных институтов.

Глава 3. КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

3.1. Историческая ретроспектива исследований влияния культуры на экономику

Изучение влияния культуры на жизнедеятельность отдельных народов имеет древнюю историю. Еще античные мыслители пытались понять, почему люди, проживающие на разных территориях, так отличаются по темпераменту, обычаям, традициям и другим культурным особенностям. Благодаря трудам древнегреческого историка Геродота, который по праву считается отцом науки о народах, до нас дошли сведения о хозяйственном быте, привычках и обычаях древних греков, египтян, сирийцев, финикийцев, македонцев. Собирая материал для воссоздания истории греко-персидских войн, мыслитель сосредоточил свое внимание не только на военных действиях, но и отразил особенности культуры тех народов, которые принимали в них участие. Гипократ, Ксенофонт, Цезарь, Тацит, Страбон, Плиний также в своих трудах обращались к проблеме поиска факторов, определяющих особенности характера различных народов и, в своем большинстве, связывали их с климатическими условиями, рельефом местности, наличием водных и земельных ресурсов.

Эпоха средневековья привнесла в данную область знаний огромный материал о хозяйственной и духовной жизни населения тех территорий, с которыми европейцы познакомились в эпоху Великих географических открытий. В ходе экспедиций в Азию, Африку и Южную Америку исследователи собирали данные этнографического характера, а затем описывали культурные отличия населения, проживающего на различных территориях. Эти разрозненные эмпирические данные ученые пытались привести к единому основанию, выделить из огромного множества те факторы, которые оказывали определяющее влияние на развитие. Как и для мыслителей античности, наиболее важным фактором для исследователей того времени являлась географическая среда обитания, с влиянием которой связывались особенности жизни и характера разных народов.

В XVIII в. благодаря колонизации обширных территорий происходило бурное развитие антропологии, уделявшей большое внимание демографическим и расовым процессам. Последние нашли свое отражение и в философской мысли Нового времени – Дж. Локк, Д. Юм, Ш. Монтескье, К. Гельвеций апеллируют к «общественному человеку», используют в своих исследованиях этнографические данные и пытаются наряду с географическим выявить и другие факторы, определяющие национальный характер.

Так, Д. Юм в специально посвященной этому вопросу работе «О национальных характерах» (1769г.) выделяет в качестве факторов, определяющих данный феномен, нравственные и физические причины. «Под нравственными причинами, – писал мыслитель, – я понимаю все обстоятельства, которые способны действовать на ум как мотивы или

основания и которые создают определенный комплекс обычаев, привычных для нас. К таким принадлежат форма правления, социальные перевороты, достаток или бедность, в которой живет население, положение нации по отношению к своим соседям и тому подобные обстоятельства. Под физическими причинами я понимаю те качества воздуха и климата, которые, как видно, постепенно и незаметно влияют на характер, изменяя тонус и состав тела и предоставляя людям определенный темперамент, который... будет преобладать у большей части людей и влиять на их обычаи» [131].

Ш. Монтескье вводит в сферу исследований национальной специфики само понятие «духа народа», возникающего, по мнению ученого, как результат воздействия на людей климата, религии, законов, принципов правления, примеров прошлого, нравов и обычаев [86, с. 350]. «Дух народа» предстает в понимании Ш. Монтескье как реальное социальное явление, как объективизация национальной психики в политической и правовой жизни, находящая конкретные формы своего проявления в особенностях формы правления, территориального уклада, политического режима и особенностях образования моральных норм.

Расширяет детерминанты, определяющие национальный характер, и французский философ К. Гельвеций. Ученый прямо указывает, что географическая среда далеко не всегда имеет решающее влияние на формирование национального характера. От климата, почвы и воздуха не зависит, находится ли народ на стадии варварства или расцвета своих интеллектуальных возможностей. Решающую роль в развитии любого народа играет форма его правления и условия жизни» [21].

Проблемы национального характера («народного духа») нашли свое развитие и в немецкой классической философии. И. Кант в работе «Антропология с практической точки зрения» (1798 г.) дает определение таким понятиям как «народ», «нация», уделяя особое внимание категории «национальный характер». Согласно Канту, национальный характер – это отношение одного народа к другим народам, гордость своей государственной и общественной свободой. Таким образом, национальный характер проявляется в эмоциональном переживании (аффектации) в отношении и восприятии другой культуры.

И. Кант придает большое значение взаимоотношениям народов в их историческом развитии. Он не рассматривает подробно факторы, определяющие национальный характер. В несколько разрозненном виде они раскрываются только при описании психологических черт различных народов Европы. Однако, признавая влияние на национальный характер географической среды, ученый делает очень важное открытие, утверждая, что климат и почва, так же как и образ правления, не являются основой для понимания «народного духа». Такой основой, с точки зрения Канта, служат прирожденные черты предков, т. е. то, что передается по наследству от поколения к поколению. Факт существования данного феномена подтверждается тем, что при изменении места проживания, форм правления характер народа чаще всего не меняется: народы лишь приспособляются к новым условиям [48]. Таким образом, И.

Кант «нащупывает» в национальном характере нечто такое, которое остается в психологии народа неизменным во времени и пространстве.

Активный научный интерес к проблемам поиска факторов, определяющих специфику народов, привел к тому, что уже к XIX веку в развитых европейских странах стали возникать первые антропологические общества, ставившие перед собой цель изучения останков первобытных людей. Деятельность ученых в этой области обусловила необходимость реконструировать историю человечества и культуры – так в составе антропологии появилось новое научное направление, именуемое социальной антропологией. Оно сосредоточилось на изучении закономерностей и механизмов взаимодействия человека с его социальным и природным окружением в условиях конкретной культурной системы.

В последующем все это послужило основой для формирования специальной науки, которая благодаря стараниям французского ученого Ж. Ж. Ампера была выделена в 1830 г. из антропологических наук в отдельную область и названа этнологией (от греч. *этнос* (племя, народ) и *логос* (слово, наука). Новая наука представляла собой комплекс знаний о сходстве и различии народов мира, разнообразных аспектах их жизнедеятельности и изменениях, которые эти народы претерпевали на протяжении истории своего развития.

В рамках антропологии как таковой и этнологии как ее самостоятельной части, активно развивалось направление, исследующее непосредственно психологию народов и рас. Зародившись в Германии благодаря активной научной деятельности немецких философов и лингвистов М. Лацаруса (1824 – 1903) и Х. Штейнталя (1823 – 1899), это направление обнаруживало очень тесную связь с идеями немецкой классической философии и, особенно, концепцией Г. Гегеля о «духе эпохи», «народном духе».

Как известно, Г. Гегель не занимался, в отличие от И. Канта, конкретными антропологическими изысканиями, а обратился к национальной специфике в контексте построения философии истории. Отталкиваясь от идеи о существовании некой объективной силы, не зависящей от воли и сознания людей, Гегель отводит ей решающую роль в определении хода истории. Эта сила есть Абсолютный Дух. Именно он продвигает народы к прогрессу, помогая им осознать свободу как конечную цель развития.

Движение Абсолютного Духа происходит по степеням, свобода реализуется постепенно, в следовании ограниченных во времени исторических эпох. Каждую из них представляет определенный характерный «народный дух» (совокупность представлений определенного народа о нравственности, государственном устройстве и т. п.). Народ, который стал по причине своего духа передовым, движет историю, а когда выполняет свою историческую роль, то передает эстафету следующему народу и уходит с исторической арены.

Иллюстрируя исторический процесс развития, Гегель вводит понятие исторических миров как череду следования народных духов: восточный мир (полное отсутствие свободы), греческий мир (часть населения осознала свободу и стала свободной в то время как те, кто не осознал, остались рабами), римский мир (начинает вызревать понятие свободы, зарождается христианство) и,

наконец, германский мир (христианство получило полное развитие, оно требует любви, братства и свободы). Таким образом, именно в германском мире свобода становится достоянием людей, а значит, германский мир – это последний мир истории [20, с.183].

Следуя этим идеям, М. Лацарус и Х. Штейнталь исходят из существования сверхиндивидуального духа, обладающего сверхидеальной целостностью. Благодаря этому духу все представители одного народа испытывают на себе одинаковый отпечаток (психическое сходство индивидов). «Где бы ни жило некоторое количество людей, – утверждает М. Лацарус, – необходимым результатом их совместной жизни будет то, что из их субъективной духовной деятельности развивается объективное духовное содержание, которое потом становится содержанием, нормой и органом их субъективной деятельности» [128, с.26]. Таким образом, конкретный национальный дух, по мнению ученых, заключает в себе нечто субстанциональное, некое неизменное ядро, которое само определяет все последующие изменения духа. При этом М. Лацарус и Х. Штейнталь отмечали, что дух народа живет только в индивидуумах и не имеет особого от духа индивидуумов бытия. Проявляясь в духовном мире отдельных людей, дух народа определяющим образом формирует их эмоциональный настрой, образ мыслей и волю.

Для познания «народного духа», по мнению М. Лацаруса и Х. Штейнтала, недостаточно только этнологии – науки о народах как особых целостностях. Поскольку «народный дух» имеет свою субсистенцию в отдельных индивидуальных духах, то для его изучения нужна индивидуальная психология. Однако и она не является достаточной, так как не может познать целое, коллективное. Поэтому возникает необходимость развития особой науки, которая входила бы в состав психологии, но занималась бы исследованием законов духовной жизни не только отдельных индивидов, но и целых общностей, в которых люди действуют как некоторое единство. Такая наука должна была:

- познать психологическую сущность «народного духа» и его деятельность;
- открыть законы, по которым совершается внутренняя духовная деятельность народа;
- определить условия возникновения, развития и исчезновения представителей того или иного народа.

Постановка проблемы в таком контексте стала началом формирования новой области знаний – этнической психологии. Провозглашенная М. Лацарусом и Х. Штейнталем в качестве самостоятельной науки, она очень быстро перешла от объяснительной стадии развития к экспериментальной. Это было связано с резкой критикой позиции авторов относительно существования сверхиндивидуального духа, не имеющего конкретного бытия. Знаменитый лингвист Г. Пауль справедливо возражал М. Лацарусу и Х. Штейнталу, утверждая, что все психические процессы совершаются исключительно в душе индивидуальной, а всякое общение душ между собой может быть только

косвенным, опосредованным физическим путем. Отсюда следовало, что душа народа является абстракцией, мифом.

Свое несогласие с такой постановкой вопроса выразил немецкий врач, физиолог и психолог В. Вунд (1832 –1920), выдвинув идею о несводимости общепсихологических процессов к индивидуальной психологии и необходимости изучения социально-психологических закономерностей функционирования социальных общностей и общества в целом. В. Вунд считал, что «душа народа всегда состоит из единичных душ» и представляет собой «совокупное содержание душевных переживаний» людей, принадлежащих к тому или иному народу, связанных между собой постоянным взаимодействием и взаимоотношением. При этом формирующийся «общий дух» народа есть «нечто неизмеримо большее, чем сумма индивидов», поскольку характеризуется активным началом и обнаруживает себя в сходных структурах национальной культуры или совпадающих чертах характера представителей различных народов [18].

Действительно, эмпирические факты приводят к выводу, что такие явления, как язык, мифы, обычаи с самого начала требуют человеческого общества. При совместной жизни многих индивидов возникают высшие психические процессы, которые формируют «народную душу» – связь психологических явлений, совокупное содержание общих представлений, чувствований и стремлений. Они-то и есть непосредственным предметом изучения. Естественно, что индивидуальная психология сама по себе не способна познать заключенные в них законы – здесь нужен особый подход, способный охватывать те явления, которые представляют собой продукты совместного существования и взаимодействия людей. Таким образом, психология народов имеет право на существование и должна заниматься изучением проявлений «народного духа» в формах культуры, и особенно, национального самосознания.

В 1879 г. В. Вунд основал в Лейпциге первую в мире лабораторию экспериментальной психологии, в рамках которой проводил исследование форм проявления «народного духа». Изучая сознание людей как его носителей методами самонаблюдения, В. Вундт очень скоро убедился, что многие психические процессы, прежде всего мышление, речь, воля недоступны эксперименту. Их следует изучать с помощью культурно-исторического метода, тем более, что они принадлежат не к сфере индивидуальной психологии, а психологии народов. Таким образом, В. Вунд более конкретно определил предмет этнической психологии как отдельной науки, проведя разграничение между психологией народной (социальной) и индивидуальной.

Философские и психологические истоки этнической психологии, представленные в трудах М. Лацаруса, Х. Штейнталя и В. Вунда, были переосмыслены российским философом, психологом, филологом и искусствоведом Г. Шпетом (1879 – 1937). После знакомства с опытом экспериментальной психологии Германии, в 1921 г. Г. Шпет совместно с философом и психологом Г. Челпановым открыл при Московском

университете Кабинет этнической психологии, где занимался изучением философско-психологических проблем национального характера.

Г. Шпет поставил перед собой задачу «открыть для этнической психологии новый смысл, новый принцип, новый метод» [128, с.10]. Ученый подверг сомнению убежденность своих предшественников относительно понимания «народного духа» как субъективной идеи или как субстанции, эмпирически локализуемой в субъекте и в силу этого получающей свою объективизацию. Согласно Г. Шпету, все индивидуальное в конечном итоге является коллективным, поскольку каждый субъект объективизируется в продуктах своего труда и творчества. Язык, мифы, нравы, наука, религия, просто всякий исторический момент есть последствия деятельности людей, ее продукт и социальный факт.

Однако в действительности продукты социальной деятельности вызывают соответствующие переживания у человека. «Как бы индивидуально ни были люди различны, есть типически общее в их переживаниях, как «откликах» на происходящее перед их глазами, умами и сердцем». Соответственно, каждое переживание уже само по себе коллективно. Поэтому «дух народа» в понимании Г. Шпета, является чем то, похожим на эхо такого жизненного многообразия переживаний. Этот дух отражает действительность, обнаруживая перед нами в конденсированном виде... некоторую структуру переживаний коллектива» [128, с.90-91]. Поскольку переживания нельзя изобразить иначе, как соотносительно предмету, их вызывающему, то «народный дух» как коллективный субъект объективизируется в языке, мифах и других продуктах совместной человеческой деятельности. Только в силу этого он становится социальным явлением, формируя отношение народа к духовным ценностям, им же и созданным. Исходя из этого, считает Г. Шпет, этническая психология должна выявлять и изучать типичные коллективные переживания.

Благодаря активной исследовательской деятельности вышеуказанных ученых к началу XX в. этнопсихология (от гр. *ethnos* – племя, народ) окончательно сформировалась как область знаний, отделившись от этнологии и психологии в качестве науки, изучающей этнические особенности психики людей, национальный характер, закономерности формирования и функционирования национального самосознания, этнических стереотипов и установок.

С самого начала своего становления этнопсихология отличалась междисциплинарным характером, объединяя в себе достижения географии, биологии, антропологии, философии, лингвистики, психологии и несколько позже социологии. Такое многообразие наук, используемое при исследованиях в области этнопсихологии, объяснялось необычайной сложностью ее предмета. Познание культурных особенностей человеческих общностей не могло основываться на методологических предпосылках какой-то одной науки, поскольку требовало вовлечения в анализ как отдельного индивида, так и природной и социальной среды, в которых он взаимодействовал с другими людьми. Междисциплинарность, с одной стороны, помогала этнопсихологии познавать эти процессы, но с другой – привносила в нее проблемы, еще

получившие должного осмысления в рамках тех наук, методами которых она пользовалась.

Среди таких проблем, как мы уже увидели при анализе становления этнопсихологии как науки, наибольшую остроту приобретал вопрос о соотношении индивидуального и коллективного. Поэтому в первой трети XX в. ученые с особой активностью пытались внести в него определенную ясность. Наиболее значимыми научными достижениями в этой сфере являются работы французского философа, этнографа и психолога Л. Леви-Брюля, труды одного из величайших представителей психоанализа К. Г. Юнга, а также исследования французского социолога Э. Дюркгейма.

Л. Леви-Брюль (1857 – 1939), основываясь на трудах этнографов XVIII – XX вв., выявил отличительные особенности мышления и мироощущения первобытного и современного человека, что позволило ему сформировать концепцию дологического мышления, нечувствительного к опытному знанию. Л. Леви-Брюль выступил против тезиса о том, что коллективные представления повинуются законам психологии, базирующейся на анализе индивидуального субъекта. Коллективные представления, по мнению ученого, имеют собственные законы становления и развития, которые не могут быть обнаружены на уровне отдельного субъекта, так как они передаются из поколения в поколение, навязываются в форме социальной сущности отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. п. в отношении своих объектов и не зависят в своем бытии от отдельной личности [70, с. 8-9].

Идеи о связи культуры с внутренним миром человека и, прежде всего, его мышлением, доминирования коллективного над индивидуальным нашли свое отражение в теории архетипа Г. Юнга (1875 – 1961). Опираясь на опыт своей клинической практики врача-психоаналитика, труды этнографов и, особенно, Л. Леви-Брюля, ученый выявил в психике человека сложные состояния сознания, передаваемые по наследству и воспроизводящие глубинные мифологические символы – архетипы. Являясь частью коллективного бессознательного, эти врожденные диспозиции обуславливают у конкретного человека определенные мысли, представления и предписания, побуждающие к деятельности и приобретающие конкретную, в том числе образную, форму уже в рамках той или иной культурной среды. Таким образом, архетипы, хотя и в различной степени, проявляются у всех народов и оказывают существенное влияние на поведение отдельных их представителей [132].

Э. Дюркгейм (1858 – 1917) переносит идеи своих предшественников в область социологии и вводит в научный обиход понятие «коллективное сознание» как «совокупность общих верований и чувств, свойственных в среднем членам какого-то общества. Эта совокупность, по мнению ученого, «создает определенную систему, которая имеет свою собственную жизнь» [38, с.46]. Невзирая на то, что коллективное сознание существует только в виде чувств и верований, представленных в индивидуальном сознании, по мнению Э. Дюркгейма первое отличается от второго принципиально.

«Коллективному сознанию, – пишет Э. Дюркгейм, – присущи особенные черты, которые выделяют его как реальность. На самом деле оно не зависит от особых условий, в которых находятся индивиды; эти условия преходящи, а оно остается. Коллективное сознание одинаково на севере и на юге, в больших и малых городах, у представителей разных профессий. Окончательно оно не меняется с каждым поколением, а, наоборот, связывает их между собой. Таким образом, коллективное сознание нечто совсем иное, нежели отдельные виды сознания, хотя и реализуется только индивидами. Оно есть психическим типом общества, типом, который обладает своими свойствами, имеет свои условия существования, свой способ развития – все свое как и в индивидуальных типах, хотя и другое» [38, с. 46–47].

Коллективное сознание в зависимости от характера общества обладает большей или меньшей силой в своем влиянии на поведение людей. В одних обществах социальные императивы и запреты полностью управляют общественной жизнью, а в других – накладываются на индивидуальные мотивы и модифицируют их. Этими заключениями Э. Дюркгейм формирует идею о некой предопределенности развития коллективными представлениями (моральные принципы, общечеловеческие ценности, универсальные религиозные идеалы и т.п.), навязанными индивидам общественной средой.

Эти исследования заложили основу методологического подхода, согласно которому социальное существование общества стало считаться автономным по отношению к индивидам, объявлялось реальностью, которая как-бы навязывалась людям и наделялась способностью определять их стиль жизни и поведения. Применительно к исследованиям человеческой деятельности такое видение определяло жесткую детерминацию индивидуальной активности социальной (в т. ч. культурной) средой. В то же самое время наряду с таким подходом существовал и другой, индивидуалистический взгляд на развитие, при котором предполагалось, что все социальные явления следует объяснять исключительно на уровне индивидов.

Попытку примирения этих двух крайних позиций предпринял немецкий социолог М. Вебер (1864 – 1920), выдвинув концепцию, согласно которой социальное действие должно объясняться исходя из индивидуальных мотивов, а сами коллективные общности пониматься как процессы и связи специфических действий отдельных людей.

М. Вебер соглашался с Э. Дюркгеймом относительно того, что общество действительно является той средой, где образуются ценности. Однако, поскольку реальные социальные общности всегда формируются из людей, то мир ценностей, с которыми в конечном итоге они оказываются связанными, является плодом как коллективного, так и индивидуального творчества. Этот мир обусловлен реакцией нашего сознания на окружение или ситуацию, в которой мы оказываемся. Соответственно, поведение людей в различных обществах может быть понято только в границах их общего представления о своем существовании. При этом религиозные догмы и их толкование являются важной составляющей индивидуального видения мира. Поэтому необходимо

понять такие догмы, чтобы объяснить поведение отдельных людей и их сообществ, в том числе, и экономического характера.

Под углом такой точки зрения ученый исследует причины возникновения капитализма, выдвигая гипотезу, согласно которой на формирование данного строя оказали влияние психорелигиозные мотивации. М. Вебер изучает экономику Германии и обнаруживает, что среди всех жителей страны именно лица протестанского вероисповедания владеют непропорционально большим процентом совокупного богатства, а также занимают наиболее выгодные экономические позиции. Анализируя основные постулаты протестантизма и сравнивая их с классическим католицизмом, ученый приходит к выводу, что дух протестантской этики и дух капитализма очень тесно связаны между собой. В дальнейшем М. Вебер изучил китайскую, индийскую цивилизации, древний иудаизм, исламский мир и пришел к выводу, что специфические для западного капитализма черты (соединение стремления к личной выгоде и рациональная дисциплина труда) развились только на Западе. Это доказывало, что протестантская этика явилась одной из причин развития капиталистического хозяйственного строя именно в этой части мира [3, с. 556].

Такой взгляд на факторы экономического развития не отвергал исторический материализм К. Маркса, однако, расширил систему его детерминант. Своими исследованиями М. Вебер убедительно доказал, что экономические позиции в поведении людей могут быть продиктованы системой верований точно так же, как и система вероисповеданий в определенный момент может быть обусловлена экономической системой. «Естественно, – утверждает М. Вебер, – это никак не означает, что мы намереваемся изменить одностороннее материалистическое понимание причинных связей в сфере культуры и истории точно таким же односторонним спиритуальным причинным толкованием. И то и другое допустимо в одинаковой степени. Однако оба они мало помогают установлению исторической правды, если выступают в роли не предварительного, а завершающего этапа исследования» [13]. Таким образом, ученый доказывает, что иногда поведение той или иной общности можно понять через ее мировоззрение, а также то, что при определенном стечении обстоятельств метафизические или религиозные мотивации как элементы культуры могут диктовать направленность экономического развития.

Справедливости ради следует отметить, что еще до М. Вебера в среде экономистов возникал интерес к изучению роли культуры как значимого фактора развития экономики. Например, присущий англосаксонской культуре дух индивидуализма, впервые отмеченный А. Смитом при обсуждении разделения труда, а затем всесторонне описанный великими представителями политической экономии, особенно Дж. С. Миллем, может рассматриваться как условие, способствовавшее распространению индивидуалистической революции в Британии и почти параллельно в Соединенных Штатах [123, с.28].

Также и во взглядах более ранних представителей исторической школы (Ф. Лист, В. Рошер, Б. Гильдебрант, К. Книс, Г. Шмоллер, К. Бюхер) прослеживалась тенденция учитывать влияние на экономическое развитие

правовых, политических, религиозных, моральных и психологических факторов. Однако, сосредотачиваясь на изучении исключительно исторических особенностей их воздействия, немецкие ученые, по сути, свели сферу исследований к конкретно-историческим условиям развития отдельной страны, не уделяя при этом особого внимания выявлению общих закономерностей взаимодействия этих факторов.

В отличие от своих предшественников М. Вебер и несколько позже В. Зомбарт (1863 – 1941) не просто показали влияние неэкономических факторов на ход экономической истории, а предприняли попытку установить взаимосвязь между культурными условиями, в которых происходит хозяйственная деятельность людей, с одной стороны, и экономическими результатами, с другой. Тем самым эти ученые содействовали перемещению исследований влияния неэкономических факторов развития в плоскость институционального анализа, который окончательно оформился благодаря работам американского экономиста Т. Веблена (1857 – 1929). Именно в институционализме культура стала рассматриваться в качестве основы всей экономической деятельности людей.

Т. Веблен в одной из своих первых научных работ «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?» (1898 г.) высказал мнение о том, что «историческая школа сумела дать только описательный обзор явлений, а не генетическую характеристику экономического процесса, который разворачивается..., полученные ею результаты вряд ли можно назвать экономической теорией». В свою очередь, – считает ученый, – австрийская школа «показала себя вообще неспособной к разрыву с классической традицией, в русле которой экономика рассматривалась как таксономическая наука» [14, с. 24].

С целью устранения этих недостатков Т. Веблен предлагает свою исследовательскую программу, в которой, во-первых, отклоняет как классическую (ориентированность на выявление общих законов и тенденций экономического развития), так и неоклассическую (равновесный подход, предпосылку о рациональности поведения субъектов) методологию, и, во-вторых, сосредотачивается на исследовании экономического процесса в аспекте кумулятивного развития процесса институциональных изменений. Для этого он предлагает междисциплинарный подход, который базируется на социальной философии, антропологии и психологии.

Ученый утверждает, что причина неудач экономистов заключается в неправильном теоретическом подходе к изучению человеческой природы. Во всех концепциях английских исследователей и представителей экономической теории континентальной Европы человек рассматривается с позиций гедонизма. Гедонистическая концепция уподобляет его быстродействующей машине для исчисления ощущений наслаждения и страдания, которая приводится в действие под воздействием стимулов, сама оставаясь при этом неизменной. У такого человека нет ни прошлого, ни будущего. В противовес этому институциональный анализ позволяет посмотреть на человека не просто

как на сгусток желаний, а как на гармоничную структуру склонностей и привычек, которые реализуются и выражаются в процессе деятельности.

«Устойчивые привычки мышления, характерные для большого сообщества людей», Т. Веблен описывает с помощью категории «институт» [15, с. 201]. По мнению ученого, институты (другими словами, привычный образ мысли), руководствуясь которым живут люди, наследуются от прежнего времени и приспособлены к обстоятельствам прошлого. Являясь продуктом культуры, они влияют на стереотипы поведения людей, обуславливая их мотивацию к экономической деятельности.

При этом Т. Веблен указывал, что привычный образ мышления людей имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго, кроме тех случаев, когда к его перемене принуждают обстоятельства. «Таким образом унаследованные институты, – утверждает ученый, – этот образ мысли, точки зрения, настрой и способности ума, да и многое другое являются консервативным фактором, сдерживающим любые общественные изменения. Структура общества изменяется, развивается, приспособляется к изменяющейся обстановке лишь вследствие перемены в образе мысли некоторых социальных групп, или в конечном счете по причине изменения, происходящего в привычном образе мысли составляющих общность личностей. Эволюция общества является, по существу, процессом адаптации, происходящим под давлением обстоятельств в умах отдельных людей, уже больше не терпящих привычного образа мысли, сложившегося в прошлом при другом стечении обстоятельств и с ними сообразующегося [15, с. 211].

Таким образом, развитие общества в трактовке Т. Веблена предстает как процесс естественного отбора разнообразных институтов. «Экономическая судьба индивида – говорит исследователь, – это кумулятивный процесс адаптации средств к целям, которые сами меняются кумулятивно по мере развития процесса. И сам индивид и среда его существования каждый раз выступают продуктом такого процесса» [14, с. 26]. Признав возможность адаптации институтов к изменениям среды, Т. Веблен тем самым поставил перед экономической теорией главную задачу – «рассмотрение кумулятивного процесса формирования экономического интереса в контексте культурного развития» [14, с. 29].

Эту задачу, поставленную Т. Вебленом, институциональная теория решала на протяжении достаточно длительного периода времени и продолжает решать по сегодняшний день. Наиболее выдающимися ее достижениями стали:

– создание Д. Нортон концепции институциональных изменений, базирующейся на сознательном процессе, формируемом представлениями его участников, где культуре отводится одна из главных ролей в процессе изменений [95];

– рассмотрение К. Поланьи экономики как института, встроенного в систему культуры и других сфер функционирования общества [106];

– введение П. Будье, Г. Лури и Д. Коулманом в научный оборот понятия «социальный капитал» для характеристики влияния социокультурных факторов на экономическое взаимодействие людей [12; 55];

– выделение Д. Тросби культурного контекста экономики и экономического поведения [123];

– рассмотрение Р. Патнэмом процесса созидания социального капитала как фактора, обуславливающего эффективность функционирования институтов [99-100];

– анализ Ф. Фукуямой доверия как важного фактора экономического развития [126];

– открытие П. Артуром и П. Дэвидом феномена «зависимости от предшествующего развития», означающего, что возможности выбора варианта развития в настоящем ограничены наследием институтов, сформированных в прошлом [39].

Эти и ряд других ученых пытались на качественном уровне отыскать взаимосвязь между отдельными социокультурными факторами и характером социально-экономического развития отдельных стран и даже цивилизаций. Такие исследования помогали осмыслить чужой хозяйственный опыт, понять специфику развития той или иной страны, а также использовать эти знания в ходе проведения реформ институционального характера.

3.2. Современные подходы к измерению культур

Изучение влияния культуры на экономическое развитие имеет длительную историю и базируется, в основном, на качественном анализе. Однако, невзирая на очевидные сложности измерения культурных влияний, ученые всякий раз сталкивались с необходимостью их эмпирического выявления и фиксации. И такая возможность появилась в конце XX в. вместе с возникновением и развитием нового направления социологических исследований – кросс-культурного подхода, основанного на анализе ментальных характеристик различных этнических групп через использование формализованных методов. Первый, наиболее масштабный проект диагностики ценностей как ключевого фактора культурного влияния, был осуществлен нидерландским ученым Г. Хофстедом в конце 1970-х годов. Его подход реализовал на практике возможность изучить то, как ценности, связанные с особенностями культуры, влияют на поведение работников IBM – одной из крупнейших мультинациональных корпораций мира.

В то время Г. Хофстед возглавлял психологическую службу данной компании и как специалист в области менеджмента получил задание исследовать проблему неодинаковой эффективности применяемых методов управления в различных филиалах IBM, которые располагались в разных странах мира. Проведя колоссальную работу по изучению проблемы и применив для ее решения различные методы, вскоре Г. Хофстед убедился, что причина неодинаковой отдачи от применения одних и тех же методов менеджмента в разных филиалах кроется в культуре, а точнее в ценностях, которые присущи их представителям. Подтвердить свои выводы исследователь

решил через проведение опроса сотрудников, разработав для этого специальную методику. Всего исследованием было охвачено 116 тыс. человек, которые работали в филиалах IBM, расположенных в 40 странах мира.

На основе полученных данных за период 1967–1973 гг. ученый выделил четыре группы относительно независимых показателей, которые позволяли различать ценностные системы, присущие представителям различных стран. К таким показателям были отнесены «дистанция власти», «индивидуализм», «маскулинность», «избегание неопределенности» [146]. В дальнейшем список исследуемых стран был расширен до 70, а перечень из четырех показателей был дополнен Хофстедом пятым, получившим название «конфуцианский динамизм», переименованный впоследствии в «долгосрочную ориентацию» [147].

Дистанция власти (PDI – Power Distance) – это оценка готовности людей принимать неравномерность распределения власти в институтах и организациях. Этот показатель характеризует, в какой мере представители разных культур создают и поддерживают разногласия в статусе и власти между взаимодействующими индивидами. В культурах с высоким показателем PDI активно продуцируются правила, механизмы, ритуалы, поддерживающие и усиливающие иерархические отношения между членами общества. Это своеобразная оценка авторитаризма – там, где существует большая дистанция по отношению к власти, сама власть рассматривается как наиболее важная часть жизни, причем акцент делается на власть принудительную. Как правило, общества с высоким показателем PDI жестко стратифицированы, в них поддерживается уважение к полномочиям, статусу, накопленному богатству, а сама власть носит централизованный характер.

В культурах с низким показателем PDI, наоборот, наблюдается определенное игнорирование властной дифференциации, преобладает стремление к уменьшению неравенства, люди обладают независимостью и равными правами, руководители и подчиненные имеют сопоставимый социальный статус. Здесь более важной становится компетентность власти, уважение к личности и равенство.

Индивидуализм (IDV – Individualism) – показатель того, насколько в обществе поддерживаются индивидуалистические тенденции в противовес групповым или коллективистским. В культурах, где преобладают первые, потребности, желания, интересы отдельного человека оказываются важнее групповых или коллективных. В таком обществе индивиды стремятся больше беспокоиться о себе и о своих семьях. В культурах с коллективистским уклоном, наоборот, утверждаются ценности, предусматривающие жертвенность личных интересов ради общественного блага. При таких условиях индивиды склоны объединяться в определенные группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность. Широкую распространенность в подобных обществах получают групповые формы трудовой деятельности, конформизм, взаимозависимость и стремление к поиску консенсуса.

Маскулинность (MAS – Masculinity) – отражает преимущественно мужественный или женственный стиль поведения, принятый в обществе. В основу этого показателя заложены традиционные различия между мужчиной и женщиной, из которых на почве тех или иных культур формируются разногласия их социальных ролей, функций или положения. Другими словами, этот показатель оценивает, насколько в обществе выражены мужские черты (большая агрессивность, настойчивость, самоуверенность, успех, конкуренция) в противовес женским (солидарность, сотрудничество, меньшая ориентированность на успех, забота о слабых, поддержка личных отношений). Считается, что в мужских культурах (высокий показатель MAS) склонность людей к настойчивости и жесткости, сосредоточенности на материальном успехе, отсутствию интереса к другим людям и условиям их жизни способствует утверждению классических форм предпринимательства и порождает более сильную мотивацию к личным достижениям.

Избегания неопределенности (UAI – Uncertainty Avoidance) – это своеобразный индикатор того, насколько люди чувствуют угрозу от неоднозначных, непонятных и нечетких ситуаций и пытаются уклониться от них через принятие четких правил, которые зачастую не подлежат критике, а утверждаются через укрепление веры в авторитет. В подобных обществах озабоченность порядком и агрессивность как способ «выброса энергии» создают климат для особого трудового усердия и энтузиазма, неритмичности труда («авральности»), так как повышенный уровень тревожности все время требует выполнения какого-то дела. Такие общества отличаются более выраженной тенденцией к внутригрупповому согласию, сопротивляемостью любым изменениям, невысоким стремлением к риску, а также низким уровнем толерантности к людям и группам с отличными представлениями и поведением.

В культурах с низким уровнем избегания неопределенности, наоборот, наблюдается толерантное отношение к непредсказуемым ситуациям. С их наступлением люди начинают импровизировать, проявлять инициативу и обнаруживать склонность к риску. В странах с такой культурой негативно относятся к вводу формализованных правил, их разрабатывают и применяют только в случае крайней необходимости, поскольку люди способны решать проблемы и без детальной регламентации.

Долгосрочная ориентация (LTO – Long Term Orientation) демонстрирует способность общества ориентироваться на будущее. Высокий уровень данного показателя свидетельствует о том, что общество проявляет прагматизм и стратегически ориентируется на будущее, предоставляя меньше преимущества традиционализму и краткосрочной тактической ориентации. В обществах, более нацеленных на долгосрочную ориентацию, люди признают важность настойчивости, статусного принципа взаимоотношений, бережливости и чувства стыда. Такие ценности способствуют предпринимательской активности. Действительно, результатом целеустремленности и настойчивости

чаще всего бывает деловой успех, а гармоничная и устойчивая иерархия облегчает выполнение ролевых обязанностей, бережливость создает условия для накопления капитала и, наконец, чувство стыда заставляет людей быть более чувствительными к социальным контактам и тщательно выполнять взятые на себя обязательства. Низкий показатель долгосрочной ориентации, наоборот, сдерживает предпринимательство. Стремление к устойчивости и стабильности, если оно превышает определенный предел, препятствует инициативе, рискованности и гибкости. Чрезмерное уважение к традициям связано с неприятием всего нового, с отсутствием склонности к изменениям.

Значения охарактеризованных выше показателей были получены в ходе проведения массовых социологических опросов в разных странах при реализации проекта «Модуль исследования ценностей» (Value Survey Module 1994 – VSM 94). Эти показатели дали возможность установить место каждой страны на общемировой ментальной карте, а также определить, насколько велики различия между представителями разных национальностей в количественном выражении. В табл. 3.1 представлены значения показателей Г. Хофстеда, полученные в отдельных странах мира по разработанной им методике (всего тогда было обследовано 62 страны).

Параллельно с проектом VSM 94 проводились и другие исследования, которые несколько расширяли поле диагностики ценностей. Так, на базе методики Г. Хофстеда была разработана новая концептуальная модель исследования ценностей, которая воплотилась в международном проекте GLOBE (Global leadership and organizational behavior effectiveness – Исследовательская программа по изучению глобального лидерства и эффективности организационного поведения), осуществленная под руководством Р. Хоуза. Проект GLOBE стартовал в 1993 г. и охватил 17 000 представителей менеджмента из 825 организаций в 61 стране мира [151; 153; 24].

В данном проекте анализировалось уже девять культурных показателей. Без изменений осталось только два показателя Хофстеда – дистанция власти и избегание неопределенности. Вместо показателя маскулинности в проекте GLOBE использовались два других индикатора – гендерный эгалитаризм и настойчивость, которые отражали параметр различия полов. Для измерения коллективизма применялось две шкалы – общественный и семейный коллективизм. Кроме этого, для формирования более полного представления о господствующих в обществе ценностях были разработаны три совершенно новых показателя – гуманистическая ориентация, ориентация на будущее и ориентация на результаты.

Таблица 3.1

Ценностные показатели Г. Хофстеда в 40 странах мира

Страна	Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IDV)	Избегания неопределенности (UAI)	Маску- линность (MAS)	Долгосрочная ориентация (LTO)
Австралия	36	90	51	61	31
Австрия	11	55	70	79	31
Аргентина	49	46	86	56	–
Бельгия	65	75	94	54	38
Бразилия	69	38	76	49	65
Великобритания	35	89	35	66	25
Венесуэла	81	12	76	73	–
Греция	60	35	112	57	–
Гонконг	68	25	29	57	96
Израиль	13	54	81	47	–
Индия	77	48	40	56	61
Ирландия	28	70	35	68	43
Испания	57	51	86	42	19
Италия	50	76	75	70	34
Канада	39	80	48	52	23
Китай	80	20	30	66	118
Колумбия	67	13	80	64	–
Мексика	81	30	82	69	–
Нидерланды	38	80	53	14	44
Новая Зеландия	22	79	49	58	30
Норвегия	31	69	50	8	44
Пакистан	55	14	70	50	0
Португалия	63	27	104	31	30
Россия	93	39	95	36	–
Сингапур	74	20	8	48	48
США	40	91	46	62	29
Таиланд	58	17	69	45	87
Тайвань	64	20	64	34	56
Турция	66	37	85	45	–
Филиппины	94	32	44	64	19
Франция	68	71	86	43	39
Швеция	31	71	29	5	33
Швейцария	34	68	58	70	40
Югославия	76	27	88	21	–
Япония	54	46	92	95	80

Источник: [148].

Сама процедура опроса в проекте осуществлялась через поиск ответов на двойные вопросы: о том как «как должно быть» в организации (представления менеджеров об идеальном состоянии) и «как есть» (реальное положение дел). Результаты опроса по отдельными странам мира представлены в табл. 3.2.

Таблица 3.2

Ценностные показатели отдельных стран мира согласно проекту GLOBE

Страны	Дистанция власти (PDI)	Избегания неопределенности (UAI)	Коллективизм (COLL I)	Коллективизм (COLL II)	Гендерный эгалитаризм (GEN)	Настойчивость (ASS)	Достижимость (ACH)	Ориентация на будущее (FUT)	Гуманистическая ориентация (HUM)
Австралия	4,74/2,78	4,39/3,98	4,29/4,40	4,17/5,75	3,40/5,02	4,28/4,32	4,36/5,89	4,09/5,15	4,28/5,58
Австрия	4,95/2,44	5,16/3,66	4,30/4,73	4,85/5,27	3,09/4,83	4,62/2,81	4,44/6,10	4,46/5,11	3,72/5,76
Великобритания	5,15/2,80	4,65/4,11	4,27/4,31	4,08/5,55	3,67/5,17	4,45/4,15	4,08/5,90	4,28/5,06	3,72/5,43
Греция	5,40/2,39	3,39/5,09	3,25/5,40	5,27/5,46	3,48/4,89	2,79/4,10	3,20/5,81	3,40/5,19	3,34/5,23
Израиль	4,73/2,72	4,01/4,38	4,46/4,27	4,70/5,75	3,19/4,71	4,23/3,76	4,08/5,75	3,85/5,25	4,10/5,62
Индия	5,47/2,64	4,15/4,73	4,38/4,71	5,92/5,32	2,90/4,51	3,73/4,76	4,25/6,05	4,19/5,60	4,57/5,28
Ирландия	5,15/2,71	4,30/4,02	4,63/4,59	5,14/5,74	3,21/5,14	3,92/3,70	4,36/5,98	3,98/5,22	4,96/5,47
Испания	5,52/2,26	3,92/4,76	3,85/5,20	5,45/5,79	3,01/4,82	4,42/4,00	4,01/5,80	3,51/5,63	3,32/5,69
Италия	5,43/2,47	3,79/4,47	3,28/5,13	4,94/5,72	3,24/4,88	4,07/3,82	3,58/6,07	3,25/5,91	3,63/5,58
Канада	4,82/2,70	4,58/3,75	4,38/4,17	4,26/5,97	3,70/5,11	4,05/3,81	4,49/6,15	4,44/5,35	4,49/5,64
Нидерланды	4,11/2,45	4,70/3,24	4,46/4,55	3,70/5,17	3,50/4,99	4,32/3,02	4,32/5,49	4,61/5,07	3,86/5,20
Новая Зеландия	4,89/3,53	4,75/4,10	4,81/4,20	3,67/6,21	3,22/4,23	3,42/3,99	4,72/5,90	3,47/5,54	4,32/4,49
Португалия	5,44/2,38	3,91/4,43	3,92/5,30	5,55/5,94	3,66/5,13	3,65/3,58	3,60/6,40	3,71/5,43	3,11/5,31
Россия	5,56/2,55	2,85/5,09	4,45/3,80	5,67/5,80	4,12/4,19	3,75/4,69	3,32/5,52	2,80/5,50	3,97/5,61
США	4,88/2,85	4,15/4,00	4,20/4,17	4,25/5,77	3,34/5,06	4,55/3,69	4,49/6,14	4,15/5,31	4,17/5,53
Таиланд	5,63/2,86	3,93/5,61	4,03/5,10	5,70/5,76	3,35/4,16	3,64/3,48	3,93/5,74	3,43/6,20	4,81/5,01
Турция	5,57/2,41	3,63/4,67	4,03/5,26	5,88/5,77	2,89/4,50	4,53/2,66	3,83/5,39	3,74/5,83	3,94/5,52
Филиппины	5,44/2,72	3,89/5,14	4,65/4,78	6,36/6,18	3,64/4,58	4,01/5,14	4,47/6,31	4,15/5,93	5,12/5,36
Франция	5,28/2,76	4,43/4,26	3,93/4,86	4,37/5,42	3,64/4,40	4,13/3,38	4,11/5,65	3,48/4,96	3,40/5,67

Источник: [63, с. 87].

Примечание. В числителе – характеристика общества «каким оно есть»; в знаменателе – общества, «каким оно должно быть».

Следует обратить особое внимание на то, что методика Г. Хофстеда и ее модификации базировались на эмпирическом исследовании культурных явлений, которое позволило выразить качественные характеристики в числовой форме. В дальнейшем это дало возможность выявить наиболее стабильные характеристики каждой национальной культуры. Однако все эти исследования не могли предоставить достаточного фактического материала для доказательства факта подвижности базовых ценностей. Чтобы проследить динамику последних, американский политолог и директор Института социальных исследований при Университете штата Мичиган Р. Инглхарт (который, кстати, был руководителем проекта Г. Хофстеда) начал исследование, получившее название «Всемирный обзор ценностей» (Word Values Surwey). Это исследование продолжается уже почти 30 лет, постепенно охватив 75 стран мира, где проживает 85% населения Земли [138 -139].

В этом проекте был сделан акцент, прежде всего, на политической составляющей развития общества. В исследовании определялось, как демократизация общества связана с процессами изменения культурных ценностей. В 1997 г. были опубликованы первые результаты исследований 1990-1991 гг., которые были проведены в 43 странах. Результаты исследования убедительно свидетельствовали о существовании стабильных различий в сознании людей, проживающих в богатых странах, и тех лиц, которые населяют менее развитые государства. Эти различия касались политических, социальных и религиозных норм и представлений.

Подавляющее большинство таких различий была объяснена во «Всемирном обзоре ценностей» через два показателя (введенных Р. Инглхартом): первый – «выживание / самовыражение» и второй – «традиционные / секулярно-рациональные ценности». Ценности выживания – это физическая и экономическая безопасность, материальное благосостояние, нетерпимость к инакомыслию, ксенофобия, заниженная оценка свободы и прав человека, готовность принять авторитаризм, покорность, склонность к вере во всемогущество науки и техники. Ценности самовыражения, наоборот, предусматривают высокую оценку личности, свободы, прав человека, нематериальных достижений, успеха, стремление к экономии, равноправие.

В обществе, развивающемся на основе ценностей выживания, как правило, наблюдаются ненадежные условия существования, низкий уровень благосостояния. Население таких стран испытывает угрозу, якобы идущую от иностранцев, оно не способно воспринимать этнические разногласия и любые культурные изменения. Любые проявления неопределенности вызывают у них неуверенность в обеспечении условий выживания. Для максимизации предсказуемости общественного развития люди в таком обществе ориентируются на абсолютные правила и хорошо известны нормы. В связи с этим в нем преобладают традиционные гендерные роли и авторитарные политические взгляды, а уровень межличностного доверия слишком низкий. Ценности выживания склоняют людей к поддержке преимущественно государственного воздействия практически на все стороны своей жизнедеятельности.

Диаметрально противоположное направление развития имеет общество, где выживание рассматривается как нечто само собой разумеющееся. В нем наблюдается ориентация на ценности самовыражения отдельных лиц, желающих защищать окружающую среду, стремящихся к участию в принятии решений по экономическим и политическим вопросам, а равноправие связывается с одинаковой ролью, как мужчины, так и женщины. Как правило, здесь достигается высокий уровень безопасности, а главными считаются доверие, субъективное благосостояние, политическая и экономическая активность. Этнические и культурные различия в обществе воспринимаются не как угроза, а как фактор развития. Ценности самовыражения создают основу для эффективного функционирования либеральных моделей.

Второй показатель, введенный для обзора ценностей, отражает влияние морали на жизнь в определенной стране. В частности к традиционным ценностям относят религию, государство, уважение к власти, абсолютные стандарты, социальный конформизм, гражданское согласие перед угрозой открытых конфликтов. Одновременно секулярно-рациональные ценности – это рациональное поведение, стремление достичь успеха, преобладание светского государства, незначительная роль религии.

Пользуясь собственной методикой, Р. Инглхарт исследовал ценности 65 стран по двум показателям с применением факторного анализа. Итак, сначала развитие стран были рассмотрены с позиций «традиционных / секулярно-рациональных ценностей», что в представлениях ученого ассоциируется с процессом индустриализации. На втором этапе факторного анализа ценности были исследованы с точки зрения «выживания / самовыражения», которые соотносятся с постиндустриальным обществом.

По заключению Р. Инглхарта, к так называемому полюсу выживания тяготеют посткоммунистические восточноевропейские государства, а также страны Азии и Африки. К полюсу самовыражения – страны Западной Европы. Как видим, ценности выживания более характерны для бедных стран, в которых показатель ВВП на душу населения составляет менее 2 тыс. долл. в год. И, наоборот, ценности самовыражения доминируют в богатых странах, где ВВП на душу населения превышает 15 тыс. долл. в год. При этом богатые страны попадают в зону преимущественного влияния секулярно-рациональных ценностей, в то время как бедные – в зону традиционных. Таким образом, было доказано наличие взаимосвязи между ценностями и уровнем экономического развития.

Вместе с этим в работах Р. Инглхарта было показано еще одну закономерность, а именно, наличие комплексных и системных сдвигов в ценностных ориентациях населения исследуемых стран с 1981-1982 по 1995-1998 гг. Выявлено, что наиболее распространенная траектория изменения ценностей во многих странах – перемещение к полюсу секулярно-рациональных ценностей, а значит, к ценностям самовыражения. В то же время посткоммунистические страны (например, Россия, Беларусь) демонстрируют противоположные сдвиги.

Заметим, что кроме вышеупомянутых методик, в практике измерения культур были разработаны и другие подходы, наиболее известными из которых являются теории культурных дилемм Тромпенаарса, культурных синдромов Г. Триандиса, социальных аксиом М. Бонда и К. Леунга и др. (подробное описание методик содержится в [63; 69; 122]).

Так, например, Ф. Тромпенаарсом и Ч. Хампден-Тернером была предпринята попытка проследить связь между религиозными, хозяйственными ценностями, социальной направленностью ценностных систем и моделями социально-экономического устройства отдельных стран мира [122]. В табл. 3.3, в которой представлены результаты, полученные этими учеными, страны сгруппированы по основным социально-экономическим моделям, последние оказываются взаимосвязанными с доминирующими религиозными конфессиями [78, с.54].

Во второй графе (К) приведены результаты ответов респондентов на вопрос что, по их мнению, представляет собой компания – прежде всего организацию, призванную выполнять определенные функции (100), или коллектив, от отношений, между членами которого и зависит его деятельность (0). Результаты свидетельствуют о том, что по уровню утилитарной направленности представлений о характере организации экономической деятельности представители постсоциалистических и, прежде всего, православных стран, значительно превзошли даже представителей англосаксонских стран (72 – Болгария, против 56 – США). Показатели по православным странам несколько превышают показатели по католическим, но и по этим странам функциональная направленность деятельности оказывается существенно выше, чем в других странах выборки.

Третья, четвертая и пятая графы отображают результаты исследования соотношения между индивидуальной и коллективной направленностью экономической деятельности (И/К). В первом вопросе респондентам предлагалось выбрать между индивидуальной свободой (100) и качеством жизни (0). Респонденты из постсоциалистических стран отдали незначительное преимущество индивидуальной свободе. По этому показателю эти страны немного уступают англосаксонским, северо- и центральноевропейским государствам и, одновременно, опережают южноевропейские страны и существенно отличаются от латино-американских, конфуцианских и мусульманских, население которых отдало предпочтение качеству жизни.

Довольно интересную информацию дают ответы на второй вопрос – о приоритете в оценке работы в организациях индивидуальных заслуг (100) или результатов деятельности всего коллектива в целом (0). Абсолютное большинство респондентов из постсоциалистических стран (от 79 – в Болгарии до 86 – в России) информировало о преимуществе в оценке труда в их организациях индивидуальных заслуг работников и по этому показателю далеко опередили все страны, представленные в выборке. Так, если в среднем по постсоветским странам он составляет 82,25, то по англосаксонским – 67, североевропейским – 68,21, центральноевропейским – 66, не говоря уже о конфуцианских, мусульманских, латиноамериканских странах.

Таблица 3.3

Характеристики национальных культур по Ф. Тромпенаарсу

Страны	К*	И / К			К/Д	Р	С	ВГ	М	И	Ф
		1	2	3							
Англосаксонская СЭМ											
Великобритания П **	52	61	70	48	82	56	89	4,5	78	3	93
Австралия П, К	54	63	64	58	82	70	86	4,11	97	2	98
Канада К, П	54	71	62	53	77	65	87	4,38	95	1	95
США П, К	56	69	72	54	85	75	87	4,3	83	1	92
Европейская континентальная социал-демократическая СЭМ											
Североевропейская СЭМ государства общего благосостояния											
Дания П	50	67	59	53	84	49	92	5,22	87	1	100
Норвегия П		54	72		77	77	94	4,56	87	2	97
Финляндия П	48	64	76	38	70	41	89	5,11	85	3	98
Швеция П	52	60	66	40	89	54	87	5,23	73	2	89
Центральноевропейская СЭМ (социальное рыночное хозяйство)											
Германия К, П	48	53	62	36	75	40	74	4,69	87	2	92
Австрия К	46				79	25	51	5,44	75	5	94
Нидерланды К, П	57	65	70	43	83	30		4,63	81	2	92
Швейцария К, П	40	66	66	32	83	34	73	4,88	92	2	92
Североевропейская СЭМ											
Испания К (ЛА)	50	63	75	46		13	82	4,42		4	83
Италия К	49	52		32	75	33	80	4,44		3	88
Португалия (Бразилия)	27	44	59	55		39	86	5,62		3	98
Франция К	40	41	49		81	33	83	4,89		4	95
Постсоветские страны Восточной Европы											
Польша К	67	59	80	60	71	21	80	4,31	74		77
Венгрия К, П	63	56	84	66	17	19	83	5,25	62		82
Православные страны											
Болгария Прав., М	72	59	79	59		16	78		67	4	73
Россия Прав.	69	60	86	69	22	30	74	4,75	53		80
Конфуцианская СЭМ											
Китай Конф., Б, М, Д	46	41	57	37	18	28	81	5,07	57	5	85
Япония Конф., С, Б	39	39	43	32	45	26	79	4,72	69	4	80
СЭМ стран с доминированием индуизма и буддизма											
Индия И, М,	43	37	44	36	46	37	57	4,03		5	91
Мусульманская СЭМ											
Египет М, Хр	61	30	40	44		4		4,83	32		95
Индонезия М	46	44		16	22	24		4,55	52	4	89
Малайзия М, Б, И	41	45	56	42	75			4,23	63	5	100
Пакистан М	61	52	71	38	65		78	5,47	75	5	91
СЭМ стран Латинской Америки											
Мексика К	46	32	43	40		31			80	5	88
Бразилия К	43	40	49	33		33	70	3,85	74	5	91

В третьем вопросе респонденты определяли, кто должен нести ответственность за ошибку на производстве – тот, кто ее сделал (100), или весь коллектив (0). По этому вопросу также уровень индивидуалистической направленности выходцев из социалистического лагеря оказался наибольшим.

Здесь в одном диапазоне оказываются как православные Болгария и Россия, так и католические Польша и Венгрия. Средний балл по четырем странам – 63,5, для сравнения в англосаксонских странах он составляет 53,25, североевропейских – 43,7, центральноевропейских – 37, конфуцианских – 35,5, мусульманских – 35.

Среди вопросов, с помощью которых Ф. Тромпенаарс определял уровень диффузности национальной культуры (К/Д), был и такой: «Обязана ли компания предоставлять своим работникам жилье?» (100 – нет), (0 – да). Абсолютное большинство респондентов из постсоциалистических стран считают, что обязана. По этому показателю постсоветские страны (за исключением Польши) также оказались как едиными в ответах, так и наиболее «консервативными». Средние показатели по англосаксонским странам 81,5, 80 – северо-, 80 – центрально-, 78 – южноевропейским, 54 – мусульманским странам. В Японии этот показатель составляет 45, в Индии – 46.

Преобладающий характер рациональности деятельности (целевой или ценностной) (Р) можно определить исходя из ответа на вопрос, готов ли респондент действовать руководствуясь собственными убеждениями даже если это не дает возможности достичь поставленной цели, или же главным в деятельности есть достижение цели, даже вопреки собственным убеждениям (100 – целевая рациональность, действия исходя из конечного результата, 0 – ценностная рациональность, действия определяются мировоззренческими ценностями человека, независимо от конечного результата). Средний результат по постсоциалистическим странам (21,5) приближает их к мусульманским странам и существенно отличается от показателей англосаксонских (66,5), северо-(55,25) и центральноевропейских (32,25) стран. По этому показателю православные страны демонстрируют полярные позиции среди стран с переходной экономикой.

Ф. Тромпенаарс исследовал также зависимость статуса, уровня уважения к человеку (С) от его собственных достижений (100) или от происхождения (0). По уровню уважения к собственным достижениям постсоциалистические страны несколько уступают североевропейским, англосаксонским странам, имеют одинаковые показатели с североевропейскими, конфуцианскими странами, опережают страны центральной Европы. Католические Польша и Венгрия по этим показателем несколько отличаются от православных стран. Но эти отличия незначительны.

По характеристикам временного горизонта (ВГ) постсоветские страны оказываются ближе к северо- и центральноевропейским странам, перспективы планирования собственной деятельности оказываются более отдаленными, чем у представителей англосаксонских стран, но существенно уступают странам Северной Европы. Системы мотивации лишь опосредованно, особенно в трансформационных экономиках, влияют на характер ориентации во времени. Больше того, в кризисных экономиках ситуация не очень благоприятная для долгосрочного планирования. Поэтому результаты опроса по постсоциалистическим странам выглядят довольно оптимистически. Нужно выделить Венгрию. Ведь по профилю ценностей, по Г. Хофстеду, она

оказывается близкой к англосаксонским странам, а вот по уровню долгосрочной ориентации значительно их опережает.

Уровень допустимого вмешательства менеджеров постсоветских стран в деятельность подчиненных (М) оказывается значительно выше (средний балл 64, где 100 – полная самостоятельность подчиненных), чем в англосаксонских (88,25), северо- (83) и центральноевропейских (83,75) странах. Одновременно он совпадает с показателями конфуцианских и оказывается меньше, чем в мусульманских. По этому показателю православные страны несколько превосходят католические, но и в последних имеет место существенно низший уровень самостоятельности подчиненных, чем в европейских странах.

Иерархичность (I) – расстояние между высшим руководством и подчиненными – ранжируется в исследовании от 1 – наименьшей, до 5 – наибольшей. Из постсоциалистических стран мы имеем данные лишь по Болгарии (4). Есть данные по православной Греции (4). Это существенно больше, чем по англосаксонским (средняя 1,75), северо- (2) и центральноевропейским (2,75) странам.

Отличаются постсоциалистические страны и взглядами на назначение организационной структуры (Ф). Больше внимание (78), чем в других представленных в выборке странах (94,5 – англосаксонские, 96 – северо-, 92,5 – центрально-, 91 – южноевропейские, 82,5 – конфуцианские, 93,75 – мусульманские, 89,5 – латиноамериканские), отводится личности руководителя (0) на противоположность тем функциям, что он должен выполнять в организации (100) [79].

В целом результаты исследования Ф. Тромпенаарса и Ч. Хампден-Тернера подчеркивают определяющее влияние на дифференциацию культур следующих троих параметров – достижение-происхождение, индивидуализм-коллективизм и комбинированного параметра, включающий в себя элементы первых двух вместе с элементами дистанции власти, конфуцианского динамизма, эгалитаризма и интеграции [84, с. 591].

Необходимо отметить, что при всех имеющихся в перечисленных выше методиках различиях, их объединяет одно – стремление авторов отразить то, как ценности культуры определенного общества отражаются в его социальных институтах.

Несколько иной подход к рассмотрению ценностей был предложен израильским психологом Ш. Шварцем. Ученый разработал две независимые методики, которые отражали два уровня анализа – общественный (культурные ценностные ориентации) и индивидуальный. Основываясь на исследованиях ценностей, представленных философской и религиозной мыслью прошлого, Ш. Шварц объединил их в отдельные блоки в соответствии с типами мотиваций и представил в виде так называемых полюсов на трех осях: автономия и принадлежность (ранее консерватизм); иерархия и равноправие; мастерство и гармония (см. рис. 3.1).

Рис. 3.1. Структура культурных ценностных ориентаций по Ш. Шварцу [159]

Ценности автономии характерны для культур, в которых основное внимание сосредотачивается на независимости и самостоятельности человека, который способен развивать и выражать свои собственные предпочтения, чувства, идеи. Ш. Шварц выделил два типа автономии – интеллектуальную (предусматривает независимость, открытость, широту взглядов, способность к изобретательству) и аффективную (стремление к наслаждениям, гедонизм).

С позиций ценностей принадлежности (имеется в виду безопасность, конформизм, уважение к традициям, моральный долг, социальный порядок) личность рассматривается как принадлежащая коллективу. В культурах, где преобладают такие ценности, присутствует ориентация на сохранение существующего порядка и уклонение от действий, нарушающих групповую солидарность. Смысл жизни людей усматривается, в большей степени, в налаживании социальных отношений, идентификации с группой для сосуществования и достижения групповых целей. Таким образом, автономия и принадлежность характеризуют имеющийся в каждом обществе уровень соотношения между индивидуализмом и коллективизмом.

Иерархия и равноправие отражают то, настолько люди склонны к координации своих действий. Первая предполагает высокую оценку социальной ответственности, реализуемой через иерархическую систему ролевых установок. В культурах, где доминируют подобные ценности, неравенство при распределении власти считается легитимным и обусловлено всем процессом социализации. С другой стороны, равноправие поощряет признание равенства всех людей перед моралью и законами, установленными в обществе благодаря общему согласию. Социальная ответственность при доминировании ценностей равноправия достигается на основе признания прав других, усвоения общих представлений о справедливости, свободе, равенстве, честности.

Показатели мастерства и гармонии диагностируют отношение людей к природному и социальному окружению. Первый показатель сосредоточивает в себе ценности амбиций, успеха, смелости, компетентности и отражает стремление к изменениям окружающей и социальной среды для достижения личных или групповых целей. С позиций же гармонии человек должен воспринимать мир таким, каким он есть. При этом преобладает стремление к его сохранению, а не перестройки, что вызывает доминирование ценности единения с природой, высокой оценки прекрасного.

Так же, как и Г. Хофстед, Ш. Шварц выделил типичные для каждого общества культурные ценностные ориентации путем усреднения ценностных приоритетов людей, выявленных по данным выборок каждой из культур. На рис. 3.2 показана двухмерная модель взаимосвязи между содержанием и структурой культурных ценностей, которая была определена на базе 233 выборок (участвовали 72 страны и 81 культурная группа).

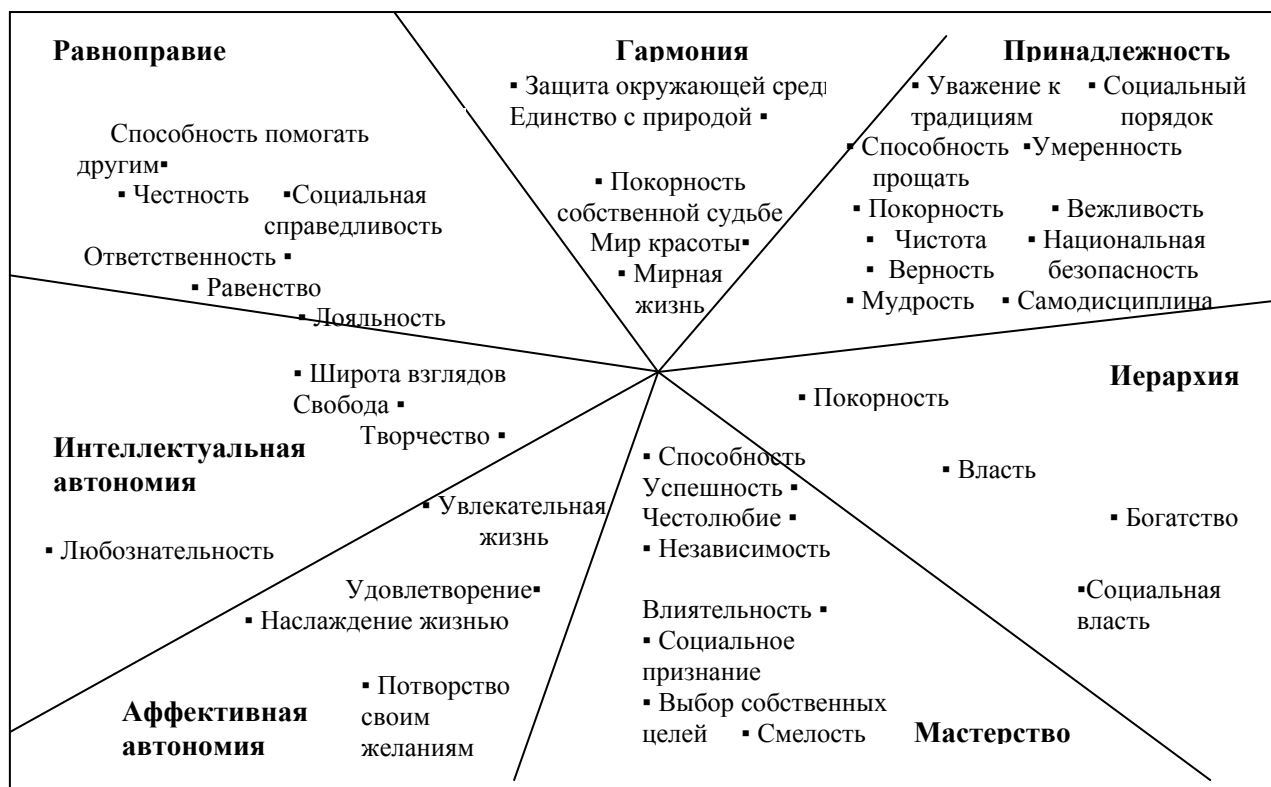

Рис. 3.2. Схема взаимосвязи между содержанием и структурой культурных ценностей [160]

На данном рисунке все пометки, размещенные рядом с надписями, соответствуют пунктам опросника. Так, чем выше значение корреляции между любой парой ценностей, тем ближе друг от друга они расположены на схеме. Соответственно, чем корреляция меньше, тем более отдаленные друг от друга пометки на рисунке. Как видим, в результате анализа выявлено семь ценностных ориентаций, согласно которым пункты, априорно выбранные для представления каждой из них, локализованы внутри отдельной клиновидной

зоны на схеме. В каждой из этих зон размещены ценностные ориентации противоположного содержания (автономия-принадлежность, иерархия-равноправие, мастерство-гармония), из которых формируются три полюса широких культурных измерений.

В начале 1990-х годов Шварц провел сравнительный анализ ценностей в странах Восточной и Западной Европы и определил основные ценностные приоритеты этих регионов. Для выявления культурных особенностей каждого из них ученый проанализировал данные опроса преподавателей и студентов в 54 странах (включая 9 стран Восточной Европы), что соответствовало 67 национальным группам. По результатам исследования на основе многомерного шкалирования ценностей было построено карту культурных дистанций между нациями (см. рис. 3.3).

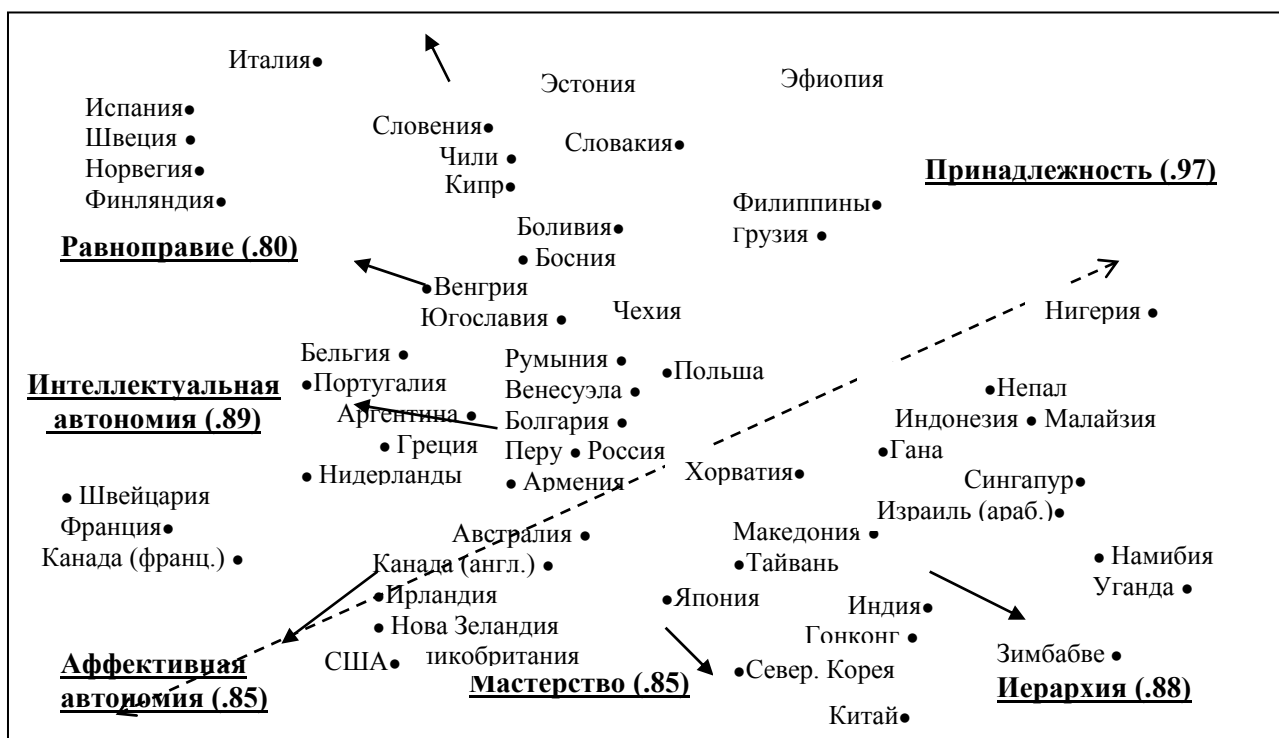

Рис. 3.3. Карта дистанций по семи культурными ориентациями между 67 нациями [161]

На этой карте выделено 7 культурных групп: Западная Европа сверху слева, Восточная Европа в центре сверху, англоязычные нации слева внизу ближе к центру, латиноамериканские нации в центре, Южная Азия внизу справа от центра, конфуцианские культуры под ними справа, африканские – еще правее. Размещение элементов на карте показывает, что те страны, в которых оценки автономии, равноправия и мастерства имеют высокий уровень, наиболее развиты. И, наоборот, страны с преобладающими ценностями принадлежности, иерархии и гармонии в своем большинстве являются бедными.

Выяснилось, что для представителей стран Восточной Европы (Болгария, Грузия, Польша, Россия, Словакия, Словения, Чехия, Венгрия, Эстония) более выраженными являются консерватизм и иерархия, в то время как для Западной Европы – равноправие, мастерство, интеллектуальная и аффективная автономия. Поскольку в странах Восточной Европы малозначимым считаются ценности равноправия и автономии (способствуют утверждению и поддержанию демократии), а также слабо выражены автономия и мастерство, (являются ценностной основой для развития свободного предпринимательства), то в этих странах наблюдается тенденция перекладывать ответственность в деле обеспечения своих потребностей на государство, а не желание брать ее на себя, а, значит, рисковать и напряженно работать. Другими словами, исследования Шварца свидетельствуют, что преобладающие в восточноевропейских странах ценности не способствуют утверждению там классических моделей рыночной экономики, а наоборот, ориентируют на патернализм, подчинение власти.

Индивидуальные ценности исследовались Шварцем на основе портретного опросника, включающего 21 описание людей. Ценности были сгруппированы в 10 различных блоков (типов мотиваций), обусловленных потребностями человека, которые определяют направленность его конкретных действий и всей жизненной активности. Взаимосвязи блоков схематично показаны в виде круга, разделенного на 10 секторов, в которых размещены типологические индексы: власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброжелательность, традиция, конформность, безопасность. Эти сектора объединены в 4 больших блока, формирующих полюса двух ценностных осей: «нацеленность на изменения – сохранение» и «выход за пределы своего собственного Я – самоутверждение» [161].

Выделенные на рис. 3.4 пары ценностных категорий, расположенные друг напротив друга, вступают во взаимно-обратные отношения – когда вместе с ростом значимости одной категории ценностей важность изображенной напротив снижается.

Власть отражает социальный статус, престиж, контроль или доминирование над людьми и ресурсами (исходя при этом из потребности в автономии и независимости). Ценностная категория достижимости отражает личный успех индивида и его демонстрацию через результаты и способности, которые отвечают социальным стандартам (удовлетворяя при этом потребность в самореализации). Гедонизм характеризует степень удовлетворения индивида уровнем своей жизни, чувственное наслаждение, которое он получает в процессе удовлетворения потребностей. Стимуляция, в свою очередь, показывает полноту жизненных ощущений, яркость эмоций, а также новизну и способность к конкуренции, которые необходимы для поддержания оптимального уровня активности организма человека. Самостоятельность характеризует независимость лица в мыслях и в принятии решений (т. е. ее

самовыражение), универсализм демонстрирует понимание, терпимость, благодарность и стремление поддерживать благосостояние всех людей, а также гармонизировать взаимодействие человека с природой.

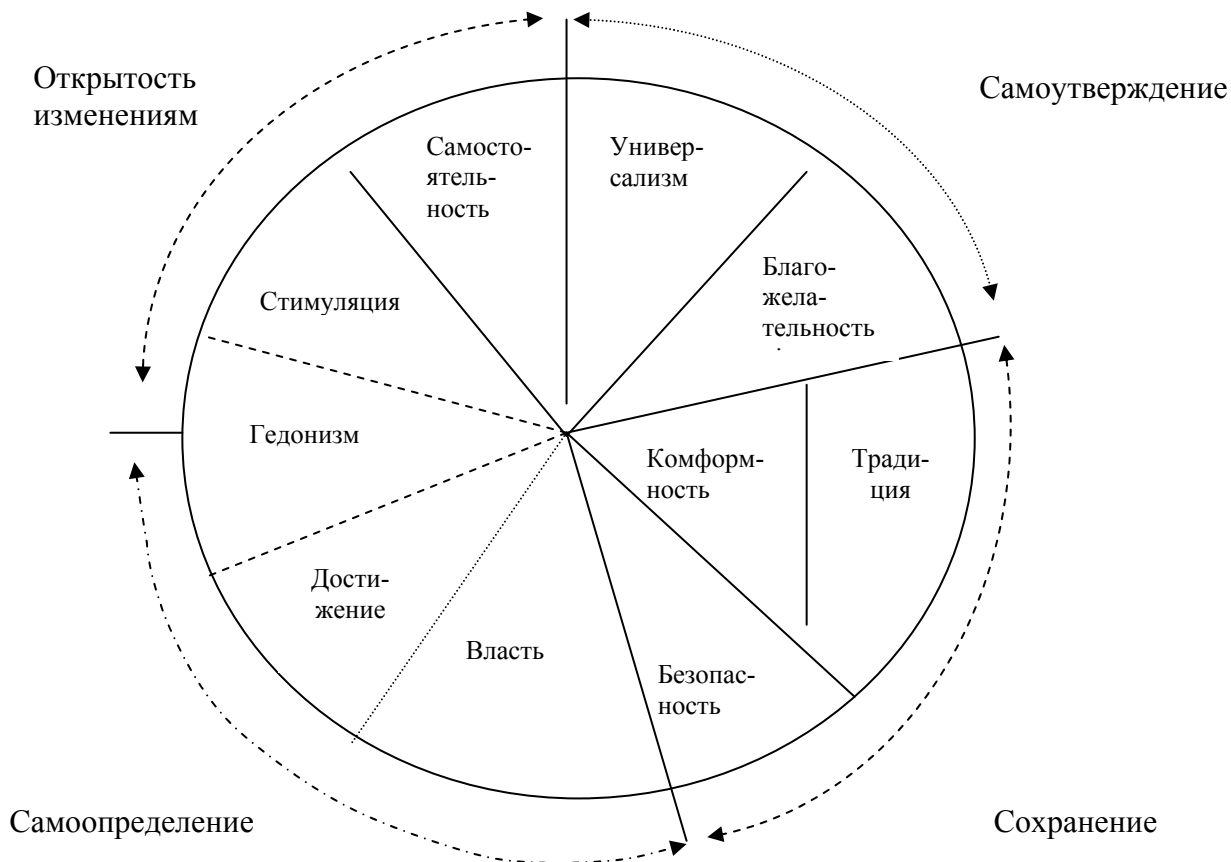

Рис. 3.4. Схема взаимосвязей между десятью типологическими ценностными индексами в модели Ш. Шварца [161]

Доброжелательность направлена на поддержку и повышение благосостояния только тех людей, с которыми человек лично вступает в тесные отношения (удовлетворяя при этом потребность в положительном взаимодействии). Традиция способствует уважению, восприятию обычаев и идей, которые выходят из традиционной культуры и религии (за счет подражания традициям люди избегают неопределенности). Комфортность ограничивает действия и склонности человека, которые могут нанести ущерб другим, а также нарушить общественные нормы и социальную гармонию (в этом реализуется потребность в самосохранении и выживании). Безопасность означает стремление к стабильности, гармонии, защищенности отдельной личности, семьи, а также всего общества (т. е. происходит удовлетворение потребностей, связанных с безопасностью).

Если среди членов общества доминируют ценности, сосредоточенные в блоках, где предусмотрен выход за пределы своего Я, а также стремление к переменам, то там наблюдается более четкая нацеленность на либеральное экономическое устройство общества, а доминирование ценностей сохранения и

самоутверждения означает стремление такого общества к государственно-патерналистским моделям.

Таким образом, применяя описанные диагностики ценностей, в том числе наиболее распространенные методики Г. Хофстеда, Р. Инглхарта и Ш. Шварца, сегодня ученые имеют возможность выявить доминирующие ценности того или иного общества, а также выяснить, насколько социально-экономические модели развития определенных стран приближены или удалены друг от друга. Построив сводную таблицу 3.4 показателей рассмотренных нами наиболее распространенных методик, можем сделать вывод об определенном соответствии между ними.

Таблица 3.4

Сравнительный анализ показателей, используемых в наиболее распространенных методиках

Методики		
Г. Хофстеда	Р. Инглхарта	Ш. Шварца
Индивидуализм (IDV)	традиционные / секулярно- рациональные ценности	Автономия, независимость
Дистанция власти (PDI)	Ценности выживания / самовыражения	Иерархия, равноправие
Маскулинность (MAS)	Соответствия нет	Соответствия нет
Избегание неопределенности (UAI)	Соответствия нет	Соответствия нет
Долгосрочная ориентация (LTO)	Соответствия нет	Соответствия нет

Как свидетельствуют данные табл. 3.4, во всех методиках практически аналогичными являются показатели, характеризующие ментальные ценности индивидуализма и иерархичности. Более того, именно Шварц обнаружил корреляцию введенных им показателей с индикаторами Хофстеда по результатам исследования 57 наций. Показатели индивидуализма коррелируют с принадлежностью (-0,59), аффективной автономией (0,63) и интеллектуальной автономией (0,49). Дистанции власти концептуально пересекается с биполярным измерением иерархия-равноправие, при этом коэффициент корреляции с показателем иерархия составляет 0,30, а с равноправием 0,46.

Результаты корреляционного анализа показателей Инглхарта демонстрируют наличие связи между традиционализмом / секулярным рационализмом и принадлежности (-0,51), аффективной автономией (0,42) и интеллектуальной автономией (0,51). Выживание / самовыражения коррелирует с равноправием (0,73) и с иерархией (-0,41). Между другими ценностными

показателями было выявлено достаточно слабую корреляционную связь или констатировано полное ее отсутствие.

Как свидетельствует проведенное сравнение, присутствие в трех методиках аналогичных показателей (индивидуализма и иерархии) является не просто стечением обстоятельств. Именно эти показатели считаются базовыми ценностями неформальных институтов западноевропейской цивилизации, поэтому их наиболее часто используют в исследованиях, посвященных институциональному проектированию.

Глава 4. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

4.1. Украина, Россия, Беларусь на ментальной карте мира

Благодаря созданию и применению новых методологических подходов к измерению социокультурных ценностей для исследователей открылась возможность учитывать влияние культуры на экономику, причем не только в качественном, но и количественном аспекте. К концу XX века уже был накоплен обширный массив данных об особенностях ментальности народов различных стран мира, который позволял устанавливать связи между культурными факторами и макроэкономическими показателями их развития, а также проводить сравнительный анализ отдельных национальных экономических систем как в статике, так и в динамике.

Страны постсоветского пространства на протяжении длительного периода в силу причин идеологического характера были закрыты для подобных исследований, поэтому массовые опросы населения с целью диагностики ценностей не носили в них более-менее систематического характера. Самыми ранними из обращений к российской ментальности можно считать оценки самого Г. Хофстеда, которые были представлены ученым в своей наиболее известной работе «Влияние культуры: международные различия трудовых ценностей» (1980г.) [146]. Показатели, которые использовались Г. Хофстедом в этом исследовании, носили экспертный характер и были рассчитаны по данным национальной статистики, описанию российских архетипов в литературе и истории, результатам локальных исследований, которые тем или иным образом касались вопросов ментальности.

В 90-х гг. XX в. стали доступными хотя и малочисленные, но уже такие данные, которые базировались не на экспертных оценках, а на результатах социологических исследований. В 1989 г. французский консультант Д. Боллингер опросил по методике Г. Хофстеда 55 слушателей московской Высшей коммерческой школы [137], приблизительно в то же время было проведено аналогичное исследование в Иваново на выборке 70 человек. Именно на данных этих опросов Г. Хофстед количественно оценил российскую ментальность в своих работах 1994 и 2001 гг. [147-148].

В период с октября 1995 г. по июнь 1996 г. А. Наумов предпринял попытку выявления национальных особенностей россиян по методике Г. Хофстеда применительно к сфере управления бизнесом. Ученым были опрошены 216 граждан России с незаконченным и законченным высшим образованием из числа студентов и слушателей школ бизнеса, преподавателей, администраторов и предпринимателей, связанных в той или иной степени с деловой активностью. Такая целевая выборка была сформирована А. Наумовым с целью получения наиболее адекватных результатов, которые бы в наибольшей степени соответствовали контингенту респондентов, представленных в

пионерном опросе Г. Хофстеда сотрудников ИБМ как представителей деловой культуры более чем 50 различных стран мира.

Следует подчеркнуть, что данное исследование носило региональный характер – в выборке были представлены респонденты из пяти регионов России: Бассейн реки Волги (59 чел.), Москва и Центр Европейской части (76 чел.), Уральско-Сибирский регион (54 чел.), Северо-Запад России (15 чел.), Юг России и Северный Кавказ (12 чел.), что является важным для стран, которые имеют большую территориальную протяженность и носят многонациональный характер [91].

В 2006 г. данное исследование было повторено А. Наумовым совместно с И. Петровской среди слушателей программы МВА Высшей школы бизнеса МГУ, обучавшихся без отрыва от производства, а также работодателей (предпочтение отдавалось производственным компаниям). Опрос был осуществлен на выборке 321 респондент (из них – 236 мужчины, 85 женщины). В региональном разрезе исследованием было охвачено также пять регионов России, которые, однако, несколько не совпадали с опросом 1996 г. Это были: Москва и Санкт-Петербург (170 чел.), Урал, Сибирь, Дальний Восток (63 чел.), Центр европейской части России (22 чел.), Юг европейской части России (4 чел.), Север европейской части России (не включая Санкт-Петербург) (62 чел.)

Результаты данного исследования в региональном разрезе представлены в табл. 4.1.

Таблица 4.1

Показатели измерения национальной культуры в России

Измерители / показатели	Хофстед (до 1991)	Хофстед (2000)	Наумов (1996)	Наумов, Петровская (2006)
Индивидуализм (IDV)	50	39	41	36
Дистанция власти (PDI)	95	93	40	33
Маскулинность (MAS)	40	36	55	48
Избегание неопределенности (UAI)	90	95	68	70
Долгосрочная ориентация (CDI (LTO))	10	81	59	62

Источник: [92, с. 78].

Как свидетельствуют данные табл. 4.1, результаты первого опроса российских респондентов по методике Г. Хофстеда, проведенного А. Наумовым в 1996 г. и его последующей попытки 2006 г., показали значительные различия между оценочными данными, которые фигурировали в ранних работах Г. Хофстеда, и данными, полученными на основе эмпирических исследований.

По всей выборке россияне оказались людьми, имеющими достаточно низкие как показатели индивидуализма (36), так и дистанции власти (33). И если значение показателя «Индивидуализм» практически совпадало с оценками, полученными Хофстедом по советской России в 2001 г. (39), то относительно дистанции власти (33 против 90 у Хофстеда) возникали определенные вопросы. Сам А. Наумов объяснил такой разрыв в показателях тем, что в соответствии с используемым вопросником респондентам предлагалось, в первую очередь, оценить те аспекты, которые связаны с их восприятием организации, а не общества в целом.

Следование западным стандартам взаимодействия в организации, появление нового поколения менеджеров и работников в перестроечное время, как отмечает автор, привели к изменению характера взаимодействия между начальником и подчиненными в пользу большей индивидуальной свободы. При этом, анализируя ответы респондентов на вопросы из блока «Индивидуализм-Дистанция власти», А. Наумов обнаружил определенную двойственность: с одной стороны, рост индивидуализма как результата реформ, направленных на перераспределение экономической и политической власти в стране, а также вхождения России в информационное общество, а с другой – повышение дистанции власти на уровне организации. Исследователь указывает, «что хотя дистанция власти в целом снижается, наибольшее согласие у респондентов все же вызвало утверждение о том, что руководитель должен быть властным и авторитарным... больше всего среднестатистический российский «деловой» респондент *не хочет*, чтобы «руководитель делегировал ему важные задачи», но при этом менее всего *желает*, чтобы игнорировали его мнение. Такое положение дел подтверждает вывод о двойственном характере «русской» модели участия в управлении, определяемой формулой: «*желаю участвовать, но не брать на себя ответственность*» [92, с.89-90].

Также отличными от Хофстедовых оказались в этом опросе и показатели избегания неопределенности (95 у Хофстеда и 70 у Наумова и Петровской). Авторы считали, что сильное избегание неопределенности, зафиксированное Хофстедом, было свойственно российским гражданам в периоды застоя и перестройки, когда реальное и формальное вступали во все большее противоречие друг с другом. Данные проведенного исследования, по мнению исследователей, скорее отражают то влияние, которое оказала на величину этого показателя происходящая трансформация в российском обществе, когда рыночная экономика и гражданское общество вносили все больше неопределенности, снятие которой возлагалось на самого индивида. Детальное рассмотрение ответов по данной позиции вопросника показало, что российские респонденты выше всего ценят наличие правил и положений, а также инструкций в работе. При этом меньше всего они верят в полезность стандартизации рабочих процедур и то, что руководители ожидают от них точного выполнения инструкций. Иначе говоря, правила и инструкции оказываются нужными, но ожидание того, что работники будут им следовать, по-прежнему остается низким. Вероятно, допускают исследователи, в России

сохраняется двойственная ситуация, когда письменные правила рассматриваются как необходимый атрибут организационной жизни, но при этом не совпадают с неписаными нормами поведения и поэтому зачастую не выполняются.

Относительно долгосрочной ориентации следует отметить, что ее значение хоть и не кардинально, но все-таки отличалось от показателя, полученного Хофстедом (81), в сторону более низкого значения (62). Данные различия А. Наумов и И. Петровская объяснили разными смысловыми значениями самого понятия долгосрочности. Долгосрочная ориентация, связанная с накоплением и сбережением материальных ресурсов, отмечают исследователи, действительно может быть не свойственной носителям российской культуры. Исторический опыт свидетельствует, что в российском обществе в силу внешних обстоятельств накопления населения не раз терялись безвозвратно.

Если же смотреть на этот показатель в контексте отношений между людьми, то российская культура достаточно долгосрочно ориентирована: межличностные отношения (как с эмоциональной точки зрения, так и с точки зрения накопленного социального капитала) являются безусловной ценностью в российской культуре, и построение долгосрочных отношений рассматривается как одна из важных жизненных задач. Таким образом, показатель долгосрочности является одним из самых сложных для понимания двойственного характера культуры россиян, которые, с одной стороны, предпочитают «готовить сани летом, а телегу зимой», а с другой – считают, что «одно *нынче* лучше двух *завтра*» [92, с.93].

В данном исследовании обращает на себя низкое значение маскулинности (48), которое А. Наумов и И. Петровская связывают с усиливающейся ролью государства в экономических и социальных процессах. Снижение уровня гражданственности общества, реприватизация и огосударствление промышленности, национальные проекты социальной направленности, по мнению авторов, существенно ослабляет роль мужчины как добытчика и защитника своей семьи, а также ответственного за нее в общественных делах. Также немаловажное значение имеет «наступление» информационного общества, которое требует усиления «женственности» культуры. Это происходит в силу того, что остающиеся неавтоматизированные производства в российской экономике по-прежнему нуждаются в равной мере и мужского, и женского подходов, а рост числа «белых воротничков, где роль женского поведения естественно выше, значительно расширяет «женственные» образы поведения (например, разрешение конфликта через компромисс или переговоры) [92, с. 82 – 83].

Данные ниже приведенной табл. 4.2, которая отражает региональный аспект исследования А. Наумова и И. Петровской, свидетельствуют об отсутствии каких бы то ни было серьезных отличий деловой культуры в различных регионах России.

Таблица 4.2

Показатели российской национальной культуры для региональных групп респондентов

Показатели	Всего по выборке	Регионы				
		Москва и Санкт-Петербург	Урал, Сибирь, Дальний Восток	Центральная Россия	Южная Россия	Северо-запад (исключая Санкт-Петербург)
Число респондентов	321	170	63	22	4	62
Индивидуализм (IDV)	36	36	35	36	33	36
Дистанция власти (PDI)	33	32	34	30	30	35
Маскулинность (MAS)	48	46	49	46	62	51
Избегание неопределенности (UAI)	70	65	72	73	84	82
Долгосрочная ориентация (LTO)	62	58	61	53	87	75

Источник: [92, с. 79].

Единственное, что можно отметить в качестве региональных особенностей ментальности, так это чуть более высокие значения показателей «Избегания неопределенности» и «Долгосрочной ориентации» по Югу России, а также ее Северо-Западу. Хотя, с научной точки зрения, сравнивать результаты выборки в 4 человека с выборкой в 62, вряд ли можно считать допустимым. Тем не менее даже при имеющихся недостатках, опросы А. Наумова являются очень важными для исследователей ментальности в силу того, что были более масштабными по сравнению с предыдущими, носили региональный характер и отражали ценности в динамике. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку дает основание утверждать о сменяемости ценностей и, особенно, в период трансформационных изменений, которые охватили постсоветское общество в начале 90-х гг. XX века.

В последующее десятилетие кросскультурные исследования в России становятся более динамичными. В 2001–2002 гг. на больших выборках Институтом социологии РАН проводятся опросы по ряду крупных городов России [63–64], рабочие и представители администрации машиностроительных заводов Самары, Муром, Волжска и Москвы становятся объектом исследований В. А. Ядова [133], а в 2003 – 2004 гг. работники кафедры управления человеческими ресурсами Академии ПК и ППРО под руководством Д. Е. Фишбейна проводят опрос школьных педагогов [124–125].

В ходе реализации проекта Центра конфликтологии Института социологии РАН «Региональные конфликты» в течение 2001 – 2002 гг. были опрошены жители двух центральных регионов России – Нижегородского и Ярославского. Объем выборки составлял 557 и 545 человек соответственно, выборка была трехступенчатой. На первой ступени отбирались районы в границах трех

естественно-географических зон (Север, Центр, Юг), расположенных на территории областей. На второй – происходил отбор внутри выделенных районов поселений различного типа, а на третьем – проводилось интервьюирование по квотной выборке с соблюдением пропорций состава населения по полу и возрасту в генеральной совокупности.

Полученные данные (42% – жители Нижнего Новгорода и Ярославля, 38% – городов областного подчинения, 20% – сельские жители) были затем перевзвешены по признаку «род занятий» [64, с.156]. Результаты исследования ментальности по методике Г. Хофстеда для Ярославля и Нижнего Новгорода приведены в табл. 4.3.

Таблица 4.3

Значения показателей ментальности для Ярославля и Нижнего Новгорода, полученных по методике Г. Хофстеда (2001–2002 гг.)

Показатель	Ярославль		Нижний Новгород
	2001 г.	2002 г.	2001 г.
Индивидуализм (IDV)	52,6	50,7	44
Дистанция власти (PDI)	45,3	46,2	47,5
Маскулинность MAS	43,5	40,8	45
Избегание неопределенности (UAI)	–	51,1	–
Долгосрочная ориентация (CDI (LTO))	–	48,9	–

Источник: [64, с.158]

Полученные данные обнаруживают свою схожесть с показателями, полученными А. Наумовым в 2006 г. И жители Ярославля, и жители Нижнего Новгорода демонстрируют приблизительно одинаковые значения «Индивидуализма» и «Дистанции власти» (50,7 Ярославль и 44 Новгород по «Индивидуализму» против 46,2 для Ярославля и 47 для Новгорода по «Дистанции власти»). Если сравнивать эти показатели с теми, которые получил А. Наумов (36 по «Индивидуализму» и 33 по «Дистанции власти»), то можно констатировать их чуть более высокое значение. Практически такой же оказались и значения «Маскулинности» – 40,8 для Ярославля и 45 для Новгорода против 48, которые были получены в 2006 г.

Получается, что россияне являются умеренными коллективистами, склонными к работе в командно-иерархических структурах с жесткими правилами и подчинением, не умеющими и не любящими рисковать и действовать в условиях неопределенности, считающими отношения между людьми важнее формальных успехов и неспособными к стратегическому планированию.

Представленные в исследовании регионы России не обнаружили кардинальных отличий в ментальности, что может свидетельствовать об относительной целостности ментального пространства центральной части

страны (табл. 4.3). В то же время заметна и некоторая дифференциация: как и следовало ожидать, Ярославль, близкий к Москве, отличается более высоким уровнем индивидуализма и меньшей дистанцией власти, поскольку чем ближе к центру, тем сильнее проявляются элементы западноевропейской культуры.

Следует отметить, что полученные во всех вышеупомянутых исследовательских проектах данные дают понимание весьма общих черт российской ментальности и не позволяли проводить межстрановые сравнения – ученые, поводя опросы, использовали свои вариации модификаций различных версий методики Г. Хофстеда, что делало результаты исследований не всегда качественно и количественно сопоставимыми. Например, А. Наумов использовал для опроса свой вариант хофстедовой методики, затем приводил полученные данные по 100-балльной шкале к аналогичным результатам по США, Китаю, Германии, Франции и Японии. В итоге были получены данные, которые давали возможность, хотя и с большой долей вероятности, сравнивать Россию с другими странами (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Хофстедово измерение России по Наумову

	Индивидуализм	Мужественность	Избежание неопределенности	Дистанция власти	Долгосрочность неопределенности
Россия	41	45	68	40	59
США	91	62	46	40	29
Китай	20	50	60	80	100
Германия	67	66	65	35	21
Франция	71	43	86	68	30
Япония	46	95	92	54	80

Источник: [91].

Если сравнить данные табл. 4.4 с результатами, отражающими положение России в исследованиях самого Хофстеда (см. табл. 3.1), то мы увидим их явное несоответствие друг другу. То же самое можно говорить и о сопоставимости результатов других российских опросов с данными, полученными в различных странах мира. Представленная ниже табл. 4.5, которая подытоживает результаты наиболее значимых исследований ментальности по методике Г. Хофстеда, проведенных в России на протяжении 1980–2000-х гг., свидетельствует о достаточно широком «разбросе» оценочных показателей.

В силу этого можно утверждать, что первая возможностью увидеть Россию на ментальной карте мира появилась только после реализации международных исследовательских проектов, которые проводились по единой методике во всех странах, которые принимали в них участие. Так, в проекте «Модуль исследования ценностей» во всех 62 странах использовалась методика Г. Хофстеда Value Survey Module 1994 (VSM 94), а в проекте GLOBE (1995–2002 гг.) – для 52 стран был применен опросник, разработанный Р. Хоузом.

Таблица 4.5

Оценки показателей Хофстеда, полученных в исследованиях, проводимых в России по сопоставимой методике, 1980–2000-е годы*

Проводившиеся исследования	Индивидуализм (IDV)	Дистанция власти (PDI)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Конфуцианский динамизм (CDI или LTO)
<i>Данные несистемных исследований</i>					
Д. Боллингер, данные по России в целом (публикация 1994 г.): выборка 55 чел., не репрезентативна	26	76	не рассчитывался	92	не рассчитывался
Ю. В. Латов, Н. В. Латова, данные по г. Туле (исследование 2003 г.): выборка 620 чел., репрезентативна для города	65	43	37	97	46
Д.Е. Фишбейн, данные по учителям России (исследование 2003-2004 гг.): выборка 2200 чел., репрезентативность не ясна	47	32	12	93	не рассчитывался
<i>Данные Г. Хофстеда</i>					
Россия в целом (публикация 1980 г.): экспертная оценка	50	90	40	90	49
Иваново (исследование 1989 г., публикация 1996 г.): выборка 70 чел., не репрезентативна	39	–	30	–	не рассчитывался
Россия в целом (публикация 2001 г.): источник данных не ясен	39	93	36	95	не рассчитывался
<i>Данные исследовательского проекта В. А. Ядова (2002 г.)</i>					
Весь массив: выборка 518 чел.	55	28	2	121	42
Самара: выборка 75 чел., не репрезентативна	50	19	–26	127	40
Муром: выборка 262 чел., не репрезентативна	56	29	–3	117	43
Волжск: выборка 91 чел., не репрезентативна	50	91	30	136	51
Москва: выборка 90 человек, не репрезентативна	60	27	10	115	34

Продолжение табл. 4.5

<i>Данные, полученные в ходе исследования Ю. В. и Н. В. Латовых (2004 г.)</i>					
Весь массив: выборка 1869 человек	60	52	35	109	45
Ставрополь: выборка 597 человек, репрезентативна для города	48	67	24	135	51
Тула: выборка 572 человека, репрезентативна для города	50	47	33	104	38
Тюмень: выборка 700 человек, репрезентативна для города	82	41	48	91	45

Источник: [63, с. 94]

Как уже подчеркивалось ранее, согласно проекта VSM 94 Россия оказалась страной с показателями: «Дистанция власти» – 93, «Индивидуализм» – 39, «Избегание неопределенности» – 95, «Маскулинность» – 36 (см. табл. 3.1). За период 1995–1996 гг. в рамках проекта GLOBE в России было опрошено 450 менеджеров из трех различных сфер деятельности (телекоммуникация, финансы и банковская сфера, пищевая промышленность), что дало возможность также получить результаты, пригодные для объективных сопоставлений. В проекте GLOBE использовалась схема двойных вопросов: «как должно быть» в организации (представления менеджеров об идеальном состоянии) и «как есть» (реальное положение дел). Результаты опроса по России, а также близость ее показателей с отдельными странами мира представлены в табл. 4.6.

Как свидетельствуют данные этой таблицы, по индивидуализму в ответах группы «как есть» ранг России составляет 41, а в группе «как должно быть» – 35. Близкими к ней по показателям оказались такие страны, как Гватемала, Сингапур, Египет, Индонезия, Таиланд, Мексика. По дистанции власти ранг России оценен респондентами как близкий к уровню «продвинутых» развивающихся стран типа Индии или Турции (41 и 19 соответственно). Российский рейтинг неопределенности для организации «как есть» составил 1, а для «желаемого общества» – 38, что приближает Россию к Венгрии, Гватемале, Боливии, Греции, Венесуэле и Грузии.

Показатель различия полов, который отражает некоторые аспекты индикатора «Маскулинность» у Хофстеда говорит о том, что Россия попадает в группу «женских» культур вместе с Швецией, Намибией, Словенией, Чехией, Португалией и Польшей (52 в реальном состоянии и 33 в желаемом). В России, как считается, для людей важнее не личный, персональный успех, достигнутый любой ценой, а справедливость, связи с друзьями и родственниками, состояние, чтобы хорошо было не только мне, но и тем, кто рядом со мной. Все показатели, которые в методике проекта GLOBE так или иначе отражают долгосрочную ориентацию, указывают на очень короткий для россиян временной диапазон планирования своей жизни (более детальную информацию о результатах проекта GLOBE можно увидеть в табл. 3.2).

Таблица 4.6

Результаты GLOBE по России (рейтинг), а также страны с близкими к ней показателями

Переменная	Ранг России организация «как есть»	Ранг России: общество «как должно быть»	Страны с близкими к России показателями
Ориентация на результаты	3	6	Греция, Венесуэла, Иран, Венгрия, Катар, Италия
Ориентация на будущее	1	22	Аргентина, Польша, Венгрия, Иран, Гватемала, Италия
Различия полов (муж /жен.)	52	33	Швеция, Намибия, Словения, Чехия, Португалия, Польша
Гуманистическая ориентация	25	42	Турция, Намибия, Финляндия, Мексика, Аргентина, Боливия
Дистанция власти	41	19	Индия, Испания, Германия (б. ГДР), Венгрия, Колумбия, Турция
Индивидуализм / коллективизм	41	35	Гватемала, Сингапур, Египет, Индонезия, Тайланд, Мексика
Избегание неопределенности	1	38	Венгрия, Гватемала, Боливия, Греция, Венесуэла, Грузия

Составлено по: [24, с. 30].

Таким образом, полученные данные подтверждают относительно низкий индивидуализм российских респондентов, принятие неопределенности и краткосрочный горизонт делового мышления, умеренные оценки по дистанции власти и весьма низкие по параметру мужественности.

После приведения полученных в проекте GLOBE данных к сопоставимому виду, В. Латов делает вывод о том, что Россия – это страна с явно выраженным коллективистским уклоном: ее индекс индивидуализма составляет 23 для реальной ситуации и 34 для желаемой. Аналогичная процедура по отношению к власти показала, что страна также относится к когорте государств с высокой дистанцией по отношению к власти, поскольку ее реальный индекс равен 77, а желаемый – 36. Перевод шкалы GLOBE в шкалу Хофстеда по показателю избегание неопределенности дал ранг 98 для реального положения дел и 28 для желаемого. Следовательно, по этой оценке Россия относится к странам, для которых регламентация и предписанные правила значат практически все [63]. Таким образом, по итогам проекта GLOBE согласно трем хофстедовым показателям Россия, – утверждает В. Латов, – демонстрирует сильное тяготение именно к «духу Востока» [63, с. 96].

В дальнейшем, базирясь на собственном исследовании 2004 г., а также данных одного из последних (и на то время единственного общероссийского) опроса по методике Г. Хофстеда, который был проведен в марте 2010 г. под руководством М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой, В. Латов и Н. Латова приходят к выводу, что россияне почти в равной степени отличаются как от «нормального» Запада, так и от «нормального» Востока. Об этом красноречиво говорит одна из проекций национальной культуры – взаимосвязь для

некоторых стран мира между рангами дистанции власти и коллективизма, построенная авторами (рис. 4.1)

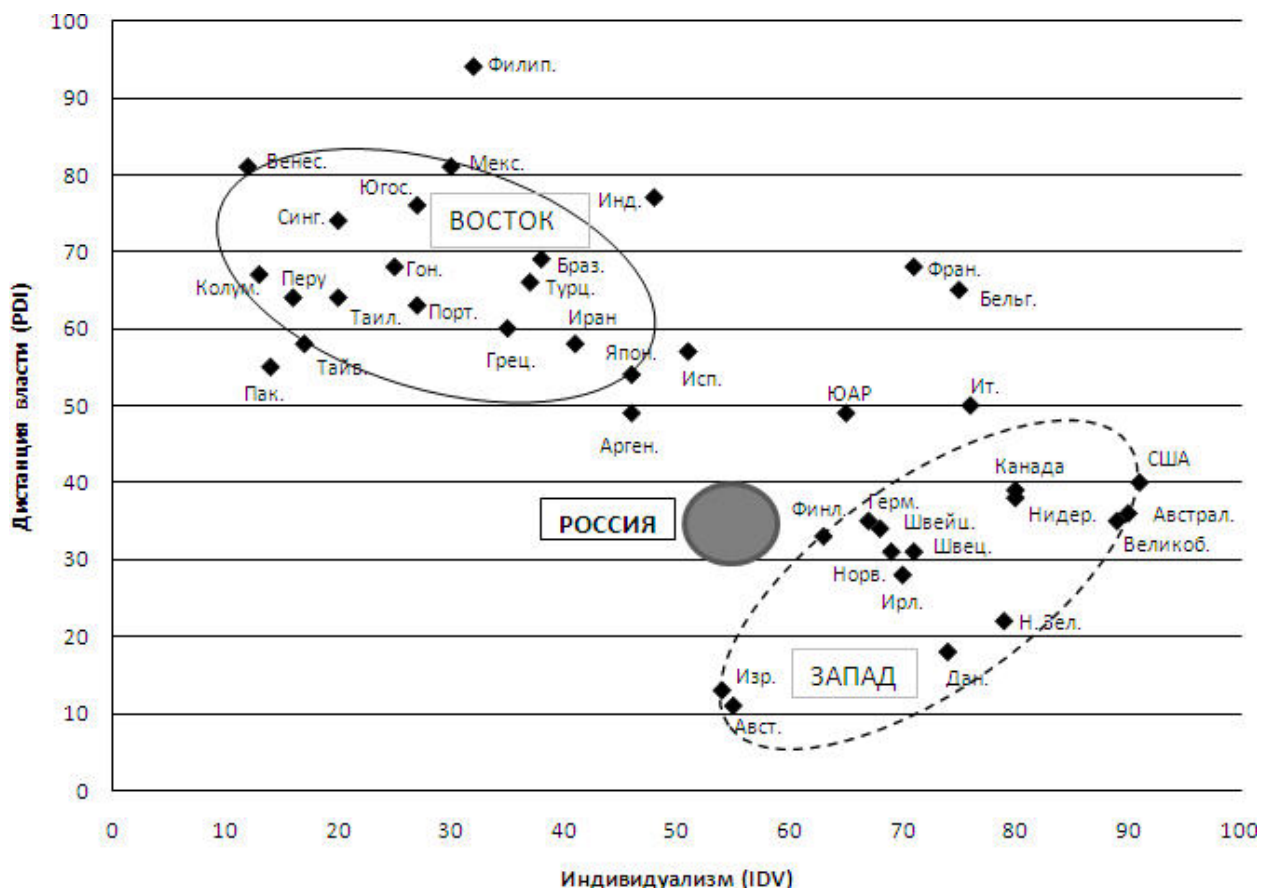

Рис. 4.1. Россия на карте ментальных различий между мегацивилизациями Востока и Запада, согласно методике Г. Хофстеда («пятном» показана авторская предположительная оценка российской ментальности в целом)

Сокращения: Авст. – Австрия, Австрал. – Австралия, Арген. – Аргентина, Бельг. – Бельгия, Браз. – Бразилия, Великоб. – Великобритания, Венес. – Венесуэла, Гон. – Гонконг, Грец. – Греция, Изр. – Израиль, Инд. – Индия, Ирл. – Ирландия, Исп. – Испания, Ит. – Италия, Колум. – Колумбия, Мекс. – Мексика, Нидер. – Нидерланды, Н.Зел. – Новая Зеландия, Норв. – Норвегия, Пак. – Пакистан, Порт. – Португалия, Синг. – Сингапур, Таил. – Таиланд, Тайв. – Тайвань, Турц. – Турция, Филип. – Филиппины, Финл. – Финляндия, Фран. – Франция, Швейц. – Швейцария, Швец. – Швеция, Югос. – Югославия, Япон. – Япония.

На рис. 4.1 центр группировки стран Запада выделен сплошной линией, стран Востока – пунктиром. Видно, что эти две группы довольно сильно отстоят друг от друга. Страны западноевропейской культуры (Запад) сгруппированы в правом нижнем углу, для них типичны сильный индивидуализм и низкая дистанция власти. Страны же Азии, Африки и Латинской Америки (Восток) сгруппированы в левом верхнем углу, демонстрируя слабый индивидуализм и высокую дистанцию власти. Россия же на этой ментальной карте образует особый «остров» (почти в центре карты) наряду с «материками» Востока (левый верхний угол) и Запада (правый нижний угол) [65].

В отношении Украины и Беларуси в аналогичный период было доступно очень незначительное число упоминаний об исследованиях ментальности по методике Г. Хофстеда (см. например, результаты исследования 1999 года под руководством И. Агеевой, которое дало показатели довольно близкие к российским: индекс индивидуализма – 53, дистанции по отношению к власти – 70, избегания неопределенности – 63). Поэтому наиболее значимым из всех существующих малочисленных попыток исследовать ценности по методике Г. Хофстеда в данных странах может считаться исследование, которое было осуществлено Д. Майтри и Т. Бредли в 90-е гг. XX в. и которое охватило 5 400 респондентов в трех восточнославянских странах – России, Украине и Беларуси [156]. Это исследование заслуживает особого внимания прежде всего потому, что оно являлось единственным, которое проводилось во всех трех странах одновременно.

Два других опроса, которые также были проведены по методике Г. Хофстеда уже не носили столь массового характера, а охватывали только одну страну. Так, в рамках кросс-культурного исследования Colaborative International Study of Managerial Stress (CISMS), которое проводилось в 1996 г., было опрошено 265 лиц в Украине [163]. В 2005 г. подобное исследование было осуществлено Р. Кюстином в Минске (выборка насчитывала 1043 респондента) [154]. Табл. 4.7 в обобщенном виде дает представление об индивидуализме и дистанции власти как основных показателях ментальности трех восточнославянских народов, оцененных по методике Г. Хофстеда.

Таблица 4.7

Значения показателей Г. Хофстеда в России, Украине и Беларуси

Страны	Индивидуализм	Дистанция власти
Результаты опроса Д. Майтри и Т. Бредли		
Россия	31	43
Украина	51	23
Беларусь	58	44
Результаты опроса П. Спектра, К. Купера и К. Спаркса		
Украина	54	45
Результаты опроса Р. Кюстина		
Беларусь	66	61

Источник: [65, с. 164].

Как видим, результаты этих трех исследований позволяют утверждать, что показатель индивидуализма в Украине и Беларуси имеет более высокое значение, нежели в России (51 и 58 против 31 согласно Д. Майтри и Т. Бредли). Величина дистанции власти в том же самом исследовании почти одинакова в России и Беларуси (43 и 44), в то время как опрос в Украине показал ощутимо меньшие значения данного показателя (23). Опрос CISMS выявил в Украине более высокий уровень индивидуализма (54) и дистанции власти (45) в

сравнении с данными, полученными Д. Майтри и Т. Бредли. Результаты опроса Р. Кюстина в Беларуси свидетельствуют о довольно высоких значениях показателя индивидуализма (66) и дистанции власти (61).

Несоответствие между одними и теми же показателями Хофстеда во всех трех исследованиях объясняется разным качественным составом выборки. В целом же, если посмотреть на карту ментальности, которая объединяет результаты всех исследований (рис. 4.2), становится очевидным, что восточнославянские страны находятся на ней недалеко друг от друга.

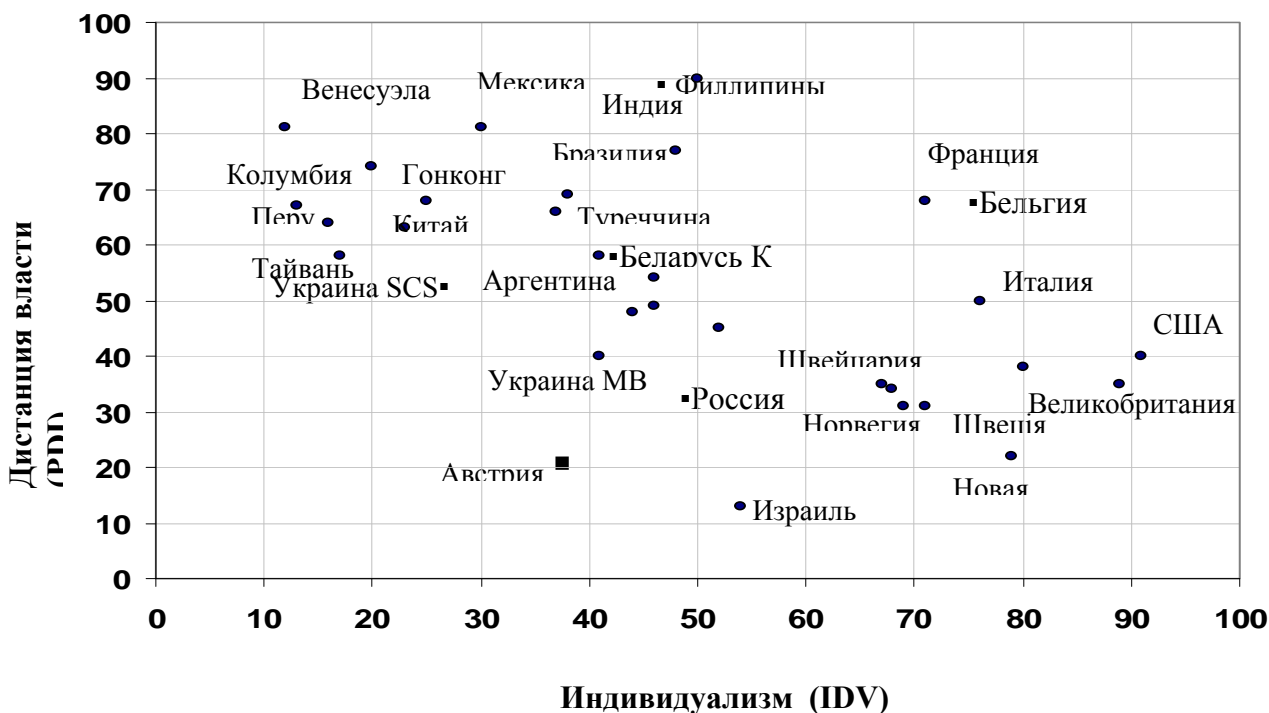

Рис. 4.2. Карта ментальных отличий стран мира в доминировании патернализма (дистанции власти) и индивидуализма, выявленных по методике Г. Хофстеда [66 с. 445].

На вышеприведенной карте видно, что Россия размещается в той же зоне ментальности, что и Украина с Беларусью по данным Д. Майтри и Т. Бредли. Все три страны оказались между Востоком и Западом (хотя Россия – ближе к Востоку, а Украина и Беларусь – к Западу). Таким образом, Россия, Украина и Беларусь являются особым блоком стран с близкими показателями базовых характеристик экономической ментальности. Видимо, как утверждают В. и Н. Латовы, распад СССР не разрушил единого культурно-ментального фундамента православно-евразийской цивилизации.

4.2. Региональная карта ментальности Украины по Г. Хофстеду

Выявление ценностей современных украинцев, а также оценка их влияния на социально-экономическое развитие общества, является достаточно сложной задачей, поскольку сталкивается с дискуссионностью вопросов, касающихся относительной стабильности ценностей. Следует отметить, что в свое время представления, касающиеся данной проблемы, разделились на два направления. Одни исследователи, и их преобладающее большинство, опираясь на классические работы М. Вебера, Д. Норта, Л. Харрисона и С. Хантингтона, считают ценности практически неизменными и малоподвижными [142–143]. Этот факт, по их мнению, достаточно сильно влияет на все стороны общественной жизни и тем самым ограничивает возможности сознательного формирования той или иной модели социально-экономического развития каждой конкретной национальной экономики.

Другая группа ученых считает ценности достаточно изменчивыми для того, чтобы в зависимости от влияния некоторых факторов (например, экономических или политических) сформировать условия для осуществления социально-экономических преобразований общества [140–141; 151; 158]. Как было показано ранее, эти противоположные позиции удалось примирить только тогда, когда были обнародованы результаты международных проектов по исследованию ценностей, дающих возможность проследить их динамику во времени. Поэтому сегодня мы точно знаем, что ценности, хотя и с разной интенсивностью в различных национальных культурах, все-таки меняются, отвечая на вызовы социально-экономической среды.

Возможно, из-за слабой популяризации результатов кросс-культурных исследований в Украине, а также преобладания в отечественной науке идей экономического детерминизма, проблемы модернизации общества решаются, по большей части, без учета достижений мировой научной мысли. К сожалению, в среде украинских экономистов и политиков по сей день с особой остротой воспринимаются идеи о том влиянии, которое оказала советская культура на модификацию ценностей рядового украинца. В частности, продолжает культивироваться идея о свойственных украинцам в неизменном виде ценностей княжеской и казацкой Украины, из чего делается вывод об уникальной схожести украинского общества с западноевропейскими государствами [19; 80; 111].

Другая позиция отражает убеждения, что идеология советских времен «переплавилась без остатка» ментальные особенности нации и сформировала мало поддающийся трансформации образ «Homo soveticus». Все это приводит к выбору ошибочных ориентиров в развитии, а также формированию неоправданных ожиданий от проводимых реформ.

В силу данных обстоятельств возникает необходимость более глубокого изучения ценностей украинцев современными формализованными методами, тем более, что, как показал предыдущий анализ, таких попыток предпринималось немного. Даже несмотря на полученные по Украине

определенные данные (например, по методике Г. Хофстеда), мы, тем не менее, все еще не можем дать полную характеристику ментального профиля украинской нации. Это связано с тем, что проведенные в нашей стране опросы не отражают в полной мере особенностей ценностей украинцев. Прежде всего, не удовлетворительным является временной фактор, поскольку опросы по методике Г. Хофстеда в Украине осуществлялись еще в 90-е гг. XX в. Естественно, что за 5 или 10 лет протекания трансформационных процессов могли произойти определенные изменения в ценностях украинцев, что могло существенно повлиять на восприятие ими осуществляемых в стране реформ.

Еще одним весьма существенным моментом является то, что имеющиеся на сегодня кросс-культурные показатели в Украине были получены по результатам опросов на выборках, качественный состав которых нельзя считать совершенным. Так, в выборках Брэдли и Майтри, сформированных для опроса украинцев по методике Г. Хофстеда, основной группой респондентов выступали студенты, а в выборках проекта CISMS – работники только одной отрасли промышленности. В опросах по методике Ш. Шварца также доминируют студенты, ментальность которых сравнивается с высокоинтеллектуальной категорией населения – преподавателями.

Еще одной особенностью данного исследования является то, что оно было нацелено на исключительно индивидуальный уровень ценностей. В результате, все проведенные исследования ментальности украинцев оказались неспособными в полной мере отразить ментальные черты среднестатистического гражданина страны. Например, студенты представляют собой наиболее подвижную и неустойчивую в отношении укоренившихся ценностей прослойку общества, а преподаватели всегда благодаря специфике своего образования и рода деятельности являются носителями более высоких в духовном отношении ценностей. В связи с этим возникает необходимость проведения дополнительных исследований уже на выборке несколько иного качественного состава. По нашему мнению, такая выборка должна охватывать различные слои населения, а не строиться на основе какой-то одной социальной группы. Вместе с этим в ней должны быть учтены уровень образования, половозрастная структура населения, а также отражены ценностные ориентации нескольких поколений украинцев. Как представляется, внеся соответствующие коррективы в процедуру формирования качественного состава выборки респондентов, можно ожидать и получения более достоверных результатов.

С целью дополнения и уточнения тех данных, которые уже получены на сегодня по Украине, авторами в октябре 2009 – августе 2010 гг. был проведен опрос национального масштаба по методике Г. Хофстеда, а также реализовано исследование, нацеленное на выявление преимущественной ориентации населения на рыночные или на государственные механизмы координации. Такая работа проводилась в рамках научно-исследовательского проекта «Экономическое сознание украинского общества в период трансформационных изменений» (номер государственной регистрации 0110U005381). Для опроса

была избрана последняя версия методики Г. Хофстеда – VSM 08 [149], а также применены опросники, состоящие из разработанных непосредственно авторами тестов для диагностики склонностей украинцев к преимущественному восприятию рыночной или государственной формы координации [103– 104].

Следует отметить, что по версии VSM 08 массовые компаративистские исследования стран только начались, а их результаты еще широко не представлены в доступных нам зарубежных публикациях. Именно поэтому обнаруженные особенности ментального профиля украинской нации будет сложно сравнить с показателями ментальности других стран – это дело будущего. Несмотря на отсутствие такой возможности при позиционировании полученных результатов в настоящий момент времени, новая версия методики Г. Хофстеда оказалась более приемлемой для нашего исследования, поскольку содержит два новых индикатора – индекс терпимости против сдержанности (IVR) и индекс монументализма (MON) [149].

Индекс терпимости против сдержанности разделяет общества на те, в которых терпимость высока, а моральные установки позволяют относительно свободно удовлетворять некоторые свои желания и чувства, которые относятся к свободному времени, развлечений, потребления предметов роскоши и чувственных наслаждений. На противоположном полюсе расположены общества, в которых преобладает сдержанность. Здесь мораль в большей степени контролирует удовлетворение выше перечисленных потребностей, вследствие чего люди ощущают меньшую необходимость в наслаждении жизнью. Заметим, что этот индекс указывает и на то, как общество будет воспринимать все новое – идеи, мнения, влияние других культур.

Значение индекса изменяется от 0 до 100, между высоким уровнем терпимости и высоким уровнем сдержанности. В табл. 4.8 приведены отличия между двумя крайними сторонами показателя.

Таблица 4.8

Характеристика составляющих индекса «Терпимость против сдержанности» (IVR)

Терпимость	Сдержанность
Более высокий процент людей, считающих себя очень счастливыми	Меньше очень счастливых людей
Осознание (понимание) личного контроля над жизнью	Осознание (понимание) беспомощности: то, что происходит со мной, не моих рук дело
Свобода слова считается важной	Свобода слова не имеет высокой степени значимости
Высокое значение отдыха	Низкое значение отдыха
Сильная память на положительные эмоции	Меньшее внимание к запоминанию положительных эмоций

В странах с образованным населением выше рождаемость	В странах с образованным населением ниже рождаемость
Больше людей активно занимаются спортом	Меньше людей активно занимаются спортом
В странах с достаточным количеством продовольствия, высокий процент людей страдает ожирением	В странах с достаточным количеством продовольствия, не много людей страдает ожирением
В богатых странах существуют мягкие сексуальные нормы	В богатых странах существуют строгие сексуальные нормы
Поддержанию порядка в стране не отводится высокий приоритет	Высокий процент полицейских на 100000 человек населения

Источник: [150, с. 16].

Индекс монументализма (MON) отражает способность людей отстаивать свою собственную позицию в противовес гибкости (адаптивности), которая указывает на покорность и уступчивость (приспособляемость). С одной стороны этот показатель определяет общества, в которых воздаётся должное гордости и умению отстаивать собственную позицию, а с другой – отражает скромность и поддающуюся изменению самость (Я): способность принимать несколько идентичностей и адаптировать свои ценности, убеждения и нормы в соответствии с практическими соображениями.

Высокий монументализм свидетельствует о присущих нации неизменных ценностей и убеждений. Представители таких культур имеют достаточно сильную и устойчивую самоидентификацию, рассматривают культурную адаптацию как своего рода предательство национальных интересов. Вместе с этим для представителей монументалистских культур характерна некритическая покорность власти и высокая религиозность.

Индекс монументализма оценивается по шкале, сформированной по стобалльной системе: 0 баллов означает высокий монументализм, 100 – высокий уровень гибкости. Характеристики крайних сторон показателя «Монументализм» приведены в табл. 4.9.

Таблица 4.9

Характеристика составляющих индекса «Монументализм» (MON)

Общества с высоким уровнем монументализма	Общества с высоким уровнем гибкости
Высоко ценится чувство гордости	Гордость, особенно ее внешние проявления обескураживают (озадачивают)
Важно всегда быть одной и той же личностью и избегать личностной дуальности	Личностная дуальность и дивергентная (отклоняющаяся) роль позволительны

Продолжение табл. 4.9

Чувства и их выражение не должны отличаться (что чувствуешь, то и говоришь)	Можно выражать противоположное тому, что человек чувствует
Высокая религиозность и важность традиций	Низкая религиозность и не особая важность традиций
Склонность к религиозному догматизму	Относительное отсутствие религиозных догм
Религии учат о существовании вечной, постоянной и уникальной самости (я) или души	Религии и философии признают, что идеи о вечной, постоянной и уникальной самости (я) или души спорны
В одно и то же время можно исповедовать только одну религию	В одно и то же время можно исповедовать несколько религий
Приемлемо выражать категоричное мнение и отстаивать его в лице оппозиции	Следует избегать категоричности в выражении мнение, «срединный путь» предпочтительнее
Противоположности являются трудно примиряемыми	Противоположности могут быть согласованы, даже если они кажутся непримиримыми (противоречат друг другу)
Высокая социальная поляризация мнений о текущих делах	Низкая социальная поляризация мнений о текущих делах
Агрессивный стиль переговоров	Иносказательный (окольный) стиль переговоров
Низкий образовательный уровень (успех) в современных предметах, таких как математика и естественные науки, а также в начитанности	Высокий образовательный уровень (успех)
Женщины не должны затмевать мужчин и причинять ущерб (вредить) их гордости	Успешные женщины не обязательно унижают своих менее успешных мужей или других мужчин
Низкий показатель участия женщин в рабочей силе	Высокий показатель участия женщин в рабочей силе
Более низкая зарплата у женщин	Женщинам не обязательно недоплачивают
Медленное экономическое развитие	Быстрое экономическое развитие в бедных странах
Низкие показатели самоубийств	Высокие показатели самоубийств

Источник: [155, с. 130].

Рассмотренные показатели, по нашему мнению, имеют некоторое сходство с индикаторами гедонизма, традиции, самостоятельности и конформности в методике выявления индивидуальных ценностей Ш. Шварца, однако, они

отражают общественный уровень сознания. В связи с этим их значения дают нам возможность оценить, насколько украинское общество ценностно нацелено на либеральное экономическое устройство (высокие показатели терпимости и монументализма), или же на государственно-патерналистские модели развития (высокие показатели сдержанности и низкие монументализма).

Еще одной особенностью нашего опроса по методике Г. Хофстеда является его региональный срез. Как правило, все исследования ментальности касались монолитной нации. Однако, если рассматривать ментальность в региональном срезе, то сразу обнаруживаются определенные различия в поведении индивидов и ценности, отличные от общего ментального профиля нации. Например, Ю. Латов обращает внимание на довольно существенные ментальные различия между шотландцами, валлийцами и англичанами в Великобритании, Е. Ясин отмечает региональную ментальную специфику в Испании (баски, каталонцы) и др. [65; 135].

Безусловно, подобные явления выражены в разных странах с разной силой, но так или иначе они оказывают значительное влияние на восприятие общественным сознанием институтов, привнесенных в свою культуру из других стран. Иногда в условиях значительного системного напряжения, обусловленного существенными культурными различиями, даже возникает необходимость осуществлять институциональный импорт в разные регионы страны из разных государств.

Во время проведения нашего исследования региональный фактор оказался весьма важным из-за того, что население различных регионов Украины формировало свою ментальность под влиянием неодинаковых культурологических, естественно географических, экономических, социальных и политических факторов. Украинцы испокон веков жили в условиях чужой государственности, испытывая на себе влияние различных культур. Как показал осуществленный нами ретроспективный анализ ценностей, присущих украинцам, геополитический фактор всегда играл в истории нашей страны решающую роль, поэтому вполне закономерно, что при формировании собственного независимого государства именно «региональность» оказалась фактором системного напряжения в процессе трансформации системы.

Мы стали свидетелями реанимации и довольно успешного культивирования в общественном сознании идеи существования двух Украин: с одной стороны, Западной, индивидуалистической, либеральной, а потому подобной западноевропейским моделям экономического развития, а с другой – Восточной, коллективистской и пророссийской, которая тяготеет к моделям с авторитарной государственной властью. Подобные представления создавали серьезные преграды в выработке стратегии реформ, которая бы имела поддержку среди большинства населения и способствовала консолидации политических сил на пути социально-экономического развития.

В силу этого проводимое исследование было нацелено на решение нескольких задач:

- оценку глубины региональных различий в ментальности украинцев;
- доказательство или отклонение тезиса о существовании в Украине отдельных ментальных образований (Западная и Восточная Украина), в которых преобладают диаметрально противоположные ценности;
- определение того, где проходит граница, разделяющая региональные ментальности, если они действительно существуют;
- выработку в случае возникновения реальной потребности, рекомендаций к применению селективной региональной государственной политики, нацеленной на формирование модели социально-экономического развития национальной экономики.

В русле поставленных задач для обеспечения большей точности и объективности нашего исследования территория Украины была разделена, согласно методике В. Поповкина, на пять регионов:

- Центральноукраинский (Киевская, Черниговская, Житомирская, Черкасская и Кировоградская области – так называемое Киевское Полесье и Среднее Поднепровье);
- Донецко-Приднепровский (Донецкая, Луганская, Днепропетровская, Запорожская области – Донбасс и Нижнее Поднепровье);
- Северо-Восточный (Харьковская, Сумская и Полтавская области – Слободская Украина);
- Западно-Украинский (Ровенская, Волынская, Винницкая, Хмельницкая, Тернопольская, Львовская, Ивано-Франковская, Закарпатская и Черновицкая области – Волынское Полесье, Подолье и Украинские Карпаты);
- Причерноморский (Одесская, Николаевская, Херсонская области и АР Крым) [112, с. 219].

Невзирая на подчас острую критику со стороны коллег относительно использования в исследовании именно такой версии районирования, мы руководствовались аргументами, что именно это деление на регионы практически полностью соответствует тому административно-территориальному устройству украинских земель, который они имели в XVIII – нач. XIX вв., то есть тогда, когда они находились в составе Австрийской и Российской империй. Поскольку данный строй просуществовал более столетия перед поэтапным присоединением украинских земель к СССР, то, применяя при опросе именно такое районирование, мы рассчитывали на выявление укоренившихся в общественном сознании ценностей, характерных для населения соответствующих регионов.

Особенностью нашего исследования стало еще и то, что оно охватывало уже различные слои населения, а не базировалось на какой-то одной социальной группе. Вместе с этим, оно учитывало уровень образования, половозрастную структуру населения и благодаря этому отражало ценностные ориентации нескольких поколений украинцев. Объем выборки составил 2058 респондентов. Исследованием были охвачены все области Украины по пяти регионам страны в количестве опрошенных, согласно доле проживающего там населения. Респондентами выступили разные по образованию возрасту,

профессии, социальному статусу и конфессиональной принадлежности слою населения, в основном жители областных и районных центров Украины. В выборке было представлено 53,9 % мужчин и 46,1 % женщин, что приблизительно отвечало той половозрастной структуре населения, которая сложилась на тот период в стране.

Исследование осуществлялось путем персонального опроса респондентов. Особое внимание было уделено соблюдению квот каждого из исследуемых регионов в общей численности выборки. Другие ее параметры (возраст, пол, образование, профессия, социальный статус, конфессиональная принадлежность респондентов) носили жестко случайный характер. В результате выборка несколько отклонилась от генеральной совокупности по половому признаку в Донецко-Приднепровском и Причерноморском регионах. Это повлияло на показатели маскулинности, значения которых вышли за пределы установленных Хофстедом параметров (от 0 до 100), а общая в Украине величина этого показателя приобрела отрицательное значение (оказалась равной – 7). Для корректировки результатов выборка была откорректирована, для чего пришлось провести в этих регионах дополнительный опрос лиц мужского пола.

Результаты проведенного опроса демонстрируют два среза исследования институциональной среды: то, как население воспринимает либеральные реформы и то, насколько его ментальность приближена к западноевропейской. Соответственно, первый срез базировался на собственной методике авторов, в то время как второй – на методике Г. Хофстеда.

Согласно данным, полученным по результатам исследования некоторых норм, характеризующих склонность населения к восприятию либеральных институтов, украинцы оказались носителями очень непростых ценностных систем, во многом отличных от западных. В первую очередь это касалось ценностей законопослушности, отношения к власти, гражданским правам и свободам.

Как известно, основой основ либерализма является норма уважения к закону. В ходе проведения рыночных реформ в Украине за годы независимости были созданы основы демократических институтов права. Однако проблемой стало то, что постоянное нарушение прав граждан со стороны властных структур и несоблюдение законодательства самими же гражданами являются типичным образцом поведения. Эти нарушения стали настолько рутинными, что большинство наших сограждан даже не осознает этот факт или предпочитает принимать такое состояние как данность.

Результаты социологического исследования подтвердили, что нарушение законодательства стало устойчивой привычкой для нашего общества. Так, большинство населения Украины считает себя законопослушными гражданами и в тоже время покупает «пиратские» копии фильмов, переходит улицу в том месте, где им удобно (см. табл. 4.10).

Таблица 4.10

Тенденции в соблюдении законодательства населением

Показатели	Украина	Центрально-Украинский	Западно-Украинский	Северо-Восточный	Донецко-Приднепровский	Причерноморский
Обычно Вы покупаете диски с фильмами и музыкой						
на раскладке на улице	31,54	29,19	26,63	25,21	38,93	33,55
в специализированных магазинах	58,65	62,18	64,18	62,81	51,68	54,93
Где Вы переходите улицу?						
Там, где мне удобно	65,04	60,40	63,41	66,12	66,61	63,16
только в специальных местах для перехода	34,99	38,83	35,44	33,47	32,38	35,53
Вы купили некачественный или просроченный продукт питания, то						
верну в магазин	62,15	65,48	61,50	61,57	58,73	66,12
продукт выбрасываю	36,84	33,76	37,93	37,19	40,60	31,25

При этом общая правовая грамотность населения является довольно высокой. Более 76,0% граждан ознакомились с Конституцией Украины и изучали действующее в стране законодательство (табл. 4.11). В то же время обращает на себя внимание тот факт, что, одновременно со знанием законодательства наши граждане, тем не менее, не защищают своих прав.

Таблица 4.11

Правовая грамотность населения

Показатели	Украина	Центрально-Украинский	Западно-Украинский	Северо-Восточный	Донецко-Приднепровский	Причерноморский
Приходилось ли Вам изучать действующие законодательные акты?						
да	76,63	79,70	79,50	70,66	77,18	71,38
нет	20,60	17,26	18,77	27,27	19,97	24,01

Считаете ли Вы себя законопослушным гражданином?						
да, конечно	38,44	34,77	41,38	30,17	40,27	41,12
в целом, я соблюдаю законы	51,70	55,08	47,51	56,20	52,01	50,33
раз на раз не приходится	7,82	7,87	7,85	11,57	6,71	6,91
нет, пожалуй, меня есть в чем упрекнуть	1,80	2,28	2,87	1,24	1,01	1,32
Читали ли Вы Конституцию Украины?						
да	76,92	84,26	81,23	72,73	73,15	70,72
нет	22,84	15,48	18,58	26,86	26,68	28,95

Относительно прав потребителя, с необходимостью защиты которых наиболее часто встречаются граждане, выявлено отсутствие соответствующих действий. Основной причиной отказа от защиты своих прав является то, что граждане уверены в сложности доказательства вины торгового предприятия и связывают этот процесс с большими потерями личного времени.

Следует отметить, что несмотря на убежденность украинцев в их законопослушности, оценки мировых экспертов свидетельствуют о противоположном. Так, по оценкам международного индекса прав собственности (IPRI), наша страна в 2010 г. (в период проведения опроса) занимала одно из последних мест по соблюдению законодательства (табл. 4.12).

Таблица 4.12
Международный индекс прав собственности в 2010г.

Страна	Ранг	Общий индекс	Законы и политическое окружение	Права материальной собственности	Права интеллектуальной собственности
Англия	16	7,8	7,8	7,7	7,9
Германия	12	8,0	8,3	7,5	8,2
США	15	7,9	7,5	7,8	8,5
Россия	88	4,3	3,3	5,0	4,6
Украина	97	4,1	3,7	4,8	3,9
Япония	18	7,6	7,4	7,1	8,3

Таблица составлена по данным International Property Rights Index <http://www.internationalpropertyrightsindex.org/>

С сожалением мы можем констатировать тот факт, что в Украине эта норма является «провозглашаемым легализмом».

Как свидетельствует проведенный анализ, двадцатилетний период реформирования не прошел для украинского общества бесследно. За эти годы либеральные реформы привели к определенной смене ценностных ориентаций украинцев, однако, утверждения рыночной психологии и базовых норм

конституции рынка в полной мере так и не произошло. В тоже время при проведении опроса были выявлены преобладающие стремления населения к расширению участия государства в экономике, а отнюдь не рыночных регуляторов (см. табл. 4.13).

Таблица 4.13

Приоритеты в выборе институтов координации, %

Показатели	Украина	Центрально-Украинский	Западно-Украинский	Северо-Восточный	Донецко-Приднепровский	Причерноморский
Согласны ли Вы с утверждением, что государство не может нести ответственность за каждого гражданина, поэтому каждый должен заботиться сам о себе?						
да	59,38	60,41	58,86	57,85	60,59	58,15
нет	39,69	38,32	40,07	41,32	38,85	40,89
С какими из нижеприведенных положений у Вас ассоциируется рыночная экономика?						
высокая эффективность	15,05	18,27	16,28	11,57	14,13	13,10
социальная защищенность	5,62	3,81	6,26	9,50	4,46	5,75
жесткая конкуренция – каждый сам за себя	30,35	29,70	29,16	28,10	34,57	27,80
материальное благополучие	9,34	10,15	10,38	7,02	8,18	10,22
возможность наиболее полно реализовать свои способности	12,76	12,44	12,34	16,53	13,20	10,22
напряженный труд – надеяться только на себя	12,32	12,18	13,95	11,57	12,08	10,54
инфляция, безработица, кризисы	5,47	2,54	6,44	4,96	7,43	4,47
Что, по Вашему мнению, необходимо сделать в экономической сфере Украины?						
минимизировать участие государства – все отрегулирует рынок	5,62	5,84	7,16	5,37	4,46	4,79
найти оптимальное сочетание рынка и государства	75,61	78,68	76,39	75,62	74,72	71,88

Продолжение табл. 4.13

вернуться к плановой экономике на основе государственного учета и контроля	16,57	12,18	14,67	15,70	19,89	20,45
В каком государстве Вы хотели бы жить?						
в государстве с рыночной экономикой, демократическим устройством и соблюдением прав человека	31,96	30,46	34,17	30,99	31,97	30,67
в государстве с рыночной экономикой и сильной властью, способной поддерживать порядок	23,95	26,40	22,18	21,90	25,46	23,00
в социалистическом государстве по типу СССР	7,67	5,84	3,58	6,20	13,01	9,27
в государстве с плановой экономикой, с равномерным перераспределением доходов между всеми гражданами	5,23	3,30	3,58	9,50	6,13	5,75
в государстве, устроенному по типу развитых Западных стран и США	20,87	25,13	25,04	16,53	16,91	18,21
в государстве с совершенно особым устройством и особым путем развития	7,09	5,84	8,94	9,92	4,46	7,67

Как свидетельствуют полученные данные, рынок у подавляющего большинства населения ассоциируется исключительно с «жертвами» – жесткой конкуренцией (30,35%) и напряженным трудом (12,32%), в то время как с высокой эффективностью и возможностью наиболее полно реализовать свои способности этот институт связывает только 27,81 % опрошенных.

Удивительным фактом явилось то, что в государстве с рыночной экономикой, демократическим устройством и соблюдением прав человека выявили желание жить только 31,96% опрошенных. В то же время относительно модели с преобладанием государственных форм регулирования приоритеты в совокупности составили 36,85% .

Таким образом, за годы независимости в сознании среднестатистического украинца сформировался крайне противоречивый симбиоз либеральных и патерналистских ценностей. Он включает, с одной стороны, осуждение авторитарной власти, стремление к демократическим свободам, обеспечивающим свободное развитие предпринимательства, а с другой – готовность принять авторитарные методы управления во имя установления

порядка, достижение высоких социальных стандартов за счет бюджетных средств, поддержание низких и стабильных цен.

Как представляется, такие позиции свидетельствуют об отсутствии окончательной оформленности в общественном сознании превалирования либерально-рыночных ценностей, что не содействует осуществлению реформ, нацеленных на формирование модели с преобладанием механизмов саморегулирования. Быстрый уход государства из экономики, ослабление его регулирующих функций при отсутствии формирования института государства нового типа сыграли немаловажную роль в сегодняшних проблемах.

В Украине только начинают формироваться регулятивные институты, а значит, и роль государства не может быть такой, какую оно играет в развитых экономиках. В силу существования нестабильности, крайней изменчивости базовых элементов украинского общества, наличия остаточных явлений предыдущего развития, перед государством возникают принципиально новые задачи, которые оно должно решать в процессе институциональных преобразований. Специфической функцией государства в трансформирующейся экономике является формирование самого института рынка и создание условий для его эффективного функционирования.

Признание взаимозависимости разных сторон жизнедеятельности общества ведет к пониманию его системной природы, в том числе относительно закономерностей формирования упорядоченности его элементов. Как показало исследование, этические, правовые, экономические и политические ограничения, которые исходят из доминирующей в данный исторический период системы ценностей и регулируют те или иные способы реализации индивидуальных мотиваций в украинском обществе не позволяют внедрить в ее институциональную среду исключительно либеральную модель развития. Общество должно быть готовым к принятию основных принципов либеральной модели и разделять их в своем большинстве. Как представляется, именно в этом находится ключ успеха любого реформаторства. Подтверждением этого тезиса стали и результаты, которые были получены при исследовании ментальных особенностей украинцев с применением методики Г. Хофстеда [157]. Значения хофстедовых индексов, рассчитанных после обработки анкет, приведены в табл. 4.14.

Сразу следует заметить, что эти индексы нельзя сравнивать с теми уже известными показателями, которые были представлены в более ранней версии методики Г. Хофстеда – VSM 94. Применяемая нами версия VSM 08 имеет существенные различия в самой формулировке вопросов: только 9 из них были реконструированы на базе предыдущего варианта методики, в то время как 19 – это совсем новые или значительно измененные вопросы. Это не дает возможности сопоставить полученные результаты с похожими на первый взгляд показателями более ранних методик Г. Хофстеда.

Значение показателей по методике Г. Хофстеда VSM 08 для Украины

Показатели	Украина	Центрально-Украинский	Западно-Украинский	Северо-Восточный	Донецко-Приднепровский	Причерноморский
Дистанция власти (PDI)	22,79	24,10	17,94	28,05	25,16	18,69
Индивидуализм (IDV)	31,49	27,89	26,65	46,86	28,49	27,56
Маскулинность (MAS)	- 8,67	- 3,38	-13,84	-11,99	-8,73	-5,39
Избегание неопределенности (UAI)	4,81	2,19	-2,90	10,51	8,36	5,88
Долгосрочная ориентация (LTO)	4,08	7,92	0,72	-1,00	6,23	6,54
Терпимость против сдержанности (IVR)	36,13	38,27	43,98	31,73	31,88	34,81
Монументализм (MON)	9,34	11,99	28,75	8,24	-1,62	-0,65

Как свидетельствуют данные табл. 4.14, Украина демонстрирует достаточно низкие показатели дистанции власти (22,79). Эти эмпирические данные подтверждают наши предыдущие теоретические выводы, полученные в ходе ретроспективного анализа ценностей украинцев. Принадлежность этнических украинских земель к различным государствам выработала на протяжении длительного исторического периода в сознании населения достаточно специфическое отношение к власти.

Как отмечают исследователи, особенностью украинской ментальности, которая сформировала устойчивый стереотип, является буйный индивидуализм и неподчинение власти. На это обращал внимание еще М. Грушевский, отмечая, что для украинцев понятие свободы как отражение освобождения от всякого чужого насилия постепенно приобрело специфический анархический оттенок освобождения от любого авторитета [28]. К подобному выводу пришли и украинские этнопсихологи В. Липинский, Д. Вилконская, В. Янив. «Власть, которая в столетиях стала синонимом чужой власти, – отмечает В. Янив, – не может у нас ассоциироваться с чем-то понятным, целесообразным, желательным и в условиях собственной государственности конечным. Она продолжает вызывать у нас ощущение насилия, и к власти относимся крайне негативно» [134, с.47].

Региональные различия по показателю PDI могут быть объяснены более частой сменяемостью геополитического фактора. Так, на протяжении своей истории западно-украинские земли значительно чаще в сравнении с другими регионами подлежали инкорпорации в состав различных государств. Южные же земли были колонизированы относительно поздно и в силу сложившихся

социально-экономических и политических условий привлекали к себе более подвижное и свободололюбивое население. Поэтому наименьшие параметры PDI характерны именно для Западной Украины (17,94) и Причерноморского региона (18,69).

По показателю индивидуализма современная Украина выглядит не очень-то индивидуалистической – ее IDV равен 31,49. Даже Западная Украина, за которой в общественном сознании закрепился статус индивидуалистической культуры западноевропейского образца, продемонстрировала достаточно умеренный показатель (26,65), чего не скажешь о Северо-Восточном регионе (46,86).

Такой результат вполне объясним, поскольку Северо-Восточный регион включает в себя Слободскую Украину, которая в историческом плане отличалась особым общественно-политическим строем и самобытной культурой. В социальном отношении этот регион был сформирован из российских и украинских казаков и крестьян, которые бежали от гнета польской шляхты с Правобережной Украины. Беглецы-украинцы создали на этих землях автономную административно-полковую систему, а также сформировали ряд институций, подобных тем, которые существовали на левобережных землях (кроме магдебургского права). Вплоть до XIX в. здесь развивалось сельское хозяйство, основанное на индивидуальной наследственной собственности. Именно в этом регионе дольше всех просуществовали либеральные традиции в крестьянской социальной среде. Однако украинский крестьянский индивидуализм не стал основой классической либеральной модели в Украине только потому, что был присущ социальному классу, который отличается традиционализмом, консервативностью и незначительной подвижностью.

Таким образом, данные нашего исследования по сравнению с теми, которые получены Д. Майтри и Т. Бредли, отражают приблизительно одни и те же характеристики по показателю дистанции власти, однако отличаются по показателю индивидуализма. Поскольку украинцы характеризуются одновременно низкой дистанцией власти и незначительным индивидуализмом, то мы можем утверждать, что они не готовы принять в качестве легитимной авторитарную власть, хотя и к либерализму обнаруживают незначительную склонность.

Об этом свидетельствует и показатель маскулинности (MAS), отражающий склонность людей к напористости и жесткости, сосредоточенности на материальном успехе, отсутствию интереса к другим людям и условиям их жизни. Средние показатели MAS (– 8,67) по всей выборке еще раз подтверждают тот исторический факт, что Украина никогда не была патриархальной страной. Ее культура отличалась особой социальной ролью женщины, что отразилось на ментальных характеристиках народа. Это и невиданный культ Берегини в языческих верованиях, численное превосходство «женских» богов по сравнению с мужскими, более высокий правовой статус женщины еще с времен Киевской Руси, закреплённая неформальными нормами

власть женщины «над мужчинами своими» в семье, а также ее особая роль в обеспечении выживаемости рода в сложных условиях.

Современные результаты социологических опросов продемонстрировали, что верховенство матери в семье отмечают 62,4% украинских подростков, в то время как в России – только 39,2% [118, с.303]. Если к этому прибавить факт превышения самой численности женского населения в Украине по сравнению с мужским (7,8%), то отрицательные значения маскулинности оказываются вполне оправданными. В социально-экономической отношении такая ментальная особенность нашла отражение в особых формах предпринимательства, упоре на взаимную зависимость и служение друг другу в противовес напористости, жесткости в погоне за частной выгодой.

Касательно индекса избегания неопределенности (UAI), который отражает способность общества справляться с тревогой и стрессами, вызванными неопределенностью, мы имеем достаточно низкие его значения (4,81) по всей выборке и наименьший параметр (-2,9) по Западной Украине. Это говорит о том, что Украина является страной с культурой, которая характеризуется низким уровнем избегания неопределенности, а значит, для нее характерны высокий уровень толерантности к неопределенности, принятие любых изменений и разногласий в своей среде, высокая мотивация к достижению и склонность к риску, повышенная возбудимость и эмоциональность.

В силу доминирования таких социально-психологических характеристик украинцы не сильно ощущают потребность в формализованных правилах и нормах поведения, готовы их нарушать из прагматических соображений. При этом из общей тенденции несколько выбивается Северо-Восточный регион, который имеет самые высокие показатели избегания неопределенности (10,51), что характеризует его население как людей, более склонных к внутригрупповому согласию и неприятию перемен, заботящихся о стабильности будущего и менее готовых идти на риск.

По параметру долгосрочная ориентация (LTO) мы имеем 4,08 всей выборке и наименьшее значение показателя (-1,0) по Северо-Восточному региону. Учитывая тот факт, что данный показатель отражает то, насколько общество проявляет прагматизм и стратегически ориентируется на будущее в противоположность традиционализму и краткосрочной ориентации, мы вынуждены констатировать ярко выраженную среди украинцев тенденцию жить сегодняшним днем. Высокая политическая и социально-экономическая нестабильность украинского общества не дает оснований для долгосрочной ориентации его населения.

Индекс терпимости против сдержанности (IVR) показал превалирование в Украине терпимости (36,13), что характеризует нас как достаточно открытое общество, способное проявлять толерантность к поведению и мнениям, отличным от собственных, положительно воспринимать перемены и чужой хозяйственный опыт. При этом особых региональных отличий по этому показателю выявлено не было.

Вместе с этим в Украине наблюдается достаточно высокий уровень монументализма (9,34), что позволяет вести речь о том, что украинцы представляют собой гордый народ, высоко ценящий собственное достоинство и свою этническую отличность от других наций. Данная черта не дает оснований надеяться на возможность быстрой смены базовых ценностей, что требует серьезной работы по созданию как адекватных к ним институтов, так и разработки особых направлений модернизации.

В то же самое время этот показатель имеет очень серьезный разброс значений по различным регионам страны. Так, наиболее высоким монументализмом характеризуется Северо-Восточный регион (8,24). Более гибкими по сравнению с представителями других регионов страны оказались жители Западно-Украинского региона (28,75), а отрицательные параметры монументализма продемонстрировали Донецко-Приднепровский (-1,62) и Причерноморский (-0,65) регионы. При анализе этих данных в сопоставлении с другими индексами (низкие показатели PDI, очень низкие UAI и относительно высокие IVR) можно сделать вывод о наличии самостоятельных субкультур в отмеченных регионах, которые при этом имеют незначительную вариативность по основным базовым ценностям. Собственно, об этом достаточно много говорили в свое время социологи и историки (см. напр. [53; 94]).

Проведенное исследование показало, что в украинском обществе отсутствует ярко выраженная ментальная противоположность между Западной и Восточной Украиной, которая вносила бы серьезный диссонанс во взаимоотношения населения этих двух регионов. Нами были обнаружены некоторые отличительные черты в ценностях, которые доминируют в тех или иных регионах, но далеко не всегда они соотносились с блоками «Восток-Запад». В одних случаях ценности отличались от Западно-Украинского в Северо-Восточном регионе, но не обнаруживали при этом практически никаких отличий от Донецко-Приднепровского региона, который также относится к Восточной Украине.

То, что действительно оказалось разным, так это показатели монументализма, которые только в двух регионах из пяти (Донецко-Приднепровском и Причерноморском) имели отрицательное значение. Последующие драматические события, которые произошли в политической сфере нашей страны, потребовали более пристального внимания к этим показателям. Для более полного понимания глубины региональных отличий мы вычленили из результатов общей выборки Донецко-Приднепровский регион, имеющий в целом по Украине отрицательные показатели монументализма, и отдельно выделили результаты опроса по областям, которые в него входят. Эти данные представлены в табл. 4.15.

Как следует из данной таблицы, среди входящих в Донецко-Приднепровский регион четырех областей, только Днепропетровская область имеет положительные значения монументализма (2,57), в то время как самый большой отрицательный параметр характерен для Луганска (-20,75). Как

представляется, истоки таких показателей, характеризующих ментальность, следует искать в исторических условиях освоения этих промышленных территорий и особенностях той политики, которую проводило по отношению к ним государство.

Таблица 4.15

Значение показателей Г. Хофстеда методике VSM 08
для областей Украины, входящих в Донецко-Приднепровский регион

Показатели	Регионы					
	Украина	Донецко-Приднепровский	Днепропетровская обл.	Запорожская обл.	Донецкая обл.	Луганская обл.
Дистанция власти (PDI)	22,79	25,16	23,46	32,04	26,53	24,20
Индивидуализм (IDV)	31,49	28,49	30,08	32,24	28,85	7,95
Маскулинность (MAS)	- 8,67	- 8,73	-7,66	-28,09	0,64	-7,16
Избегание неопределенности (UAI)	4,81	8,36	7,14	10,20	2,14	31,05
Долгосрочная ориентация (LTO)	4,08	6,23	5,79	11,28	10,73	-10,50
Терпимость против сдержанности (IVR)	36,13	31,88	36,06	24,61	26,56	20,91
Монументализм (MON)	9,34	-1,62	2,57	-3,16	-6,88	-20,75

Как ни печально, но наши предварительные выводы о наличии самостоятельных субкультур в Украине, сделанные в 2010 г., полностью подтвердились – уже в 2014 г. с небывалой «легкостью» был аннексирован Крым, а на территории Донецкой и Луганской областей сформировались непризнанные республики ДНР и ЛНР, спровоцировавшие вооруженный конфликт на Востоке Украины. И если в Донецкой и Луганской областях, а также АР Крым высокий монументализм сыграл отрицательную роль для территориальной целостности страны, то «казацкий дух» Запорожья (MON также имеет отрицательное значение), наоборот, стал мощным фактором противостояния агрессии, равно как и позитивный монументализм Днепропетровщины.

Эти факты более чем красноречиво свидетельствуют о том, что государству следует обращать пристальное внимание на факторы, связанные с культурологическими особенностями развития тех или иных территорий, а также учитывать их в своей политике во избежание обострения социально-экономических и политических противоречий. Это позволит значительно

повысить эффективность государственной экономической политики, нацеленной на достижение высоких показателей социально-экономического развития Украины.

4.3. Особенности белорусской ментальности

Определяя особенности белорусской ментальности на основе теории институциональных матриц С. Кирдиной, мы отнесли Беларусь к обществам с достаточно ярко выраженной X-матрицей. Набор базовых институтов идеологической, политической и экономической сфер жизнедеятельности белорусского этносоциума соответствует типичным базовым институтам X-обществ, для которых характерны унитарное устройство государства и единый центр управления экономикой. Ведущее место среди множества конфессий занимает православие, что отражает превалирование коллективных ценностей над индивидуальными.

При этом мы придерживаемся той точки зрения, что наличие базовых X-институтов не делает общества с аналогичной матрицей абсолютно идентичными. Этносоциумы идентифицируются не только по набору базисных институтов. Каждый этносоциум уникален в силу неповторимости истории его появления и развития. Его самоидентификация проявляется в том числе и в четком выделении не схожих с ним сообществ, которые являются его соседями. При этом в силу объективных обстоятельств эти сообщества-соседи могут относиться как к родственной, так и к противоположной институциональной матрице. И данное сообщество, данный этносоциум может иметь схожие черты, свойства с различными странами (этносоциумами) – соседями.

Проделанный качественный анализ может быть дополнен исследованиями, которые базируются на данных социологических опросов. Такой опрос среди белорусов был проведен авторами в 2010–2015 гг. по анкетам, предложенным украинскими коллегами А. Н. Пилипенко и Н. И. Литвиненко [103-104]. Это позволило более четко выявить ментальные установки современного среднестатистического белоруса.

В опросе приняло участие 252 респондента в возрасте от 18 до 60 лет – представители шести областей Беларуси. В гендерном соотношении мужчины составляют 137 человек, а женщины – 115. По конфессиональной принадлежности 89% опрошенных являются православными, 5,2% – католиками. Остальные либо не исповедуют никакой веры, либо же принадлежат к другим конфессиям – протестантизм, индуизм и др.

По результатам опроса достаточно интересными оказались предпочтения белорусов в отношении собственности. Основная масса респондентов (54%) обязательно хотели бы иметь в собственности недвижимость – квартиру или дом. Причем, это не связано с инвестиционными устремлениями как таковыми (о чем говорят результаты ответа на вопрос анкеты «Выберите, что из ниже перечисленного Вы считаете для себя наиболее важным», где явное предпочтение отдается таким жизненным ценностям как семейное

благополучие (89%) и сохранение сил и здоровья (65%). При этом 19% респондентов желают иметь малое предприятие, в то время как 22% – среднее или крупное. И лишь 3,3% белорусов хотели бы иметь в собственности участок земли. Таким образом, в отношении собственности явно прослеживается тенденция к низкой предпринимательской активности населения Беларуси.

Эти выводы подтверждают и результаты ответов на вопрос «С чем у Вас ассоциируется богатство?», при ответе на который 76% респондентов считают, что богатство – это то, что нажито исключительно своим трудом; 10,6% ассоциируют богатство с наследством; остальные же считают, что богатство можно получить обманным путем или выиграть в лотерею. Поскольку труд оплачивается не очень высоко в Беларуси по сравнению с европейскими странами с таким же населением и природными богатствами, то можно сделать вывод, что часть населения Беларуси не ставит перед собой задачи значительного обогащения за счет рискованного бизнеса.

Интересно, что белорусы не рассчитывают при этом и на социальные гарантии государства как способ повышения своего жизненного уровня: 75,3% респондентов связывают повышение своего жизненного уровня исключительно с собственными усилиями, а только 10,4% – с социальными гарантиями государства. Часть респондентов (14,3%) рассчитывают на помощь близких людей, что характерно для превалирования коллективных (в данном случае – семейных) ценностей. Осторожное отношение к поддержке со стороны государства объясняется как невысокими зарплатами в государственном секторе экономики, так и довольно низкими социальными выплатами (особенно это касается пособий по безработице). Это достаточно парадоксальная ситуация. С одной стороны, белорусы не нацелены на активную предпринимательскую деятельность, а с другой стороны, не склонны рассчитывать на государство в вопросах повышения материального благосостояния. То есть народ дистанцируется от власти не только в отношении принятия жизненно важных решений в сфере экономики. Люди вообще склонны воспринимать государство как достаточно «посторонний», «параллельный» экономический субъект.

Кроме того, к власти существует двойственное отношение. С одной стороны, она в значительной степени ассоциируется с такими негативными моментами как коррупция, т.е. воспринимается в негативном плане. С другой стороны, достаточно большой процент опрошенных сами не прочь оказаться во властных структурах именно с целью обогащения за счет занимаемых должностей. Эта позиция на самом деле довольно четко выявляет тандем «власть-собственность», который характерен именно для X-обществ и который всесторонне был описан такими российскими учеными как Р. Нуреев и В. Вольчик [17; 96-98].

Наиболее популярные ответы на вопрос «Выберите, что из ниже перечисленного Вы считаете для себя наиболее важным» – семейное благополучие (89%), сохранение сил и здоровья (65%), отсутствие нужды, материальный достаток (57%); 37,3% респондентов считают для себя важной

хорошую и престижную работу; 21,8% – возможность интеллектуальной и творческой самореализации. Весьма незначительное число респондентов (не более 12,3%) обращают внимание на общество и отношение к себе со стороны общества.

В целом уровень своего материального благополучия белорусы оценивают не очень высоко, что соответствует объективной экономической ситуации. 52,8% опрошенных считают, что денег в семье хватает на продукты питания и небольшие покупки; 30,5% – еще остаются деньги на отдых. Большие траты (дорогие покупки, модная одежда, хороший отдых) могут себе позволить лишь 3,6% респондентов. 12,3% считают себя достаточно бедными, т.е. денег хватает только на продукты питания и обязательные платежи; 0,8% – денег не хватает даже на продукты питания.

При ответе на вопрос «Хотели бы Вы находиться у власти?» явных предпочтений не выявлено. При этом лишь 6,1% белорусов очень хотели бы оказаться во властных структурах с целью навести порядок в стране. Остальные либо не отказались бы от власти при благоприятном стечении обстоятельств (33,7%), либо не хотели бы в принципе находиться у власти (28,9%), либо считают, что власть сопряжена с невозможностью сохранить порядочность, поэтому они скорее стали бы дистанцироваться от власти (31,3%).

Интересна позиция в отношении вопроса «С какими преимуществами для себя лично Вы связываете свою деятельность во властных структурах?». И здесь достаточно четко прослеживается ментальная установка на понимание власти как источника доходов и собственности, т. е. тандем «власть – собственность», характерный именно для восточной институциональной матрицы, находит свое подтверждение. В частности 29,8% ответили, что власть дает возможность получения стабильных доходов, гарантированных государством, 23,8% – возможность получения доходов связанных с занимаемым постом; 37,3% видят во власти возможность раскрытия своих организаторских способностей и 9,1% считают, что с помощью власти можно решить свои личные проблемы. На вопрос «Какие ассоциации у Вас вызывает власть?» 29,8% респондентов ответили, что власть у них ассоциируется к доступу к ресурсам; 17% – с безнаказанностью; 20,6% – с гарантией безопасности и правовой защищенностью; 14,3% – с коррупцией. Т.е. подавляющее большинство видят во власти (в той или иной форме, включая криминальные) возможность получить доступ к ресурсам и дополнительным доходам.

В целом белорусы – законопослушная нация, стремятся соблюдать законы, не нарушать их. Подавляющая часть респондентов (59,5%) считают себя законопослушными гражданами, 36,9% в целом соблюдают законы. И лишь 3,6% признались, что не всегда являются законопослушными. С законами основная часть респондентов знакома, хотя и в общих чертах (35,7% опрошенных); 27,8% знают законодательство, т.к. это связано с их работой, 15,5% знают законы, т. к. приходилось отстаивать свои права. 11,9% знакомы с законами для уточнения своих прав и обязанностей. И лишь 5,5% не знают законов, т.к. не видят в этом необходимости или считают, что

это все равно бесполезно (0,9%). В большей части (85,3%) знают Конституцию Республики Беларусь.

В ежедневной практике основная часть респондентов (72%) стремится к приобретению товаров в специализированных магазинах (т.е. избегает уличной несанкционированной торговли), ни в коем случае не выбрасывает на улице мусор (96,8%) и старается не нарушать правила дорожного движения (только 1,2% респондентов позволяют себе переходить улицу там, где им удобно, независимо от интенсивности движения транспорта). При этом 50% не пойдут на специализированный переход, а дождутся отсутствия транспорта на дороге. 48,8% переходят улицу только в специальных местах для перехода. 37,3% опрошенных весьма уважительно относятся к правоохранительным органам. Остальные либо нейтральны (26,5% никак не относятся), либо относятся отрицательно (7,5%) или с опаской (25,8%). То есть, в отношении к правоохранительным органам явных предпочтений не выявлено.

Данные опроса также показывают, что белорусы достаточно лояльно воспринимают ценности Y-обществ. Они приветствуют такое явление как демократия, в целом позитивно оценивают сильные стороны рыночной экономики и не чужды склонности к эволюции своего общества в сторону более активной имплантации комплементарных политических и экономических институтов.

На вопрос «С какими из нижеприведенных положений у Вас ассоциируется демократия?» были получены следующие ответы:

- 1) подчинение меньшинства большинству – 7,1%;
- 2) социальная защищенность – 16,3%;
- 3) признание свободы и равенства граждан – 58,7%;
- 4) возможность высказывать все, что хочется – 14,7%;
- 5) система, при которой власти избираются народом – 41,3%;
- 6) все хорошее – 1,2%;
- 7) ваш вариант – 5,1%.

Вопрос «С какими из нижеприведенных положений у Вас ассоциируется рыночная экономика?» выявил в целом понимание рынка как системы, базирующейся на индивидуализме:

- 1) высокая эффективность – 24,6%;
- 2) социальная защищенность – 2,4%;
- 3) жесткая конкуренция – каждый сам за себя – 50,4%;
- 4) материальное благополучие – 12,3%;
- 5) возможность наиболее полно реализовать свои способности – 36,9%;
- 6) напряженный труд – надеяться можно только на себя – 27%;
- 7) инфляция, безработица, кризисы – 5,6%.

При этом, отвечая на вопрос «В каком государстве вы хотели бы жить?», белорусы продемонстрировали неудовлетворенность существующей социально-экономической системой и потенциальную готовность лояльно воспринять более активное внедрение так называемых западных ценностей:

- 1) в государстве с рыночной экономикой, демократическим устройством и соблюдением прав человека – 47,6%;

2) в государстве с рыночной экономикой и сильной властью, способной поддерживать порядок – 17%;

3) в социалистическом государстве по типу СССР – 3,2%;

4) в государстве с плановой экономикой, с равномерным перераспределением доходов между всеми гражданами – 1,6%;

5) в государстве, устроенному по типу развитых Западных стран и США – 27,8%;

6) в государстве с совершенно особым устройством и особым путем развития – 5,2%.

Комплексный анализ ответов на все выше перечисленные вопросы показывает, что в белорусском обществе наблюдается склонность к сохранению своих базовых ценностей и институтов при одновременной лояльности к переменам на основе имплантации комплементарных институтов. Эта двойственность не означает внутренней рассогласованности системы мировосприятия. Скорее она является следствием тесного общения белорусов с жителями стран-соседей. При этом часть соседей (Украина, Россия) являются X-обществами со своей достаточно сильной спецификой форм реализации базовых институтов, а часть (Литва, Латвия, Польша) – типичными представителями Y-обществ. Поэтому вполне справедливым является проведение сравнительного анализа ментальных установок белорусов с жителями стран-соседей. И в данном случае довольно приемлемой является методика Г. Хофстеда как база для таких сравнений.

Последняя позволяет проводить межстрановые различия по различным показателям. Это представляет большой научный интерес, так как позволяет группировать страны и выявлять их идентичность / несхожесть в самых неожиданных ракурсах. Наибольший интерес представляют два направления сравнений: 1) сравнение стран-соседей независимо от превалирующей в этносоциумах базовой институциональной матрицы; 2) сравнение стран, которые являются близкими по менталитету и относятся к родственным матрицам. И здесь возможны интересные и парадоксальные результаты.

Однако, практическая реализация такой задачи наталкивается на определенные трудности, поскольку последние данные, полученные по России и Украине, не дают возможности сравнить с ними белорусскую ментальность в силу того, что базируются на опросах по разным методикам. Так, Н. В. и Ю. В. Латовы исследовали ментальность россиян по методике Г. Хофстеда 1994 г. [63; 65; 67-68], а Н. И. Литвиненко и А. Н. Пилипенко опрашивали украинцев уже по новой методике, созданной Г. Хофстедом в 2008 г. [105; 157]. Единая методика в опросе трех восточнославянских народов (Беларуси, России и Украины) была использована только Д. Майтри, Т. Брэдли и Р. Кюстиным, но, как уже отмечалось, была применена на выборках, которые не отражали в полном объеме среднестатистического гражданина каждой отдельной страны.

С целью снятия данного ограничения нами была предпринята самостоятельная попытка исследовать некоторые характерные черты менталитета белорусов на основе методики Г. Хофстеда «VSM –2008», что позволило рассчитать основные индексы, предложенные автором методики для

межстрановых сопоставлений. Данное исследование проводилось на протяжении 2010–2015 гг., в котором при отборе респондентов мы руководствовались инструкцией Г. Хофстеда, Г. Я. Хофстеда, М. Минкова и Х. Винкена «Values Survey Module 2008» [156].

Согласно этим рекомендациям особое внимание было уделено разнообразию показателей возраста, образования и места работы респондентов. Индексы Г. Хофстеда были рассчитаны на основе обработки 208 анкет (74 – мужчины, 134 – женщины), заполненных респондентами, пребывающими в возрасте от 18 до 60 лет. В опросе принимали участие представители всех областей Беларуси. Как показал результат отдельной обработки анкет, заполненных мужчинами и женщинами, в процентном отношении к общему количеству различий в ответах к общему количеству различий в ответах практически нет. Поэтому данную выборку можно считать репрезентативной. Приведенная ниже табл. 4.16 в обобщенном виде демонстрирует результаты исследования.

Таблица 4.16

Значение показателей (индексов) по методике Г. Хофстеда для Беларуси
(данные за 2010-2015 гг.)

Показатели (индексы)	Значения
Дистанция власти (PDI)	44,0
Индивидуализм (IDV)	31,5
Маскулинность (MAS)	5,25
Избегание неопределенности (UAI)	6,6
Долгосрочная ориентация (LTO)	15,5
Терпимость-сдерживание (IVR)	32,7
Монументализм (MON)	25,75

Как показывает практика кросс-культурных исследований, чаще всего анализируются первые три индекса, позволяющие идентифицировать место данной страны среди других стран. Показатель дистанции власти отражает отношение людей к центральной власти с точки зрения внутреннего одобрения или неприятия того факта, что власть может принимать единолично решения, затрагивающие существенные стороны жизни людей. Чем выше данный показатель, тем терпимее люди относятся к этой прерогативе центра, считают вполне допустимым свое неучастие или слабое участие в принятии решений властью. Фактически данный показатель позволяет оценить готовность общества к либеральной модели управления. Как мы можем судить по приведенным в табл. 4.16 данным, в Беларуси индекс дистанции власти достаточно велик (PDI = 44,0), что свидетельствует о готовности жителей принимать решения центральной власти, а также о довольно слабой ориентации на либеральную модель управления.

Это соответствует и достаточно низкому показателю индивидуализма ($IDV = 31,5$). Белорусы скорее склонны к коллективизму и ориентации на коллективные ценности. В целом индивидуализм не приветствуется, а иногда и осуждается. Это отражает идеология православия, которая является определяющей (по данным других опросов, проводившихся с этими же респондентами, около 90% из них считают себя православными). Хотя религиозность, проявляющаяся в строгом следовании религиозным канонам в повседневной жизни, не столь высока в Беларуси, как, например, в странах, где господствует католицизм, тем не менее, подавляющее большинство белорусов следуют в сфере духовных отношений именно православным установкам. Широко известная толерантность жителей нашей страны во многом определяется и тем, что православие воспитывает в своих последователях терпимость, покорность, подчинение старшим и т.п.

Так же невысок и показатель маскулинности ($MAS = 5,25$), отражающий степень, с которой господствующие в обществе ценности тяготеют к напористости, жесткости и сосредоточены на материальном успехе, игнорируя интерес к людям и условиям жизни. То есть, материальная составляющая жизни белоруса не является определяющей в его жизненных установках. Во всяком случае, ради достижения серьезного успеха в бизнесе среднестатистический белорус не будет жертвовать своим временем, своими силами. Он предпочтет пусть и не очень значительный, но стабильный доход. Индекс избегания неопределенности оказался в целом невысоким ($UAI = 6,6$), но более высоким, чем, например, в Украине, где он равен 4,81 [105, с.274]. Белорусы в большей степени, чем украинцы, ориентированы на определенность, предсказуемость. Но, как уже отмечалось, специфика исторического развития также не способствует уверенности, что в долгосрочном плане нынешние условия жизни сохранятся.

Показатель склонности к долгосрочным жизненным ориентирам также довольно низкий ($LTO = 15,5$). В целом это можно объяснить некоторыми историческими особенностями белорусского этносоциума. На протяжении многовековой истории территория нынешней Беларуси многократно становилась ареной кровавых и жестоких военных столкновений, что связано со специфическим географическим и геополитическим положением нашей страны на карте мира. Уничтожалось не только имущество, но и жители Беларуси. Поэтому предпочтение отдается текущим жизненным планам.

Индекс терпимости против сдерживания у белорусов оказался достаточно высоким, хотя и значительно отстоит от своего максимального значения, равного 100 ($IVR = 32,7$). Данный показатель в этом случае фактически отражает двоякое отношение белорусов к моральной оценке того, как используется свободное время, предназначенное для досуга. С одной стороны, общество вполне лояльно к такому негативному явлению как алкоголизм, а с другой стороны, оно крайне нетерпимо к таким явлениям, как гомосексуализм и наркомания.

Это подтверждает и индекс монументализма ($MON = 25,75$). Он не демонстрирует некритической покорности власти, но одновременно показывает

готовность общества отстаивать свои национальные ценности. Белорусы довольно четко себя идентифицируют как специфическую нацию со своими национальными ценностями и убеждениями, которые они не готовы быстро менять, а тем более – отказываться от них. Но одновременно они достаточно критично воспринимают недостатки своего отечества, видят негативные тенденции и выражают свое несогласие с ними.

На основе полученных данных представляется возможным проведение сравнительного анализа по индексам Хофстеда стран, являющихся ближайшими соседями Беларуси – России, Украины, Польши, Литвы и Латвии. Табл. 4.17 дает нам обобщенную информацию об основных индикаторах Г. Хофстеда для анализируемых стран.

Таблица 4.17

Сравнительный анализ по индексам Хофстеда некоторых стран Восточной Европы

Страна	PDI	IDV	MAS	UAI	LTO	IVR	MON
Беларусь	41,75	29,75	3,15	10,15	5,45	32,8	28,05
Украина	22,79	31,49	-8,67	4,81	4,08	36,13	9,34
Россия	93	39	36	95	81	20	
Польша	68	60	64	93	38	29	
Литва	42	60	19	65	82	16	
Латвия	44	70	9	63	69	13	

Источники: [56; 67; 105; 149].

Как видно из таблицы, показатели по России довольно существенно различаются у разных авторов. Во-первых, существует значительный временной лаг в предоставлении данных (почти 10 лет), во-вторых, результат во многом зависит от категории респондентов. Фактически это свидетельствует о том, что данные индексы весьма условны и описывают только самые общие тенденции в менталитете жителей той или иной страны. Однако все же эти общие тенденции прослеживаются и могут быть использованы для межстрановых сопоставлений. Это важно и с практической точки зрения, так как при формировании межгосударственных союзов и проведении межстрановой политики в самых разных сферах жизнедеятельности важно представлять как возможные точки соприкосновения на базе общности ментальных установок, так и проблемные «зоны» соприкосновения, где успехи, например, интеграции, могут быть изначально поставлены под сомнение.

Рис. 4.3. Сопоставление индексов дистанции от власти и индивидуализма.

Из данной диаграммы видно, что Беларусь и Украина очень близки по индексу индивидуализма. В России этот индекс несколько выше, а в Литве, Латвии и Польше – гораздо выше. При этом по индексу дистанции от власти очень близкими оказались все страны, кроме Украины и России, которые по отношению к Беларуси заняли противоположные позиции. В Украине этот индекс гораздо ниже, а в России – гораздо выше.

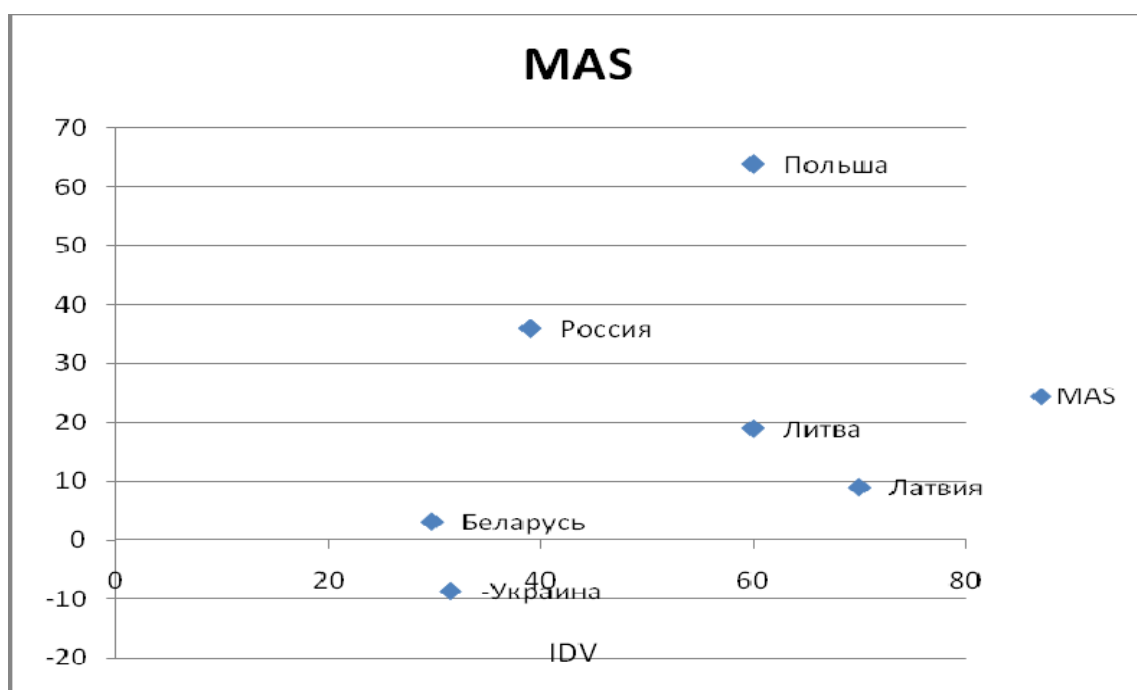

Рис. 4.4. Сопоставление индексов индивидуализма и маскулинности.

По маскулинности Беларусь и Украина также демонстрируют близость показателей. При этом близкими по данному показателю также являются Литва и Латвия, хотя и сильно отличаются по значениям индивидуализма.

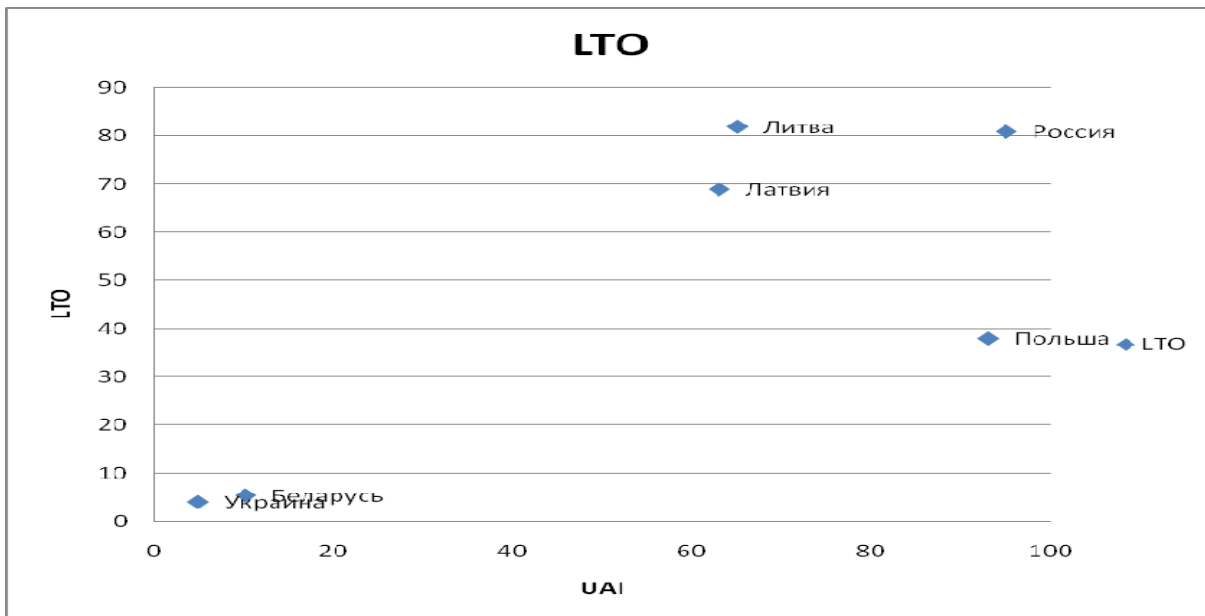

Рис. 4.5. Сопоставление индексов избегания неопределенности и долгосрочности ориентации.

Данный рисунок весьма отчетливо демонстрирует практически одинаковую оценку показателей избегания неопределенности и склонности к долгосрочным ориентирам в Беларуси и в Украине. Остальные страны очень сильно дистанцированы. В том числе и Россия.

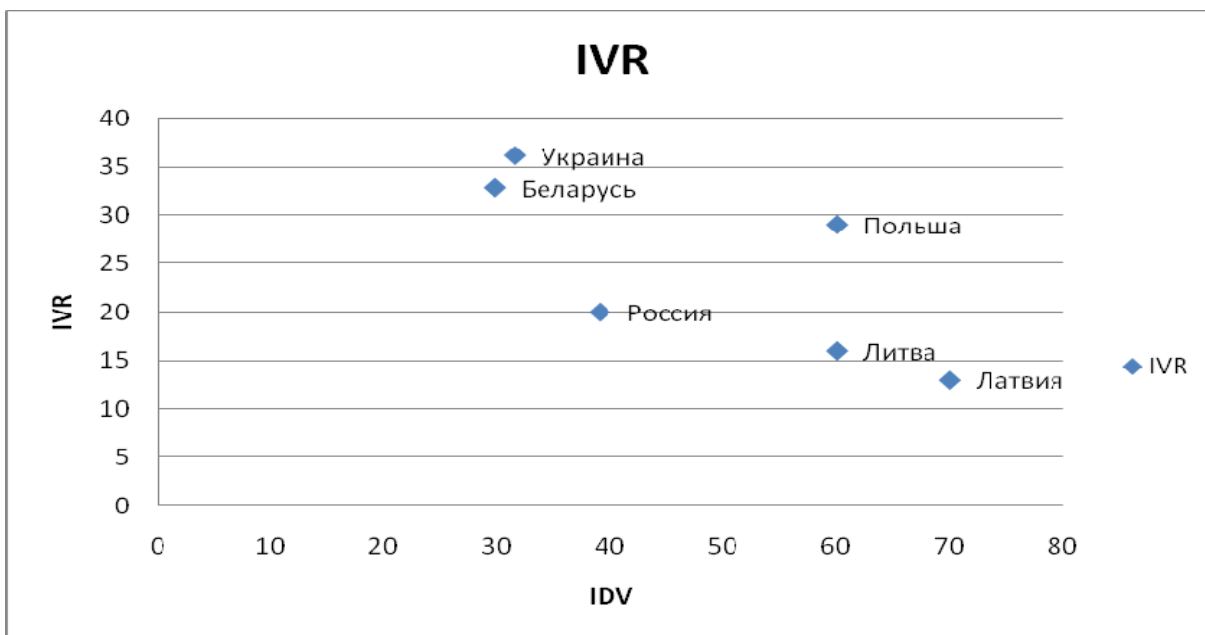

Рис. 4.6. Сопоставление индексов индивидуализма и терпимости против сдержанности.

Литва и Латвия достаточно ярко демонстрируют приверженность общества духовным Y-ценностям – довольно высокий индекс индивидуализма сопряжен с относительно низким индексом терпимости против сдержанности. Т.е. в обществе господствуют либеральные ценности и спокойное восприятие нетрадиционных способов личностной самореализации. Польша как страна с сильными католическими традициями демонстрирует более высокий показатель терпимости против сдержанности, даже более высокий, чем в России. Однако самым высоким среди этой группы стран данный индекс является в Беларуси и в Украине.

Можно заметить, что практически по всем индексам Беларусь ближе к Украине, чем к России, хотя все эти страны являются этносоциумами с базисной X-матрицей. Это свидетельствует о том, что идентичность институциональных матриц не обязательно означает идентичность социумов и их одинаковое мировосприятие. Соответственно, одни и те же внешние факторы политического, экономического и духовного плана по-разному будут восприняты в таких сообществах. То есть не может быть, например, единого механизма имплантации комплементарных институтов в базисные матрицы. Каждое общество должно найти свой специфический механизм, учитывающий и особенности исторического периода эволюции социума, и влияние стран-соседей, и потенциальную реакцию своего собственного населения на различные «имплантации» и «вживления».

Межстрановый анализ также позволяет более адекватно предсказать реакцию своего населения на процессы трансформаций, происходящих в странах-соседах. Принадлежность к одной базисной матрице вовсе не исключает разных ценностных установок, реакций на одни и те же действия центральной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура – это сложная гомеостатическая система внебиологической природы, содержащая совокупный опыт видového существования человека и обеспечивающая накопление, воспроизводство, развитие и использование этого опыта, параллельно с воспроизводством видových признаков самого человека. Она включает созданные людьми искусственные объекты и порядки, заученные формы человеческого поведения и деятельности, знания, образцы самопознания и символического обозначения окружающего мира. Культура выполняет функции адаптации, коммуникации, интеграции, социализации членов общества, сохранения и наследования накопленных обществом знаний. Она предопределяет особенности отношений между людьми, используемые социальные стратегии, стиль и образ их жизни.

Культура зиждется на диалектике соотношения субъективного и объективного, что находит свое непосредственное воплощение в ценностях и институциях, их становлении и развитии от индивидуального к специфическому и общему. Являясь результатом формирования и закрепления в коллективном сознании наиболее эффективных форм социального взаимодействия, ценности и институции отражают объективную сторону общественных отношений. В то же время условием их существования является принятие конкретными индивидами в качестве субъективного знания того знания, которое находит свое воплощение в повседневной деятельности людей. В силу этого институции как элементы культуры принимают на себя функцию повседневного регулирования социального взаимодействия. Фиксируя нормы межличностных отношений, они структурируют общество, устанавливают ограничения и одновременно упрощают взаимодействие людей, делают его предсказуемым, а, следовательно, и более эффективным.

Принятие или непринятие институции всегда является актом индивидуального выбора, который одновременно обусловлен процессом социализации личности, её включенности, интеграции в социум. Эта двойственность проявляется в выделении специфических институций и институтов, обеспечивающих взаимодействие в обособленных сферах общественного воспроизводства (идеологические, политические, правовые, экономические институты), формировании специфических институтов на уровне национальных культур, культур отдельных социальных групп.

Та часть культурного наследия, которая непосредственно обеспечивает накопление, сохранение, использование и передачу от поколения к поколению наиболее эффективных алгоритмов хозяйственной деятельности, хозяйствования как формы деятельности, обуславливающей непрерывное самовоспроизводство общества как социального организма и совокупность объектов, обеспечивающих осуществление и являющихся результатами этой деятельности, называется хозяйственной культурой. Последняя представляет собой систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих

мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности человека, а также определяющих форму её осуществления, а вместе с тем и восприятия её социумом.

В рамках хозяйственной культуры объединены составляющие, присущие культуре натурального, экономического и постэкономического способов хозяйствования. Экономическая культура выступает лишь одной из форм общей хозяйственной культуры, специфическим её проявлением. Она обеспечивает организацию общественного воспроизводственного процесса на принципах специализации и разделения труда, опосредуемых товарно-денежными отношениями, создающими возможность максимальной формализации и обезличенности отношений между его участниками.

Дозэкономическая, экономическая и постэкономическая культура базируются на различной мотивации участников хозяйственного процесса, в формировании которой центральное место отводится социокультурным ценностям. Последние начинают управлять мотивацией человека уже на стадии осознания потребности, затем они воздействуют на определение целей через понимание дозволенности и запретности, далее – формируют осознанный выбор человеком конкретных путей реализации этих целей с учетом возможных последствий. Поскольку именно ценностные ориентиры определяют внутреннюю готовность к деятельности, связанной с удовлетворением потребностей, то мотив отражает не только осознанное побуждение к действию, но и приемлемость самой необходимости его осуществления.

Ценности описывают определенные формы общественного сознания в виде понятий добра и зла, справедливости и несправедливости, идеалов, моральных принципов, что служит основанием для оценки различных действий. Такого рода оценки в дальнейшем определяют предписания (нормы). В отличие от ценностей, которые ориентированы на общую цель деятельности и допустимые способы ее достижения, нормы определяют конкретные модели поведения и показывают, что нужно делать, а что не нужно. Санкционированные нормы превращаются в правила, которые позволяют (запрещают) определенный тип поведения в каждой из конкретных ситуаций. Сформировавшиеся на основе норм правила формируют институты. Таким образом, ценности, нормы и институты оказываются взаимосвязанными между собой, при этом каждый институт базируется на определенных ценностях.

Изменение институтов зависит от возможности изменения ценностей. Более пластичные ценности (хозяйственные, политические, правовые, эстетические) могут быть изменены в течение достаточно короткого исторического промежутка времени, что открывает возможности и более быстрого изменения институтов, которые на них базируются. В то же самое время этосные ценности существенно ограничивают социальную инженерию, поскольку формируют менталитет – неформальный институт, который отражает коллективное сознание. Поэтому успешно осуществлять

институциональные изменения в обществе можно только тогда, когда новые представления овладевают умами большинства индивидов и становятся преобладающими в господствующей социальной группе. В менталитете, который определяет характер неформальных норм, проявляются пласты культуры различных эпох, создается архетип, закладываются стили жизни, традиции и формы общения людей. Поэтому сегодняшнее развитие той или иной страны во многом определяется ее прошлым.

Интерес исследователей к историческому прошлому стран и его влиянию на развитие в тот или иной период, возник еще в философии Древнего мира и Средних веков. Со временем он проявил себя в антропологии, из которой в начале XIX в. выделилась этнология как наука о сходстве и различии народов мира, разнообразных аспектах их жизнедеятельности и изменениях, которые эти народы претерпевали на протяжении истории своего развития. В последующем на основе достижений антропологии, этнологии и психологии сформировалась новая самостоятельная наука – этнопсихология, предметом изучения которой стали этнические особенности психики людей, национальный характер, закономерности формирования и функционирования национального самосознания, этнических стереотипов и установок.

Отличаясь междисциплинарным характером, этнопсихология объединила в себе достижения географии, биологии, антропологии, философии, лингвистики, психологии и несколько позже социологии. Именно благодаря исследованиям представителей социологии, первым из которых был М. Вебер, в экономический анализ были привнесены элементы культурного контекста, получившие наибольшее распространение в институционализме. В рамках предметного поля институциональной теории стали изучаться особенности ментальности представителей определенного народа как факторы, влияющие на поведение отдельных людей и их сообществ, что позволяло установить взаимосвязь между культурными условиями, в которых происходит хозяйственная деятельность, с одной стороны, и экономическими результатами, с другой.

Основные ментальные черты населения Западной Европы, а также восточнославянских народов сформировались в эпоху средневековья, когда оформились и первые позднефеодальные единые государственные образования. Совокупность определенных природно-географических, экономических и социальных условий формирования хозяйственных ценностей западноевропейских государств содействовали укорененности в общественном сознании отношения к труду как источнику богатства, надежды на собственные силы в ведении хозяйства, уважения к закону и правам частной собственности, высокой ценности индивидуальной свободы.

В силу отличных от западноевропейских исторических условий развития России характерными чертами ментальности ее населения стали коллективизм (соборность), противопоставление власти и народа, культ царя, уважение только к представителям своего круга, труд как средство выживания, скромность в потреблении, неприхотливость. С особой силой в российском

менталитете проявлялись прерогатива общественной пользы, желание предпринимателей действовать не только ради собственной выгоды.

Склонность населения к коллективной трудовой деятельности, трудолюбие вместе с миролюбием, покладистость, уважение к закону, доверие к верховному властителю как к гаранту защиты от внешней агрессии, «лавирование» между интересами более сильных в военном отношении соседей, высокая религиозная и национальная толерантность характеризуют ментальность белорусов.

Исторические условия становления хозяйственных ценностей украинцев содействовали утверждению крестьянского индивидуализма, военного коллективизма и преимущественно демократических политических ценностей в эпоху средневековья. В дальнейшем украинская нация формировала свою ментальность под влиянием различных культур, поскольку после распада Киевской Руси на украинских землях не было создано государства в полном смысле данного термина. Украинцы веками жили в условиях чужой государственности и чужих культур, что наложило отпечаток на систему социокультурных ценностей, наиболее выразительными из которых стал бунтарский индивидуализм, негативное отношение к любой власти, независимость и смелость в мыслях и убеждениях, неуважительное отношение к закону.

Современные методики кросс-культурных исследований дали возможность количественного измерения культур и их сравнения между собой. Исследования Г. Хофстеда, Р. Инглхарта, Ф. Тромнаарса, Ч. Хемпден-Тернера, Г. Триандиса, М. Бонда, К. Леунга, Ш. Шварца и других ученых позволили эмпирически выявить и зафиксировать влияние культуры на различные аспекты экономической деятельности людей.

Особенности ментальности восточнославянских народов, выявленные в ходе проведения опросов по методике Г. Хофстеда в 90-е – 2000 гг., указывают на то, что Россия, Украина и Беларусь ментально находятся между Востоком и Западом (хотя Россия – ближе к Востоку, а Украина и Беларусь – к Западу). Согласно последним данным, которые получены на основе усовершенствованной процедуры проведения опроса по методике Г. Хофстеда VSM 08 за период 2009 – 2010 гг. в Украине и Беларуси, некая «западность» этих стран выявлена только по отношению к дистанции власти и индивидуализму. По отношению к другим показателям Г. Хофстеда и Украина, и Беларусь демонстрируют невысокие значения избегания неопределенности, приблизительно одинаковый уровень терпимости, однако очень сильно отличаются по долгосрочной ориентации, маскулинности и монументализму.

Согласно показателям, характеризующим некоторые нормы, отражающие склонность населения к восприятию либеральных институтов, украинцы оказались носителями культуры, в которой нарушение законодательства стало устойчивой привычкой при достаточно высокой общей правовой грамотности населения и отсутствию у подавляющего числа субъектов заинтересованности защищать свои права. По отношению к институтам координации украинцы, с одной стороны, осуждают авторитарную власть, стремятся к демократическим

свободам, обеспечивающим свободное развитие предпринимательства, а с другой – готовы принять авторитарные методы управления во имя установления порядка, достижения высоких социальных стандартов за счет бюджетных средств, поддержания низких и стабильных цен. При этом, невзирая на осуждение коррупции, они готовы занять властные посты, гарантирующие, согласно мнению большинства, доступ к ресурсам и дополнительным доходам.

Такое же отношение к власти выявлено и среди белорусов, которые в подавляющем большинстве сами не прочь были бы оказаться во властных структурах именно с целью обогащения за счет занимаемых должностей. По отношению к правовой культуре белорусы оказались законопослушной нацией, стремящейся соблюдать законы и не нарушать их. С точки зрения склонности к рыночным или государственным институтам координации, белорусское население проявило себя как такое, которое хотя и не нацелено на активную предпринимательскую деятельность, все же не склонно рассчитывать на государство в вопросах повышения своего материального благосостояния. В целом же люди в Беларуси склонны воспринимать государство в качестве достаточно «постороннего», «параллельного» экономического субъекта.

Практически по всем индексам Беларусь ближе к Украине, чем к России, хотя все эти страны являются этносоциумами с базисной X-матрицей. Это свидетельствует о том, что идентичность институциональных матриц не обязательно означает идентичность социумов и их одинаковое мировосприятие. Одни и те же внешние факторы политического, экономического и духовного плана по-разному будут восприняты в таких сообществах, что исключает наличие единого механизма имплантации комплементарных институтов в базисные матрицы. Каждое общество должно найти свой специфический механизм, учитывающий и особенности исторического периода эволюции социума, и влияние стран-соседей, и потенциальную реакцию своего собственного населения на различные «имплантации» и «вживления».

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В. Модель человека в экономической науке / В. Автономов. – СПб. : Экономическая школа, 1998. – 230 с.
2. Агапова И. И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия / И. И. Агапова. – М. : Юристъ, 2002. – 190 с.
3. Аррон Р. Этапы розвитку соціологічної думки: Монтезьє. Конт. Маркс. Токвіль. Дюркгайм. Парето. Вебер / Р. Арон ; пер. з фр.: Г. Філіпчук ; наук. ред.: О. Шевченко . – Київ : Юніверс, 2004 . – 685 с.
4. Батай Ж. Проклятая доля / Ж. Батай. – М. : Логос, 2003. – 208 с.
5. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры / Р. Бенедикт. – СПб. : Наука, 2007. – 360 с.
6. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
7. Бернье Ф. История последних великих потрясений в государстве Великого Могола / Ф. Бернье. – М. : ГПИБ, 2008. – 487 с.
8. Бессонова, О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России/О.Э. Бессонова. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999. – Режим доступа: <http://ie.boom.ru/Bessonova/Mon2.htm>. – 30.10.2010.
9. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика / Д. Боуз. – Челябинск: Социум, 2004. – 392 с.
10. Брук С. И. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX – XX ст. – 1917 г.) / С. И. Брук, В. М. Кобзун // История СССР. – 1980. – № 3. – С. 24–34.
11. Бункина М. Экономический человек / М. Бункина, А. Семенов. – М. : Дело, 2000. – 176 с.
12. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 884 с.
13. Вебер М. Избранные произведения: пер. с англ. / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
14. Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? / Т. Веблен // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса: под ред. В. С. Автономова, О. И. Ананьина. – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – 533 с.
15. Веблен Т. Теория праздного класса: пер. с англ. / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984. – 368 с.
16. Вольчик, В.В. Роль групп специальных интересов в эволюции российского института власти-собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/296982/print.html>
17. Вольчик В.В. Эволюция российского института власти-собственности / В. В. Вольчик // Политическая концептология: Журнал междисциплинарных исследований, 2009. – № 1. – С.154–178.
18. Вунд В. Проблемы психологии народов. М. : Академический проект, 2011. – 136 с.

19. Гальчинський А. Лібералізм: уроки для України: наук.-попул. есе / А. Гальчинський. – К. : Либідь, 2011. – 288 с.
20. Гегель Г. В. Ф. Філософія історії // Соч. в 3 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 3 – 472 с.
21. Гельвецій К. О человеке / К. Гельвецій // Соч. в 2 т. – М. : Политиздат, 1974. – Т.2 – 548 с.
22. Гісторыя Беларусі у кантэксце сусветных цівілізацый / Пад рэд. В.І. Голубовіча. – Мн., 2005. – 584 с.
23. Годелье М. Загадка дара / М. Годелье. – М. : Восточная литература, 2007. – 295 с.
24. Грачев М. Менеджмент в «международной системе координат» / М. Грачев // Экономические стратегии. – 1999. – № 2. – С. 19–32.
25. Грицак Я.Й. Нарис історії України: формування модерної української нації ХІХ–ХХ ст. / Я. Й. Грицак. – К.: Генеза, 1996. – 360 с.
26. Грицак Я. Схід і Захід України: інтеграція чи дезінтеграція / Я. Грицак, О. Маланчук, Н. Черниш // УНІАН-політика (огляди, коментарі, прогнози). – 1994. – № 36 (937). – С. 4-18.
27. Гриценко О. А. Менталітет як категорія інституціональної теорії / О.А. Гриценко // Економічна теорія. – 2005. – № 1. – С. 35–51.
28. Грушевський М. Історія України-Руси / М. Грушевський. – К.: Основа, 1993. – Т. ІV. – 544 с.
29. Гумилев, Л.Н. Этнос как явление / Л.Н. Гумилев // Доклады Географического общества СССР, 1967. – Вып.3. – С. 90-107.
30. Гумилев, Л.Н. Этногенез и этносфера / Л.Н. Гумилев // «Природа», 1970. – №1. – С. 46-55.
31. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народонаселению/ Л. Гумилев. – М. : АСТ:Астрель, 2010. – 415 с.
32. Дворниченко А.Ю. Городская община и князь в древнем Смоленске / А. Ю. Дворниченко // Город и государство в древних обществах / А.Ю. Дворниченко. – Л., 1982. – С.140–146.
33. Джонс Р. Экономические сочинения / Р. Джонс. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 370 с.
34. Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I. – М.: ГУ ВШЭ, 1995. – Кн.1. – 495 с.
35. Дорошенко Д. Нарис історії України / Д. Дорошенко. – Л.: Світ, 1991. – 576 с.
36. Драгоманов М. Вибрані твори / М. Драгоманов. – Прага, 1937. – Т.1. – 243 с.
37. Древнерусские княжеские уставы ХІ—ХV вв. М., 1976. – 241 с.
38. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
39. Дэвид П. Зависимость от предшествующего развития и исторические общественные науки: вводная лекция / П. Дэвид // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса: под ред. В. С. Автономова, О. И. Ананьина. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 533 с.

40. Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. – М. : Магистр, 1998. – 360 с.
41. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт // Зомбарт В. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. – СПб. : Владимир Даль, 2005. – С. 23–477.
42. Зырянов, П.Н. Полтора века споров о русской сельской общине / П.Н. Зырянов // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX веков. - СПб.: Алетейя, 1999. – С. 87-101.
43. Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. – Мн.: Маст.літ., 1990. – 366 с.
44. Иванов Л. Гламурный капитализм: логика «сверхновой» экономики / Л. Иванов // Вопросы экономики. – 2011. – № 7. – С. 44–61.
45. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.
46. Иноземцев В. Л. Вечные ценности в меняющемся мире. Демократия и гражданское общество в новом столетии / В. Л. Иноземцев // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 8. – С. 394.
47. История Беларуси. Часть 2 /Под ред. Трещенка Я.И. – Могилев, 2005. – 310с.
48. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант Сочинения в шести томах. Т. 6. – М. : Мысль, 1966. С.349-587.
49. Кирдина С. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики, 2004. – №10. – С.89-98.
50. Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. – М. : ТЕИС, 2000. – 323 с.
51. Кобзун В. М. Численность и удельный вес украинского населения на территории СССР в 1795–1959 гг. / В. М. Кобзун, Г. П. Махнова // История СССР. – 1965. – № 1. – С. 124–186.
52. Корнаи, Я. Дефицит / Я. Корнаи. – М.: Наука, 1990. – 607 с.
53. Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 38-51.
54. Костомаров М. Дві руські народності / М. Костомаров. – К. : Вид-во книгарні Є. Череповського, 1918. – 276 с.
55. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – №3. – С. 121– 139.
56. Ксензова В. Е., Ксензов С. В., Крижановская Е. В. Особенности белорусской ментальности / В. Е. Ксензова, С. В. Ксензов, Е. В. Крижановская // Економічний вісник НГУ. – №2. – 2015. – С. 20–31.
57. Кузнецов И.Н. История государства и права Беларуси: Учебно-справочное пособие. – Мн.,2006. – 142 с.
58. Куліш П. Про причини взаємної ворожнечі поляків і українців в XVII віці. Т.2. Записки о Южной Руси / П. Куліш. – 1857 р. – 278 с.
59. Кулишер И. История экономического быта Западной Европы / И. И. Кулишер. – 9-е изд. – Челябинск: Социум, 2004. – Т.1. – 617 с.

60. Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. – М. : РОССПЭН, 2007. – 1392 с.
61. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма / К. Лаваль. – М. : НЛО, 2010. – 432 с.
62. Лагутін В. Д. Людина і економіка: моногр. / В. Д. Лагутін. – К.: Вища шк., 1996. – 194 с.
63. Латова Н. Ю. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей [Текст] / Н. Латова, Ю. Латов // Вопросы экономики. – 2008. – № 5. – С.80–102.
64. Латова Н. В. Этнометрические измерения: теория и практика / Н. В. Латова // Социология. – 2003. – №17. – С.142–166.
65. Латова Н. В. Восточнославянские страны на ментальной карте мира по Г. Хофстеду / Н. В. Латова, В. Ю. Латов // Наук. пр. Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. – Вип. 38–1. – Донецьк: ДонНТУ, 2010. – 232 с.
66. Латова Н. В. Россия на ментальных картах мира / Н. В. Латова, В. Ю. Латов // Проблемы современной экономики и институциональная теория: под ред. В. В. Дементьева, Р. М. Нуреева. – Донецк: ДонНТУ, 2009. – 500 с.
67. Латова, Н.В. В какой матрице мы живем? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Том 1. – №3. – С. 89–94.
68. Латов Ю. В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне / Ю. В. Латов, Н. В. Латова // Общественные науки и современность. – 2001. – № 4. – С. 31–43.
69. Лебедева Н. М. Культура как фактор общественного прогресса / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М.: ЗАО "Юстицинформ", 2009. – 408 с.
70. Леви-Брюль Л. / Л. Леви-Брюль. – Сверхестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
71. Липов В. Институциональная комплементарность социально-экономических систем / В. Липов. – Х. : Изд-во ХНУ имени В. Н. Каразина, 2011. – 484 с.
72. Липов В. Институциональная комплементарность и гетерогенизация цивилизационных моделей экономического развития / В. Липов // Формування ринкової економіки. – 2014. – № 31.1. – С. 125 – 135.
73. Липов В. Мотивація інституціональних змін у трансформаційній економіці. Монографія / В. Липов. – Х. : НФаУ, 2004. – 184 с.
74. Липов В. Множественность денежных систем как инструмент гетерогенизации институциональной составляющей СЭС / В. Липов // Економічний вісник Національного гірничого університету. – 2013. – № 1. – С. 25–33.
75. Липов В. Невидима рука чого ... або кого? Від взаємного пристосування до інституційної комплементарності / В. Липов // Економічна теорія. – 2011. – № 3. – С. 21–35.
76. Липов В. Институциональная комплементарность как фактор формирования социально-экономических систем / В. Липов // JOURNAL OF

INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). – Том 4, № 1. – 2012. – С. 25 – 42.

77. Липов В. Міжнародна економіка: світова економіка та міжнародні економічні відносини. Модуль 1. Світова система господарювання. Навчально-практичний посібник / В. Липов. – К. : Професіонал, 2008. – 368 с.

78. Липов В. В. Институциональная комплементарность в формировании и развитии национальных социально-экономических систем стран мира / В. В. Липов // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2009. – Том 7, № 4. – с. 51–67.

79. Липов В.В. Эволюция форм хозяйствования и развитие экономической теории / В. В. Липов. – Х.: ИНЖЭК, 2008. – 290 с.

80. Макеев С. Ціннісні орієнтації населення Росії і України / С. Макеев // Українське суспільство. – 2007. – С.176–185.

81. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. – Т. 13. – М. : Политиздат, 1959. – С. 1–167.

82. Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2 / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. – Т. 26. – М. : Политиздат, 1963. – 703 с.

83. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 20. – 552 с.

84. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия / Дэвид Мацумото. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 668 с.

85. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М. : Росспен, 1998. – 312 с.

86. Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М. : Госуд. изд - во политич. Литературы, 1995. – 800 с.

87. Мосс М. Очерк о даре / М. Мосс // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М. : Восточная литература, 1996. – С. 83–222.

88. Мюллер, Д. Теория общественного выбора / Д. Мюллер // Панорама экономической мысли / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарт. – СПб.: Экономическая школа, 2002. – 387 с.

89. Мясникова Л. Российский менталитет и управление / Л. Мясникова // Вопросы экономики. – 2000. – № 8. – С. 38–44.

90. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч.1. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў і інш. – Мн.: Беларусь, 1994. – 527 с.

91. Наумов А. Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. – № 3. – С. 70 – 103.

92. Наумов А. И., Петровская И. А.. Изменения в российской деловой культуре в период 1996–2006 гг. // Вестник Московского университета. Серия 24 Менеджмент, 2011– №1 – С. 65-96.

93. Нейсбит Р. География мысли / Р. Нейсбит. – М. : Астрель, 2012. – 285 с.

94. Ніколаєць Ю.О. Поселенська структура населення Донбасу (етнополітичний аспект динаміки) / Монографія. – К. : ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2012. – 188 с.

95. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
96. Нуреев Р.М. Россия: варианты институционального развития / Р. М. Нуреев. – М.: Норма, 2009. – 351 с.
97. Нуреев Р.М. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2009. – 294 с.
98. Нуреев, Р.М. Власть–Собственность в современной России как проблема зависимости от траектории предшествующего развития / Р. М. Нуреев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/293149.html>.
99. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. – М. : Ad Marginam, 1996.– 429 с.
100. Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь / Р. Патнэм // Международная экономика и международные отношения. – 1995. – №4. – С. 77–86.
101. Перестроение России: моногр. / под ред. Ю.М. Осипова, М. М. Гузева, Е. С. Зотовой. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2010. – 358 с.
102. Пилипенко Г. М. Историчні умови домінування інституціональних матриць / Г. М. Пилипенко // Європейський вектор економічного розвитку: зб. наук. пр. – Вип. 2(7). – 2009. – С.112–119.
103. Пилипенко А. Н. Економічна ментальність українців та проблеми її діагностики у трансформаційній економіці / А.Н. Пилипенко, Н. И. Литвиненко // Науковий вісник НГУ. – 2009. – № 10. – С. 94–98.
104. Пилипенко Г. М. Інституціональні чинники співвідношення державної та ринкової координації економічної діяльності / Г.М. Пилипенко: монографія. Д.: Національний гірничий університет, 2012. – 293 с.
105. Пилипенко А. Н., Литвиненко Н. И. Исследование экономической ментальности и исторический поход / А.Н. Пилипенко, Н.И. Литвиненко // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. Випуск 40-2. – 2011. – С.272 – 278.
106. Поланьи К. Великая трансформация: политические и духовные истоки нашего времени / К. Поланьи. – СПб. : Алетейа, 2002. – 320 с.
107. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее и будущее. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. – С. 55–91.
108. Полное собрание русских летописей. – М., 1962, т. 2. – 377 с.
109. Полтерович В. М. Элементы теории реформ / В. М. Полтерович. – М. : Экономика, 2007. – 447 с.
110. Постсоветский институционализм – 2007: варианты институционального развития России: предпосылки, закономерности,

перспективы: Сборник статей / под ред. Р. М. Нуреева. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. – 276 с.

111. Прутська О. О. Інституціоналізм: проблеми економічної поведінки в перехідній економіці / О. О. Прутська. – К. : Логос, 2003. – 256 с.

112. Розміщення продуктивних сил України: підручник / Є. П. Качан, М. О. Ковтонюк, М. О. Петрига та ін. / за ред. Є. П. Качана. – К. : Вища шк., 1997. – 375 с.

113. Семеникова Л. Цивилизационные парадигмы в истории России / Л. Семенникова // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5. – С. 100–116.

114. Семёнов Ю. Политарный («Азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России / Ю. Семенов.– М. : Волшебный ключ, 2008. – 401 с.

115. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Эксмо, 2007. – 958 с.

116. Смит А. Теория нравственных чувств / А. Смит. – М. : Республика, 1997. – 351 с.

117. Сорокин П. Социология революции / П. Сорокин // М. : Территория будущего / РОССПЭН, 2005. – 704 с.

118. Стражний О. Український менталітет: ілюзії, міфи, реальність / О. Стражний. – К. : Книга, 2009. – 365 с.

119. Суименко Е. Номо есопомісус современной Украины. Поведенческий аспект / Е. Суименко, Т. Ефременко. – К. : ИС НАНУ, 2004. – 244 с.

120. Тарасевич В. Экуника: гипотезы и опыты / В. Тарасевич. – М. : ТЕИС, 2008. – 567 с.

121. Тобин Дж. Теорема о «невидимой руке» должна быть модифицирована / Дж. Тобин // Реформы глазами российских и американских ученых. / Под ред. О. Т. Богомолова. – М.: РЭЖ, Фонд «За экономическую грамотность». – 1996. – 273 с.

122. Тромпенаарс Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хампден-Тернер. – Минск : Попури, 2004. – 528 с.

123. Тросби Д. Экономика и культура / Тросби Д. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 256 с.

124. Ушаков К. М., Фишбеин Д. Е. Базовые представления педагогического сообщества: данные одного исследования // Директор школы, 2005. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://somc.ru/node/75>

125. Фишбеин Д. Е. Влияние базовых представлений работников образования Российской Федерации на процесс управления изменениями в российском образовании: автореферат диссертации канд. пед. наук. – Москва, 2007.

126. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

127. Шаститко А. Модели человека экономической теории / А. Шаститко. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 142 с.
128. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. – М. Издательство ЛКИ, 2010. – 160 с.
129. Экономическая история мира. Европа. Т.1 / Под общ. ред. М. В. Конотопова. – 3-е изд. – М.: «Дашков и К», 2010. – 636 с.
130. Экономические субъекты постсоветской России / под ред. Нуреева Р. М. – М. : Московский общественный фонд, 2001. – 312 с.
131. Юм Д. О национальных характерах / Д. Юм // Соч. в 2 т. – М. : Госуд. изд - во политич. литературы, 1966. – Т.2 – 800 с.
132. Юнг К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – С.Пб. : Прогресс-Универс, 1995. – 716 с.
133. Ядов В. А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. – М., 2002. – С. 349 – 363.
134. Янів В. Нариси до історії української етнопсихології / В. Янів; Упоряд. М. Шафваль. – 3-тє вид., стер. – К. : Знання, 2006. – 341 с.
135. Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей / Е. Ясин // Вопросы экономики. – 1998. – № 4. – С. 4–36.
136. Anderson J. The Modernity of Modern States / J. Anderson // The Rise of the Modern State. – L. A. : Atlantic Highlands, 1986. – 222 p.
137. Bollinger D. The Four Cornerstones and Three Pillars in the «House of Russia» ManagementSystem // Journal of Management Development. 1994. Vol. 13, No 2. P. 49-54.
138. Inglehart R. Modernization and post modernization: Cultural economic and political change in 43 societies / R. Inglehart. – L. : Princeton; N. J., Princeton University Press. – 1997. – 168 p.
139. Inglehart R. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W. Baker // American Sociological Review. February. – 2000. – Vol. 65. – P. 19–51.
140. Inglehart R. The Silent Revolution Changing Values and Political Styles / R. Inglehart. – L. : Princeton, 1977. – 214 p.
141. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society / R. Inglehart. – L. : Princeton, 1990. – 268 p.
142. Harrison L. Who prospers? How cultural values shape economic and political success / L. Harrison. – N. Y. : Basic Books, 1992. – 369 p.
143. Harrison L. Culture matters: How values shape human progress / L. Harrison. – N. Y. : Basic Books, 2000. – 431 p.
144. Huntington S. The slash of civilizations / S. Huntington. – N. Y. : Foreign Affairs. – 326 p
145. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded 3rd Edition / G. Hofstede. – N.-Y.: McGraw-Hill, 2010. – 550 p.
146. Hofstede G. Cultures consequences: International differences in work-related velues. / G. Hofstede. – Beverly Hills : Sage, 1980. – 182 p.

147. Hofstede G. *Cultures and Organizations (Software of the Mind)* / G. Hofstede. – L. : Harper Collins Publishers, 1994. – 196 p.
148. Hofstede G. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. 2nd ed. / G. Hofstede. – L. : Thousand Oaks; CA: Sage Publications, 2001. – 256 p.
149. Hofstede G. Values Survey Module 2008 (VSM 08) [Электронный ресурс] / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov, H. Vinken. – Режим доступа: [www/URL:http://geerthofstede.nl](http://www.URL:http://geerthofstede.nl). – 08.01.08. – Загл. с экрана.
150. Hofstede G. *Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context* [Электронный ресурс] / Geert Hofstede // *Online Readings in Psychology and Culture* –2011. – Vol. 2, iss. 1. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014>. – Загл. с экрана.
151. House R. *Cultural influences on Leadership and Organizations*. Project GLOBE / R. House, P. Hanges // *Advances in Global Leadership*. – 1999. – Vol. 1. – P. 171–233.
152. Huntington S. *The slash of civilizations* / S. Huntington. – N. Y. : Foreign Affairs. – 326 p.
153. Koopman P. *National Culture and Leadership Profiles in Europe: Some Results From the GLOBE Study* / P. Koopman, D. Hartog, E. Konrad // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. – 1999. – Vol. 8, № 4. – P. 503–520.
154. Kustin R. *Study of Hofstede's Cultural Value Survey in Post-Soviet country* / R. Kustin // *Journal of Transnational Management*. – 2006. – Vol. 11. – P. 13–17.
155. Minkov, M. *Cultural differences in a globalizing world* [Text] / Michael Minkov. – Bingley. – UK: Emerald Publishing Group Ltd., 2011. – 293 p.
156. Mitry D. *Managerial Leadership and Cultural Differences of Eastern European Economies* / D. Mitry, T. Bradley // *Cross-Cultural Consumer and Business Studies*. ACCBS, Ed. by Scott M. Smith, 1999. – P. 34–46. – Электронный ресурс – Режим доступа: <http://marketing.byu.edu/htmlpages/ccrs/proceedings99/mitrybradley.htm>
157. Pylypenko A. *Regional Map of Mentality after G. Hofstede* / A. Pylypenko, N. Lytvynenko, V. Voloshenuk // *Journal of US-China Public Administration*. – Volume 9, Number 2, February, 2012. – P. 195–204.
158. Schwartz S. *Cultural value orientations* / S. Schwartz. – M.: PH SU HSE, 2008. – 62 p.
159. Schwarz S. *Mapping and interpreting cultural deference's around the word* / S. Schwarz. – Leiden: Brill, 2004. – 268 p.
160. Schwarz S. *Cultural Value Orientation. Nature and Implication of Natural Differens* / S. Schwarz. – V. : Publ. House SU HSE, 2008. – 426 p.
161. Schwarz S. *Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe* / S. Schwarz, A Bardi // *Political Psychology*. – 1997. – № 18. – P. 385–410.

162. Solchanyk R. Ukraine the Former Center Russia and Russia Studies sn Comporative Communism / R. Solchanyk // American Sociological Review. – 1992. – Vol. 25, № 1. – P. 45–67.

163. Spector P. An international study of the psychometric properties of the Hofstede VSM 94 comparison of individual and country Applied Psychology / P. Spector, C. Cooper, K. Sparks // An International Review. – Vol. 50 (20). – P. 269–281.

164. Wandycz P. S. The Lands of Partioned Poland / P. S. Wandycz. – Varshava, 2001. – 234 p.

Наукове видання

СОЦІОКУЛЬТУРНІ ФАКТОРИ ЕКОНОМІЧНОГО РОЗВИТКУ

Під заг. ред. д-ра екон. наук Г.М. Пилипенко

(Російською мовою)

Монографія

Видано в редакції авторів

Підписано до друку 03.03.2017. Формат 30x42/4.
Папір офсетний. Ризографія. Ум. друк. арк. 10,2.
Обл.-вид. арк. 10,2. Тираж 150 пр. Зам. №

Підготовлено до друку та видруковано
в Державному ВНЗ «Національний гірничий університет».
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру ДК № 1842 від 11.06.2004.

49005, м. Дніпро, просп. Д. Яворницького, 19